

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 12 МАРТ 1979

Москва, 4 марта. Выборы в Верховный Совет СССР. Товарищи Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин на избирательных участках.
Фото А. Гостева, В. Мусаэльяна и В. Кошевого (ТАСС)

ПРАЗДНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

4 марта состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы стали праздником социалистической демократии, впечатляющим смотром достижений Советского Союза. И каждый советский человек, знакомясь с итогами выборов в Верховный Совет СССР, испытывает чувства гордости и глубокого удовлетворения. Эти итоги свидетельствуют о новой большой победе нерушимого блока коммунистов и беспартийных, о торжестве социалистической демократии.

Подготовка и проведение выборов — первых после принятия новой Конституции СССР — осуществлялись при самом широком участии народа. Миллионы советских граждан активно работали в избирательных комиссиях, агитколлективах, доверенными лицами. На предвыборных собраниях трудящиеся свободно и всесторонне обсудили политические и деловые качества кандидатов в депутаты, дали им свои наказы. Высокий душевный настрой масс, подлинный демократизм, четкость и организованность избирательной кампании во многом обусловили ход и результаты голосования.

В выборах приняли участие 174 920 221 человек, или 99,99 процента общего числа избирателей, включенных в списки. За кандидатов в депутаты Совета Союза отдали голоса 99,89 процента и Совета Национальностей — 99,91 процента граждан, принявших участие в голосовании. В этом единодушии народного волеизъявления ярко выражена полная поддержка народом внутренней и внешней политики нашей партии и Советского государства, большой и плодотворной работы Центрального Комитета КПСС и его Политбюро.

Результаты выборов вновь демонстрируют несокрушимое идейное и социально-политическое единство советского общества, великую силу братской дружбы всех наций и народностей нашей Родины, сплоченность рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции вокруг ленинской партии.

Полновластие людей труда — подлинных хозяев страны нашло живое воплощение в составе депутатов Верховного Совета СССР десятого созыва. Высоким доверием облечены действительно передовые представители народа, наиболее авторитетные и уважаемые люди. Более половины депутатов — рабочие и колхозники. Около трети — женщины. Свыше 28 процентов депутатов — беспартийные, 21 процент — молодежь до 30 лет. Среди избранников народа — руководители Коммунистической партии и Советского государства, видные организаторы производства, известные деятели науки, культуры и искусства, врачи и педагоги, специалисты различных отраслей народного хозяйства, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Единодушная, твердая поддержка народом политического курса ленинской партии — надежный залог того, что планы коммунистического строительства будут успешно претворяться в жизнь.

Амурская область. Голосуют первопроходцы БАМа, изыскатели экспедиции «Мосгипротранс». В центре один из старейших изыскателей — В. Н. Новожилов. Телефото В. Мариковского (ТАСС)

Москва, 7 марта 1979 года. Торжественное собрание в Большом театре Союза ССР.
Фото А. Гостева

ДОЧЕРЯМ РОДИНЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

7 марта в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное собрание, посвященное Международному женскому дню.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, А. Я. Пельше, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова, М. С. Горбачева.

Собрание открыла секретарь МГК КПСС Р. Ф. Дементьева. Она огласила приветствие Центрального Комитета партии советским женщинам, которое было встречено продолжительными аплодисментами.

На торжественном собрании выступили член президиума Комитета советских женщин, главный редактор журнала «Работница» В. Е. Вавилина, бригадир кузнецов-штамповщиков Автозавода имени И. А. Лихачева Герой Социалистического Труда К. Н. Малин, мать-героиня К. А. Давыдова, мастер машинного доения госплемзавода «Заря коммунизма» Домодедовского района Московской области Н. Е. Толкачева.

Участников торжественного собрания поздравили с праздником московские пионеры.

В приветственном письме Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР участники торжественного собрания единодушно заверили, что трудящиеся Москвы, все советские люди отдадут свою энергию и вдохновение борьбе за претворение в жизнь величественных предначертаний партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (2697)

17 МАРТА 1979

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА И Я. КАДАРА

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

В Кремле 6 марта состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадаром, находившимся в Советском Союзе с дружеским визитом.

В ходе беседы товарищи Л. И. Брежнев и Я. Кадар с удовлетворением отметили успешное развитие всестороннего советско-венгерского сотрудничества, чему в решающей мере способствуют тесные связи между КПСС и ВСРП. Было выражено убеждение, что дальнейшее углубление процесса кооперации и специализации производства на двусторонней основе, равно как осуществление долгосрочных целевых программ сотрудничества в рамках СЭВ, создает прочную основу для дальнейшего экономического подъема Советского Союза и Венгрии, для укрепления экономического потенциала всего социалистического содружества.

Л. И. Брежнев и Я. Кадар подчеркнули, что Советский Союз и Венгрия исполнены решимости совместно с другими странами социалистического содружества и всеми силами, сознающими ответственность нынешнего момента, добиваться оздоровления мирового политического климата.

При обмене мнениями по актуальным международным проблемам товарищи Л. И. Брежнев и Я. Кадар уделили особое внимание обстановке в Юго-Восточной Азии.

Советский Союз и Венгрия решительно осуждают агрессию Китая против Социалистической Республики Вьетнам и рассматривают действенную солидарность с ней как свой интернациональный долг.

Во встрече товарищей Л. И. Брежнева и Я. Кадара, которая прошла в сердечной, дружеской атмосфере и характеризовалась полным единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам, приняли участие секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

7 марта Янош Кадар отбыл на родину.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА И Э. ГЕРЕКА

13 марта состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, прибывшим в Москву с дружеским визитом по приглашению ЦК КПСС.

Выразив удовлетворение развитием всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Польшей, товарищи Л. И. Брежнев и Э. Герек подчеркнули стремление КПСС и ПОРП и впредь углублять связи по партийной, государственной и общественной линиям.

Большое внимание на встрече было уделено дальнейшему повышению эффективности интеграционных мероприятий в рамках Совета Экономической Взаимопомощи и на двусторонней основе.

Рассмотрев актуальные вопросы международной обстановки, товарищи Л. И. Брежнев и Э. Герек подтвердили твердую решимость СССР и Польши оказать всю необходимую поддержку правому делу вьетнамского народа. Интересы всеобщего мира требуют полного вывода китайских войск с территории СРВ, отказа пекинских руководителей от любых посягательств на территориальную целостность и независимость Вьетнама и других государств.

Товарищи Л. И. Брежнев и Э. Герек приветствовали победу революционных сил Кампучии, одержанную под руководством Единого фронта национального спасения.

Участники встречи подчеркнули, что развитие событий в последнее время с новой силой показало необходимость последовательной и настойчивой борьбы за углубление разрядки международной напряженности, распространения ее на весь мир.

Встреча Л. И. Брежнева с Э. Гереком проходила в обстановке сердечности и полного взаимопонимания по всем обсуждавшимся вопросам.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ Л. И. БРЕЖНЕВУ УДОСТОВЕРЕНИЯ ОБ ИЗБРАНИИ ДЕПУТАТОМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

11 марта в Кремле удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета СССР десятого созыва вручено Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

Удостоверение вручил председатель окружной избирательной комиссии Бауманского избирательного округа по выборам в Совет Союза Верховного Совета СССР В. И. Семешкин.

Принимая удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета СССР, товарищ Л. И. Брежнев горячо и сердечно поблагодарил избирателей Бауманского избирательного округа столицы, всех москвичей за оказанные ему честь и большое доверие быть избранным депутатом высшего органа государственной власти.

Л. И. Брежнев сказал, что будет и впредь верно служить делу великого Ленина, идеалам Коммунистической партии, советскому народу, делу коммунизма.

При вручении удостоверения присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, первый секретарь Бауманского райкома партии Москвы С. А. Купреев.

Во время вручения.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

Тепло встретила столица дружественной Индии Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, прибывшего 9 марта с официальным дружественным визитом по приглашению индийского правительства.

В аэропорту Палам, украшенном государственными флагами СССР и Индии, главу Советского правительства встречали Премьер-Министр Индии М. Десаи, министр иностранных дел А. Б. Ваджпаи, государственный министр иностранных дел С. Кунду, мэр Дели Р. К. Гупта, посол Индии в СССР И. К. Гуджрал, а также посол СССР в Индии Ю. М. Воронцов.

9 марта А. Н. Косыгин принял А. Б. Ваджпаи и имел с ним дружественную беседу по вопросам, представляющим взаимный интерес.

В этот же день А. Н. Косыгин имел беседу с вице-президентом Республики Индии Б. Д. Джатти, которая прошла в теплой и дружественной обстановке.

10 марта в Дели состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Республики Индии М. Десаи.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной и деловой обстановке, имел место обмен мнениями по широкому кругу вопросов, касающихся состояния и перспектив развития советско-индийского сотрудничества в различных областях.

При обсуждении актуальных международных проблем стороны рассмотрели вопросы, связанные с укреплением мира и международной безопасности, прекращением гонки вооружений и разоружением, положением в ряде районов мира, в том числе в Юго-Восточной Азии. Особое внимание было уделено рассмотрению положения, сложившегося в результате китайской агрессии против Социалистической Республики Вьетнам. Было выражено единодушное мнение, что восстановление мира и безопасности в этом районе требует полного и безоговорочного вывода китайских войск из Вьетнама и прекращения агрессивных действий против соседних народов.

Председатель Совета Министров СССР нанес визит Президенту Республики Индии Н. С. Редди. В теплой и дружественной обстановке состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-индийских отношений и актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Во второй половине дня на площади в историческом Красном форте состоялся гражданский прием — массовый митинг. Собравшиеся тепло встретили А. Н. Косыгина и М. Десаи.

11 марта член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин встретился с представителями руководства Коммунистической партии Индии — Генеральным секретарем Национального совета КПИ Ч. Раджешвара Рао и секретарем Национального совета М. Н. Говинданом Наиром.

В ходе встречи состоялся обмен информацией о деятельности обеих партий по осуществлению основных задач, поставленных XXV съездом КПСС и XI съездом КПИ.

11 марта А. Н. Косыгин отбыл из Дели в поездку по стране.

Во время массового митинга в Красном форте.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Кошевого.

АГРЕССОР У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Юрий КОРНИЛОВ

Человечество глубоко встревожено массированной вооруженной агрессией, развязанной руководством Китая против Социалистической Республики Вьетнам — страны, ставшей символом мужества, стойкости и самоотверженности в борьбе за мир и независимость. По всем континентам прокатываются мощные волны протеста против преступных действий Пекина, обрушившего на многострадальную вьетнамскую землю разрушения и смерть. «Позор агрессору! Руки прочь от Вьетнама!» — эти лозунги объединяют ныне миллионы и миллионы людей во всех уголках земли.

Глубокая озабоченность и тревога мирового общественного мнения закономерны: своим беспрецедентно наглым разбойничьим нападением на соседнюю суверенную страну, являющуюся важным форпостом социализма в Юго-Восточной Азии, пекинские правители окончательно раскрыли перед всем миром коварную, агрессивную сущность проводимой ими великодержавной гегемонистской политики. Теперь все видят, что именно эта политика представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире.

Гангстерское нападение Китая на независимый Вьетнам — прямой результат глобальной великодержавной политики Пекина, который, действуя в одной упряжке с империализмом, стремится подчинить своему диктату соседние государства и народы, превратить район Индокитая и всю Юго-Восточную Азию в «сферу китайского влияния». В рамках той же политики лежит и провалившаяся попытка пекинской верхушки, осуществив с помощью кровавой марионеточной клики Пол Пота массовое истребление кампучийского народа, превратить опустошенную и порабощенную Кампучию в китайский плацдарм, призванный содействовать планам «окружения» СРВ. В рамках той же политики и провокационное бряцание китайским оружием на границах независимого Лаоса, народ которого вывел свою страну на путь социалистического строительства. Еще в середине 60-х годов Мао Цзэдун призывал не жалеть затрат, дабы «заполучить» Юго-Восточную Азию, и нынешние наследники «кормчего» делают все, чтобы осуществить эти гегемонистские установки.

Если во Вьетнаме китайские гегемонисты пытаются добиться своих черных целей с помощью пушек и танков, то на международной арене они пускают в ход другое оружие — ложь, клевету. Пытаясь сбить нарастающую волну протестов, оправдать свои бандитские действия, пекинские правители (а вслед за ними и определенные круги Запада, склонные вполголоса или исподтишка подбадривать агрессора) усиленно муссируют клеветнический вымысел о том, будто агрессия Китая против СРВ, попирающая общепризнанные нормы международного права, Устав ООН, вовсе и не агрессия, а некая «карательная акция», совершенная в ответ на мифические «агрессивные действия» вьетнамской стороны. Но на кого, спрашивается, этот грубо сработанный пропагандистский трюк рассчитан? Сегодня только тот, кто не хочет смотреть правде в глаза, может игнорировать непреложный факт: наследники Мао, охваченные великодержавными вожделениями и во всеуслышание провозглашающие бредовую концепцию о «неизбежности войны», готовы на любые, самые опасные авантюры.

Безудержный гегемонизм Пекина таит в себе серьезную угрозу делу мира и безопасности народов, и тем не менее факты вновь и вновь подтверждают, что у китайских милитаристов есть на Западе тайные и явные пособники и покровители. Международная общественность обратила внимание на то, что в разгар агрессии против СРВ, в дни, когда китайская военщина по приказу из Пекина вершила на вьетнамской земле акты массового геноцида, столица КНР оказалась местом паломничества ряда высокопоставленных западных эмиссаров, в том числе министра финансов США М. Блюменталя, министра промышленности Англии Э. Варли, председателя Комиссии европейских сообществ Р. Дженкинса, которые демонстративно подтверждали «готовность» крепить с Пекином торгово-экономические и иные связи. Нельзя пройти и мимо того факта, что кое-кто на Западе (да и не только на Западе) упорно поддерживал и все еще поддерживает Пекин и в пропагандистском плане, не только отказываясь осудить китайское вторжение в СРВ, но и пытаясь ставить на одну доску агрессора и его жертву. Что можно сказать по этому поводу? Только одно: те, кто вольно или невольно подыгрывает Пекину, берут на себя серьезную ответственность, ибо любое попустительство пекинской политике — это попустительство насилию и диктату, попустительство попыткам китайского руководства ввергнуть мир в войну.

Вьетнамский народ, имеющий за плечами тридцатилетний опыт борьбы с иностранной интервенцией, и на этот раз не дрогнул перед агрессором, не склонился перед ним. По данным вьетнамского агентства ВИА, за 17 суток непрерывных боев армия и народные ополченцы СРВ вывели из строя более 45000 солдат противника, подбили 273 танка и бронетранспортера, подавили сотни артиллерийских и минометных точек. Дорогую цену платит Пекин за свою милитаристскую авантюру! Столкнувшись с решительным отпором агрессии и пытаясь сбить нарастающую в мире волну протестов, пекинские правители прибегли к очередному маневру — объявили об отводе войск из СРВ, в то время как в действительности китайская агрессия продолжается. Но и этот коварный маневр Пекина разоблачен. Отпор, который дают интервентам героические сыны и дочери Вьетнама, еще раз подтверждает, что силу народа, сплоченного вокруг партии коммунистов, идущего под знаменем социализма вместе с братскими социалистическими странами,— эту силу не сломить никакому агрессору.

Война против Вьетнама — международное преступление, и те, кто его совершил, не уйдут от ответственности! Клеймя позором агрессора, советский народ, народы братских социалистических стран, все, кому дороги идеалы мира, независимости и свободы, вновь и вновь демонстрируют свою солидарность, симпатии и поддержку СРВ. На весь мир прозвучали слова Л. И. Брежнева, сказанные им в речи перед избирателями 2 марта в Москве: «Социалистическая Республика Вьетнам ведет справедливую, благородную борьбу. На ее стороне честные и миролюбивые люди всей земли. Поэтому дело Вьетнама непобедимо, замыслы агрессора обречены на провал».

ЛОТОС И ВИНТОВКА

Яромил ТУЖИЛ

Всего несколько месяцев назад вернулись мы из Вьетнама. Мы — это сотрудники технического управления Чехословацкого телевидения Ян Драбек, Мирослав Гамоуз, Иржи Кубичек, Карел Шамонил и я. Наша страна подарила вьетнамским друзьям четырехкамерный специальный автобус для телевидения. Нам предстояло вручить эту машину вьетнамцам.

Помню Ханой. Жаркий полдень. Наш автобус застрял на мосту через Красную реку. Ничего не поделаешь — час пик. Мост этот одновременно служит поездам, автомобилям, велосипедистам и пешеходам. Никто не раздражался, не ругался. Люди принимали создавшееся положение с улыбкой.

Мог ли я тогда подумать, что через несколько месяцев буду читать в газетах фронтовые сводки из Вьетнама! На многострадальной земле этой страны вновь идет война. Ее развязали пекинские агрессоры. Захватчики встречают мужественный отпор, хотя по характеру вьетнамцы очень приветливы и миролюбивы.

Чехословакия. Массовый молодежный митинг солидарности с героической борьбой вьетнамского народа против китайских агрессоров. Лозунги гласят: «Руки прочь от Вьетнама!», «Вьетнам победит!».

Фото ВИА — ТАСС, ЧТК — ТАСС

Однажды в Ханое мы проводили телевизионную передачу футбольного матча между командами Вьетнама и Лаоса. Я спросил, откуда судья. «Не знаем,— ответили вьетнамцы,— может быть, наш, а может быть, из Лаоса. Ведь в конце концов это все равно». Свисток — и матч начался. Вьетнамская команда забила гол. Огромный восторг! Лаосцы сравняли счет. Зрители ликовали не меньше. Здесь не признают в спорте жесткую, грубую погоню за успехом, любят техничную игру, игру, которая доставляет радость.

Перед глазами у меня стайки черноголовых мальчишек, которые сразу же окружали нас, куда бы мы ни приехали. Сначала застенчивые, а потом любопытные и непосредственные, как все ребятишки на свете, они старались потрогать нас руками, особенно двоих, не самых худых. Ребята спорили, не подложено ли у этих дядей что-то под рубашкой: ведь таких толстых людей не бывает.

«Китайские агрессоры убивают вьетнамских детей, топят их в болотах». Невозможно читать без содрогания эти газетные строки.

Вьетнамцы очень гостеприимны по отношению к иностранцам, которые посетили их страну как друзья. Вспоминаю, как нас принимал директор ханойского телевидения Ли Ван Сау. Среди угощений было национальное блюдо — шарики в сахарной пудре, приготовленные из цветков лотоса. Они нам очень понравились, и мы их назвали «орешками». На следующий день коллеги принесли нам целую тарелку «орешков». Оказывается, одна из девушек, сотрудница телевидения, готовила их до поздней ночи.

Нашей переводчицей была Минь Ха. Она закончила в Братиславе высшее учебное заведение и отлично говорила по-словацки. Маленькая, хрупкая, очень скромная. Однажды, во время короткого перерыва в работе, она без всякого пафоса сказала: «Я работаю инженером. Но если придется, возьму винтовку и пойду воевать».

И вот теперь, когда в кадрах кинохроники я вижу вьетнамских бойцов, дающих отпор китайским агрессорам, я говорю: «Победы тебе, Минь Ха, и всем твоим соотечественникам — гражданам мужественного Вьетнама. Скорейшей победы над захватчиками».

Прага.

Китайские солдаты, взятые в плен в провинции Каобанг.

Степан ЩИПАЧЕВ

НА ЗЕМНЫХ ШИРОТАХ

Теплая душа живая,
Жизнь дает тебе настрой —
И в поэзии бывает
Не до нежности порой.

Есть людская боль до крика,
Значит, есть и боль строки.
Мозамбик и Коста-Рика
Знают, кто у них враги.

Пули память исстрочили.
Привкус — окисью свинца.
Никарагуа и Чили
Встанут, кровь сотрут с лица!

Встанут там, где свет темнится,
Где правителям страны
В яви видится и снится
Желтое лицо войны.

В их зловещей теореме
Кровь, железо, мир в огне.
Но не их указкой время
Тычет в карту на стене.

По антеннам из Вьетнама
Сводки мужества летят.
Порохом пропахло знамя,
Из-под каски твердый взгляд...

Пусть еще вся в грозной рани,
Но крепит свои права
Революция в Иране,
Ищет верные слова.

...Я жалею, что ни разу
Не бродил когда-то там:
От Рязани до Шираза —
По есенинским местам.

Хельсинки. Президент Всемирного Совета Мира Р. Чандра выступает перед представителями прессы.

Фото АП—ТАСС

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ВЬЕТНАМА!

«Руки прочь от Вьетнама!» — такой призыв к мировой общественности единодушно приняла состоявшаяся в Хельсинки 6—8 марта Международная чрезвычайная конференция солидарности с Вьетнамом.

Ее участники, представлявшие более ста стран, посланцы 170 национальных и свыше тридцати международных неправительственных организаций, решительно осудили вооруженную агрессию, развязанную руководством Китая против Социалистической Республики Вьетнам. «Это — грубое нарушение устава ООН, общепринятых и обязательных для всех норм международного права. Это угроза разрядке и мирному сосуществованию,— говорится в призыве конференции.— Это — опасное проявление авантюризма китайских руководителей, политика которых чревата риском катастрофы для всего человечества».

Конференция обратилась к китайскому народу, настоятельно призывая его сделать все возможное, чтобы положить конец этой войне.

С признательностью говорили участники международного форума в Хельсинки о позиции Советского Союза и других социалистических стран, выступивших с суровым предупреждением в адрес захватчиков, что играет большую роль для предотвращения дальнейшего расширения агрессии.

Делегаты конференции внесли конкретные предложения по развертыванию международной кампании солидарности и помощи Вьетнаму. На его стороне все, кому дороги мир, свобода и независимость.

ПЕРВОЕ ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ
ОГОНЁК
СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

18 марта 1919 года в Круглом (ныне Свердловском) зале Московского Кремля открылся VIII съезд РКП(б). Письмо читателя И. Сельванюка возвращает нас как раз к тому напряженнейшему времени, когда проходил VIII партийный съезд, ставший событием историческим.

В партию я вступил в феврале 1919 года. Прошло 60 лет, но я хорошо помню то грозное время и хочу рассказать о своем первом партийном поручении.

...Март 1919 года. Город Велиж. Белогвардейский мятеж подавлен, но всюду еще банды грабят население, зверски убивают коммунистов и комсомольцев, членов волостных Советов и комитетов бедноты. Бандитам удалось почти совсем изолировать наш Велижский уезд, оборвав километры телеграфных проводов, выведя из строя радиостанцию, парализовав работу почты. Продовольственные обозы перехватывались бандами. Городу грозил голод.

Чоновцы героически отбивали атаки врагов, но нужна была связь, связь с большими городами. Поэтому уездный комитет партии принимает решение послать в Смоленск связных Соню Власову и Петю Малашонка. По дороге их схватили бандиты. Петю зарубили шашками, а Соню, надругавшись, сожгли живой на костре. Над могилами героев-комсомольцев мы поклялись отомстить

И. Сельванюк. 1919 год.

врагам, еще крепче бороться за дело партии, за власть Советов.

И снова пошли на связь. На этот раз Саша Прохоров и я. Напутствовали нас, шестнадцатилетних коммунистов, руководители укома И. С. Богданов и И. В. Карнаухов. Мы должны были любыми путями добраться до Витебска и сообщить в губком РКП(б) о положении в городе и уезде. Чтобы не вызвать подозрений, мы взяли несколько аршинов домотканого полотна и фунта по три пряжи для «обмена на соль». Получили мы и «сухой паек» — буханку хлеба и кусок сала.

Вышли чуть свет, а поздно вечером добрались до местечка Усвяты. Переночевали и утром отправились дальше.

Шли глухой лесной дорогой. Вдруг впереди показались вооруженные верховые. Белые взяли нас в кольцо, поручик начал допрашивать. Мы сказали, что идем из Церковища (село за Усвятами) в Пудоть, так как, по слухам, там есть соль.

— Опоздали,— заявил поручик.— Там мы уже разделались с комиссарами и коммунией!

Нас избили, забрали полотно и пряжу, пригрозили, чтобы больше не попадались, и ускакали.

Саша с трудом встал, спина вся в крови, рубашка изорвана. Я выглядел не лучше. Еле волоча ноги, пошли дальше...

В Витебском губкоме партии нас расспросили о положении в уезде, порадовали вестью, что в Велиж посланы продовольствие, медикаменты и новая радиоаппаратура.

Вечером товарищи принесли нам несколько номеров «Правды». В одном из них был напечатан доклад В. И. Ленина на VIII съезде о партийной программе. Это была программа построения в нашей стране социалистического общества, первого в истории социалистического государства.

Мы заспешили в Велиж, не терпелось скорее рассказать новости друзьям. «Правду» спрятали за подкладки полушубков и папах. И чтобы «узаконить» наше путешествие, захватили с собой фунтов пять-шесть соли. В то время это была высококотируемая «валюта». Например, в Веречье за горсточку соли нас отлично накормили.

У деревни Малое Красное опять столкнулись с бандитами. Услышав окрик: «Стой! Стрелять буду!» — мы бросились бежать к реке.

Вдруг у меня развязалась обмотка, я споткнулся, упал и очутился в полынье. Саша протянул руку, помог мне выбраться.

Намокший полушубок мешал мне двигаться, брюки обледенели, в ботинках хлюпала вода. Начало светать. Поднялся ветерок. Взобравшись на возвышенное место, определили, что находимся километрах в двух от города.

Когда совсем рассвело, я увидел, что у Саши полушубок и правая рука в крови. Он хотел что-то сказать и... упал. Укутав его получше, я решил добраться до города один, прислать помощь. Шел с трудом, несколько раз падал, ног не чувствовал. Недалеко от Суражской улицы меня окликнул комсомольский патруль. Я сумел только крикнуть: «Спасите Сашу!» — и потерял сознание...

Лежали мы с Сашей в одной палате. У него было сквозное ранение плеча, у меня обморожены ноги.

Принесенные нами из Витебска газеты расправили и высушили тут же в палате. Все новости рассказали товарищам из Велижского укома партии.

Через несколько дней состоялось экстренное собрание коммунистов и комсомольцев. Партийная организация готовилась к решительной борьбе. На помощь нам из уезда прибыла группа партработников.

А через неделю в город входил большой обоз с продуктами, медикаментами, снаряжением.

Таким было мое первое партийное поручение.

И. СЕЛЬВАНЮК,
член КПСС с 1919 года

В ОТВЕТ

«Как можно научить писательству? Какие практически могут быть ученики у Толстого, Достоевского, Чехова? Писательство — это тяжелая работа в одиночку». Эти слова, сказанные не так давно с трибуны первой творческой конференции молодых литераторов Москвы, вызывают на спор. Конечно, бесталанному автору неспособны помочь ни наставничество большого писателя, ни участие в крупном литературном форуме. Конечно, писательство — глубоко интимный процесс, требующий огромной сосредоточенности, а следовательно, одиночества. И все-таки последнее правильно, когда речь идет о зрелом, сложившемся мастере. Молодому же, неокрепшему дарованию необходима помощь, чтобы оно раскрылось как можно полнее, чтобы вступающий на писательскую стезю, увидев свои возможности, почувствовал себя уверенно.

Вспоминаются и слова, произнесенные Леонидом Леоновым на одной из встреч с творческой молодежью: «Будьте жестче к себе, чаще бейте себя по щекам!.. Не идти в литературу, а обрекать себя на служение ей. Талант — это труд и труд».

Вот этому-то «обречению себя» на служение литературе и способствуют ставшие традиционными Всесоюзные совещания молодых писателей, проводимые Союзом писателей СССР и ЦК ВЛКСМ. А предшествовавшие очередному VII Всесоюзному совещанию республиканские, краевые, областные встречи молодых писателей, фестивали и конкурсы начинающих авторов способствовали выявлению наиболее талантливой творческой молодежи.

— Одна из моих книг, адресованных молодым литераторам, называлась «Разговор начистоту»,— говорит участник 1-го Всесоюзного совещания молодых писателей 1947 года, ныне известный советский поэт, главный редактор журнала «Новый мир» Сергей НАРОВЧАТОВ.— Так вот разговор начистоту о молодой писательской смене сегодня особенно злободневен. Почему? Да потому, что наше общество предоставляет молодежи огромные возможности для творческого самораскрытия. Твори, выдумывай, пробуй! Но помни при этом: твой первый шаг в искусство есть первый шаг к делу всей твоей жизни...

— ...Или к драме, к краху многих надежд. Не так ли, Сергей Сергеевич? Ведь литература — слишком серьезная вещь. Недаром Маршак сказал: «Но уж коль ты начал — ты уже не начинающий». Значит, к начинающему можно и нужно предъявлять самые серьезные требования и судить о первых творческих опытах по высокому счету.

— По такому счету, какой нам, участникам совещания сорок седьмого года, предъявили старшие товарищи, мастера литературы. А впрочем, и само время, эпоха, строгая и суровая. Одним словом, и тогда, тридцать лет назад, и сегодня, быть может, в особенности мы ратуем за мастерство литератора, за качество его работы. Вы только посмотрите, каким качественным рубежом нашей литературы стало первое совещание, сколько имен оно открыло! Особенно ярко это видно сегодня: на первом совещании молодых писателей оформилось целое поколение в литературе. Мы почувствовали себя такой же ротой на марше, какой были еще недавно на фронтах войны. Мы — это Семен Гудзенко и Владимир Тендряков, Михаил Луконин и Сильва Капутикян, Алексей Недогонов и Сергей Орлов, Александр Межиров и Платон Воронько, Николай Тряпкин и Вероника Тушнова, Иосиф Нонешвили и Сергей Баруздин, Анатолий Алексин и Василий Захарченко... Если продолжить перечисление, то получится не рота, а чуть ли не батальон. А если добавить, что многие молодые, пришедшие с войны, не успели попасть в списки участников первого совещания, а принимали участие во втором, которое проходило спустя пять лет, то можно увидеть целую плеяду советских писателей, прошедших через совещания молодых литераторов и вслед за боевым крещением получивших крещение творческое, настоящую выучку.

— А вы все-таки считаете, что писательству можно выучить?

— Не выучить, не научить, но поставить вкус, дать необходимые навыки писательского ремесла, ввести в литературу и, наконец, помочь выбрать ориентиры, направление творческих поисков! Все это может дать мастер на коллективном обсуждении рукописи. А качество — если у тебя есть дарование и если ты думаешь серьезно писать — придет. Главное — честно и искренне писать о себе и о времени, о своей эпохе. Истинные удачи художника лежат только на путях постижения своего времени. Когда мы были молодыми, целью наших поисков были поиски счастья. Кончилась война, мы вынесли на своих плечах тяжесть победы, мы с эпохой накрепко породнились. Гейне говорил о трещине мира, прошедшей через его сердце. Даже если у вас все благополучно, вам не даст покоя чужое горе. Можно, конечно, замкнуться в небольшом облюбованном мирке, как это делают и сегодня иные молодые литераторы, но все равно реальная жизнь нарушит этот иллюзорный покой.

Да, на всех творческих форумах молодых идет бескомпромиссный принципиальный разговор о качестве прозы и поэзии, драматургии и критики, о том, чему должно служить перо художника в наше время, о нелегкой писательской судьбе. В последние годы уделяется много внимания литературной критике — ведь именно под пером критика как бы обнажаются удачи и просчеты литературы наших дней. Вот почему на совещании молодых литераторов Москвы в Софрине в семинаре, которым руководили известные критики В. Огнев, И. Золотусский, М. Лобанов, В. Гусев, качеству работы критиков было уделено первостепенное внимание. И далеко не все в работе молодых коллег удовлетворило требовательных учителей.

Участником 2-го Всесоюзного совещания молодых писателей

Е ЗА СЛОВО

1952 года был ныне известный советский писатель-прозаик, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, главный редактор журнала «Москва» Михаил АЛЕКСЕЕВ.

— Легко складывающихся писательских судеб я что-то не припомню,— говорит он.— Бывает, что после первой же книжки ее автора услужливые и, правду сказать, не шибко ответственные критики вознесут до небес, и на этакой-то вышине не мудрено вскружиться иной, жаждущей славы голове... Сколько на нашей памяти этих бенгальских огней!

Случилось так, что с молодыми литераторами я неразлучен со дня вступления в литературу. На четырех Всесоюзных совещаниях я был руководителем семинара, а на 2-м «семинаристом». Вот тогда я почувствовал, что такое добрая рука старшего собрата по перу. А. А. Фадеев дал путевку в жизнь первому моему детищу — роману «Солдаты». Радуюсь, в свою очередь, тому, что первым написал я о книге мало кому известного тогда Василия Шукшина, поддержал его «Сельских жителей». Сборник этот включал в себя около двух десятков новелл, и все были необыкновенно свежи и оригинальны. Это облегчало мое положительное «прогнозирование».

Такое, правда, бывает нечасто. Вот, скажем, мне пришлось подводить итоги предыдущего, 6-го совещания, и я сказал тогда: не лучше ли обождать с окончательными итогами лет эдак десять, а то и побольше? Не лучше ли увидятся из тех будущих лет имена нынешних «семинаристов», как увиделись имена участников первого, второго и третьего совещаний, без которых уже не обходится сегодня ни один критик и литературовед. Время все расставит по своим местам. Оно мудрее и опытнее нас...

И еще скажу: я убежден, что и в литературе существует нечто похожее на периодическую таблицу Менделеева. Ее, правда, никто не открыл, и это хорошо. Каноны в литературе — вещь опасная. Но молодой литератор должен как можно скорее найти и отстоять свое место, свой элемент в бесконечном ряду имен, из которых состоит литература в целом.

М. Н. Алексеев отдает много времени будущей смене нашей литературы. Редактируемый им журнал «Москва» ежегодно посвящает 6-й номер творчеству молодых. «И мы в первую очередь стараемся публиковать произведения, — говорит Михаил Николаевич, — в которых остро запечатлены приметы нашего времени, в которых авторы мыслят широко, масштабно».

К сожалению, не всегда начинающие литераторы понимают, что смелость и масштабность мысли — важнейшее качество подлинного художника. Недаром в проходящей сейчас на страницах «Литературной России» дискуссии о современной молодой прозе прозвучал серьезный упрек молодым авторам: «...И все же большинство... конфликтов слишком локально, порой даже камерно, замкнуто «на себя». Здесь почти не чувствуется воздуха нашего большого времени, его перспектив, его качества. С провинциальных улочек, с деревенских проселков, из окон благоустроенных городских квартир, даже из мест необычных, экзотических — скажем, с полярной зимовки или тянь-шаньского автомобильного тракта, куда нередко перебрасывается действие написанных молодыми рассказов и повестей, почти никогда не видать перевала восьмидесятых годов, тем паче — перевала столетия».

— Думаю, мы правильно делаем, уделяя неослабное внимание литературной смене. Недаром ЦК нашей партии принял постановление «О работе с творческой молодежью»,— начал свой рассказ о предстоящем совещании секретарь правления Союза писателей СССР, председатель Совета по работе с молодыми литераторами поэт О. ШЕСТИНСКИЙ.— Ведь те, кому сегодня 20—30 лет, на рубеже XX—XXI столетий будут определять судьбы нашей литературы. И здесь можно вспомнить о традиции, идущей со времен Пушкина и Державина: заметить и благословить. Конечно, никто не может вложить в человека даже крупицы таланта — это дается от рождения,— но задача молодого писателя в том, чтобы умело использовать данный ему талант, а задача старших — использовать все возможные обстоятельства, дабы укрупнить личность молодого писателя, приобщить его к животрепещущим проблемам времени.

Нынешнее, 7-е совещание по своим внешним чертам похоже на все предыдущие, однако мы вправе говорить об известном качественном его отличии. Многие видные наши писатели, знакомившиеся с рукописями кандидатов на совещание, отмечают, что художественный уровень прозы, поэзии, драматургии молодых выше, чем был на предыдущих совещаниях. Я тоже получал эстетическое удовлетворение, читая многие рукописи. Назову два имени. Владимир Гузий приехал на БАМ из Волгограда, написал книгу стихов, издательство решило включить ее в план. Перед молодым человеком открывалась широкая творческая дорога. Но, все взвесив, автор решил, что рукопись еще не достойна издания отдельной книгой. Он забрал ее из издательства и продолжает изучать жизнь строителей магистрали как журналист. К нам в Москву он едет в качестве члена делегации молодых литераторов БАМа. Эти штрихи жизни В. Гузия показывают серьезность его отношения к творческой работе.

Татьяна Смирнова — агроном одного из отдаленных районов Костромской области. Меня волнует ее трепетное отношение к зерну, к колосу, к тому, как он растет на земле, как наливается соком. Она счастлива, когда видит золотое бескрайнее поле, все это становится ее поэзией в силу того, что сопряжено с ее душой, с повседневной жизнью на родной костромской земле.

Могу назвать имена Михаила Андреева из Томска, Павла Юлаева с КамАЗа, Владимира Салемона из Москвы.

Всего же в совещании примут участие триста литераторов, творчество которых будет проанализировано мастерами прозы, поэзии, драматургии, критики: Г. Марковым и А. Ананьевым, В. Астафьевым и Е. Носовым, В. Цыбиным и В. Федоровым, Е. Исаевым и В. Сорокиным, Ю. Суровцевым и А. Алексиным, А. Салынским и А. Ивановым...

...Размышляя в эти дни над судьбами нашей молодой литературы, нельзя не вспомнить слова, высказанные Л. И. Брежневым в книге «Целина»: «Появилась талантливая молодежь, знавшая и любившая не только старые традиции и песни, но и всю советскую, мировую литературу. Это были люди, свободные от рутины, и надо было их поддержать».

Поддержать тех, кто ищет новые, непроторенные, неоткрытые пути в искусстве, соединяя в своих художнических исканиях гражданскую страстность со стремлением проникнуть в духовную сущность человека,— задача предстоящего форума. Это будет большой разговор, волнующая встреча крупнейших мастеров слова с молодыми писателями, которые призваны определять завтрашнее лицо нашей литературы.

Феликс МЕДВЕДЕВ

НАГРАДЫ ВЕНЧАЮТ ТРУД

Этого города еще нет на картах. Есть только поселок, зажатый между громадами сопок. Но неподалеку от него уже растут многоэтажные дома — намечаются первые контуры будущего города Северобайкальска. Здесь, на берегу озера Байкал, в местах, куда нечасто забредали охотники и туристы, будут жить десятки тысяч человек. Первые новоселы въедут в отдельные двух- и трехкомнатные квартиры уже в нынешнем году.

А пока средоточие жизни — в поселке Северобайкальске, с его сборно-щитовыми домиками, с огромными стаями собак, очень дружных и миролюбивых, с временными бытовыми неудобствами, но уже с красавицей столовой «Таежной», с просторными магазинами, с уютным клубом.

Именно сюда, в клуб поселка Северобайкальска, 24 февраля приехали лучшие строители БАМа на чествование победителей конкурса, объявленного три с половиной года назад Министерством транспортного строительства СССР, Центральным комитетом профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, штабом ЦК ВЛКСМ на БАМе и редакцией журнала «Огонек».

Этот конкурс проводится среди коллективов, работающих по методу бригадного подряда. Метод, зачинателем которого был Николай Злобин, получил на строительстве магистрали очень широкое распространение. Себестоимость строительства и монтажа снизилась при этом более чем на 7 миллионов рублей.

Конечно, не все так просто: внедрение нового метода на огромной стройке — дело наисложнейшее. Вот что рассказывает начальник строительно-монтажного поезда № 574 А. Кузнецов:

— Тяжелее всего было с налаживанием учета затрат на бригаду. Пришлось отрабатывать практически новую систему учета. Провели собрание с рабочими, заключили договора и сразу почувствовали силу бригадного подряда: уже не только мастер, прораб старались вовремя заказать механизмы, конструкции и материалы, но и сами рабочие дружно искали выход из трудных положений...

Очень нелегко было из десятков соревнующихся бригад выбрать победителей конкурса. Обладателями кубков журнала «Огонек» на этот раз стали бригады А. Гусева и Г. Салачонка с Центрального и Западного участков БАМа.

Огоньковцы тепло поздравили своих друзей — победителей третьего этапа конкурса — и пригласили их приехать в Москву, где они будут гостями редакции.

Победители конкурса.

Фото В. Кузнецова

НИГЕРИЯ СМОТРИТ В БУДУЩЕЕ

Михаил ЗЕНОВИЧ
Фото Б. БАБАНОВА

■

Среди африканских стран Нигерия считается баловнем судьбы. Даже западные «специалисты по Африке», изображая в мрачных красках перспективы экономического развития этого континента, делают для нее исключение. Сама природа, признают они, отвела Нигерии завидное «место под солнцем» — и в прямом и в переносном смысле, — оградив ее от забот, с которыми вынуждены сталкиваться многие ее собратья.

Каждый четвертый житель Африки — нигериец. Эта почти 80-миллионная страна у побережья Атлантики, чья территория превышает территории Франции и Италии вместе взятые, располагает большими и многообразными запасами полезных ископаемых. У нее есть уголь, железная руда, олово, колумбит, золото, гидроэнергия, огромные залежи природного газа. В лесах произрастают черное и красное дерево, масличная пальма, каучуконосы. Культивируются какао-бобы, хлопок, арахис, кукуруза, манго, бананы. Районы сухой саванны — отличное пастбище. Бóльшая часть страны свободна от мухи цеце — бича скотоводства в других африканских странах.

Но, конечно, сегодня все, кто называет Нигерию «африканским гигантом», прежде всего имеют в виду нефть. За какие-нибудь двадцать лет ее добыча возросла от нуля до более чем ста миллионов тонн в год, выдвинув Нигерию на восьмое место в шеренге нефтедобывающих стран. Нефть приносит стране более 90 процентов всех валютных поступлений и более 80 процентов валового национального дохода.

Пролившийся на Нигерию поистине тропический ливень нефтедолларов — только за последние пять лет она получила от продажи нефти свыше 37 миллиардов долларов — неузнаваемо меняет лицо страны.

Еще каких-нибудь пять лет назад с моста Эко, связывающего островную и материковую части Лагоса, можно было увидеть заболоченный берег огромной лагуны, по которому прогуливались белые цапли. Эта пасторальная картина на фоне бесконечного лабиринта строений вполне соответствовала представлениям о двух лицах Африки — той, что «не испорчена цивилизацией», и «каменных джунглях». Сегодня на этом месте красуется, напоминая по форме распустившийся бутон, здание нигерийского национального театра. На песчаном пляже острова Виктория, там, где, прижавшись друг к другу, стояли убогие храмы «адвентистов седьмого дня», «херувимов и серафимов», «паствы господней» и других религиозных сект, сооружен грандиозный туристский комплекс. Ушла в прошлое и печальная слава Лагоса как скопища бесконечных уличных пробок. Вошедшая недавно в строй система путепроводов не только разгрузила транспортные потоки, но и придала городу новый архитектурный облик.

И хотя Лагос, как скажут вам его жители, — «это еще не вся Нигерия», приметы нефтяного бума легко различить в лентах новых автострад, линиях высоковольтных передач, только что построенных корпусах заводов и плотин. Более того, даже участь самого Лагоса как федеральной столицы решена. Нигерия собирается обзавестись новым административным центром, выстроив его буквально на ровном месте в Абудже.

И все-таки Нигерия, с какой стороны на нее ни взглянешь, остается страной контрастов. Маленькие глинобитные хижины без электричества и коммунальных удобств, для обитателей которых время, кажется, остановилось, и суматошный, суетный Лагос, занимающий по приросту населения одно из первых мест в мире. Насыщенные влагой тропики, где, как говорится, зацветет даже палка, если ее воткнуть в землю, и безбрежные просторы саванны, нередко страдающие от засухи. В стране обитает более двухсот разноязычных групп, исповедующих разные религии и традиции. И все это на фоне бьющих в глаза социальных контрастов, вопиющей пропасти между богатством и нищетой. Причем нефтяной бум не сгладил, а углубил этот разрыв.

Западным монополиям Нигерия представляется выгодным «клиентом». Но нигерийцам известно, что при нынешнем уровне добычи запасы нефти будут исчерпаны через 15—20 лет. Сумеет ли страна воспользоваться нефтяным бумом для того, чтобы в полной мере освоить свой хозяйственный потенциал и поставить его на службу всему народу, а не только привилегированной верхушке? Вот проблема, которая волнует сегодня мыслящих нигерийцев.

Долгие годы богатства страны служили источником ее несчастий. Было время, когда на Западе ее именовали не иначе как «витриной капитализма» в Африке, провозглашали «эталоном», достойным копирования другими развивающимися государствами. Но все это рухнуло, не просуществовав и пяти лет, под тяжестью социальных и этнических конфликтов, венцом которых стала изнурительная междоусобная война.

Некогда Редьярд Киплинг, оправдывая колониальные захваты, писал о «бремени белого человека», якобы взвалившего на себя высокую миссию приобщить «отсталые народы» к благам «западной цивилизации». Сегодня в Африке говорят о «бремени черного человека», подразумевая под этим необходимость стряхнуть с себя бесчисленные путы этой «цивилизации» торгашей и колониальных чиновников, насажденной ими структуры общественных и экономических отношений, чтобы покончить с эксплуатацией и неравенством.

В этом плане политика нынешних властей свидетельствует о том, что процессы освобождения набирают силу. Если присмотреться к тому, как воплощается в жизнь провозглашенный ими курс на достижение экономической самостоятельности, нетрудно заметить, что важной его чертой является ограничение и вытеснение западного капитала. Резкий и эффективный пересмотр доли участия Нигерии в добыче нефти и остальных минеральных богатств призван, как указывают руководители Нигерии, обеспечить средства, с помощью которых Нигерия намерена совершить поворот к индустриализации и тем самым качественно изменить экономическую структуру страны. Установив контроль над деятельностью иностранных банков, нигерийцы получили мощный рычаг, позволяющий активизировать процесс перестройки экономики, выделяя средства на гармоничное развитие хозяйства и ликвидацию опасных диспропорций, сложившихся в результате чересчур стремительного роста горнодобывающей промышленности в ущерб сельскому хозяйству и другим отраслям экономики. Не делается секрета из того, что в перспективе, когда Нигерия будет располагать достаточным опытом и кадрами, речь пойдет о полной национализации нефтяного дела.

Другое ведущее направление — строительство мощного государственного сектора. Его опорой должна стать национальная промышленность на базе переработки нефти и газа; мощный металлургический комплекс будет сооружен при содействии Советского Союза.

Западные обозреватели приписывают сегодня успешное развитие нигерийской экономики исключительно возросшим доходам от нефти. Но это только часть правды. Серьезную роль во внутреннем плане играют меры, направленные на искоренение «сорной травы», как именуют в Нигерии наследие прошлого. Речь идет о борьбе с злоупотреблениями и коррупцией, об искоренении рутины, бюрократизма и застоя, о демократизации политической жизни. Что касается внешней политики, то Нигерия оказывает решительное противодействие империалистическим силам, которые не прекращают попыток навязать африканским странам свою волю. Нигерия проводит ныне политику подлинного неприсоединения. Особое значение придается развитию сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Опыт этого сотрудничества сообщает курсу Нигерии на подлинную самостоятельность новые стимулы, укрепляя у нигерийцев уверенность в том, что им есть где найти понимание и поддержку.

...Почти четыре года назад мне довелось присутствовать на торжественном открытии первого в Нигерии учебного центра по подготовке нефтяников. Это было в городе Варри — нефтяной столице страны. Ораторы на церемонии говорили о надеждах, которые связываются с этим учебным заведением в борьбе против «технологического неоколониализма», то есть стремления западных компаний закрепить свои позиции в экономике развивающихся стран, резервируя ключевые посты на производстве за иностранными экспертами. Другой темой выступлений были слова благодарности Советскому Союзу, обеспечившему учебный центр специалистами и оборудованием. Как выяснилось тогда, Нигерия загодя вела поиски наиболее приемлемого партнера, который бы оказал ей содействие в этом предприятии. Эти поиски, по словам представителя федерального правительства, показали, что «Советский Союз больше, чем какая-либо другая страна, готов помочь Нигерии в достижении ее целей и чаяний».

С тех пор советско-нигерийские отношения, как отметил недавно глава федерального правительства генерал-лейтенант Олусегун Обасанджо, «продолжали развиваться и достигли новых высот». Сегодня картина сотрудничества — это Аджаокута, место строительства металлургического комбината, это сооружаемые трассы трубопроводов, по которым произведенные в Нигерии нефтепродукты будут доставлены в далекие уголки этой обширной страны. Нигерийские студенты составляют ныне огромный отряд африканской молодежи, обучающейся в учебных заведениях Советского Союза. В Нигерии большим авторитетом пользуются советские врачи, геологи, преподаватели.

В этом году Нигерия стоит на пороге больших перемен. Недавно была принята новая конституция, которая закрепляет серьезные сдвиги, достигнутые на пути упрочения политической и хозяйственной самостоятельности. В ней предусмотрены также меры, ограждающие страну от произвола и злоупотреблений. Одновременно осуществляется провозглашенная военными властями программа перехода к гражданскому правлению. Возобновилась деятельность политических партий. Смысл перемен заключается в том, чтобы форма правления наилучшим образом отвечала потребностям нынешнего этапа развития. Предполагается, что опыт прошлого усвоен достаточно прочно, чтобы избежать ошибок, а участие в политической жизни самых широких общественных сил даст новый стимул нигерийцам в их усилиях на поприще строительства новой Нигерии.

Смешанная советско-нигерийская компания ВААТЕКО успешно продает советскую технику во многих городах Нигерии. * Вот уже третий год работает в городском госпитале города Бенина хирург из Одессы Степан Бережной.

A A Ï E C O

LAB 5750

Мы должны сделать более крутой поворот к строительству на селе и улучшению культурно-бытовых условий сельских тружеников.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из доклада на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС

Лабунава, Этулия, Шляховая, Накотне, Рясна, Лай-Тала... Прекрасные новые села в Литве, Молдавии, на Украине, в Латвии, в Белоруссии, Киргизии — о них рассказывал «Огонек» и в минувшем году и в предыдущие годы.

Июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул в своем решении: забота о развитии строительства на селе стала ныне важнейшей составной частью аграрной политики партии

Специальный корреспондент «Огонька» Н. БЫКОВ попросил заместителя министра сельского хозяйства Ивана Петровича Быстрюкова рассказать, что делается сегодня для переустройства, обновления колхозной деревни, совхозных поселков. Какие проблемы еще предстоит решить.

В благоустроенном поселке живут члены колхоза «Узвара» («Победа») Бауского района Латвии.

Фото А.Акиса и В. Лисицына (ТАСС)

СЕЛО МЕНЯЕТ ОБЛИК

Интервью «Огонька»

И. БЫСТРЮКОВ, заместитель министра сельского хозяйства СССР

* * *

— С первых слов оговорюсь: проблема переустройства села очень сложная, трудоемкая и содержит в себе немало дискуссионного. Не вдруг и не сегодня возникла эта необходимость — обновить, перестроить колхозное село, совхозный поселок. Сразу же после войны и особенно после исторического мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС вопросы сельского строительства настоятельно привлекали самое пристальное внимание. Ускоренное развитие сельского хозяйства вызвало необходимость усилить строительство на селе.

Постепенно село обретает новый облик. Улучшаются жилищные и культурно-бытовые условия, а они, в свою очередь, меняют уклад жизни. Все это бесспорно. Но одно дело — понимание сути назревшей проблемы, сочувствие деревне, даже готовность помочь ей изменить и внешний облик и уклад жизни, а другое — конкретная, повседневная, рассчитанная на долгие годы работа. Одно дело — участие в диспуте на тему «Каким быть селу?», а другое — разработка принципов современной сельской архитектуры, конструктивные предложения, деятельная подготовка проектной документации, помощь селу строителями, строительной техникой и материалами.

— Каким же все-таки быть селу?

— Вопрос очень важный. Но мое мнение таково, что сейчас другой вопрос звучит не менее актуально: **как быстрее, как лучше сделать село н о в ы м!** Да, немало построено за последние десять лет. Многие поселки и села отстроили свои торгово-культурные центры, поставили улицу, а то и две новых жилых домов, даже многоэтажных. А сколько новоселий справили жители колхозных сел и совхозных поселков за последнее время! За минувшие десять лет каждая третья семья в селе справила новоселье. И я еще раз хочу подчеркнуть: последовательное претворение в жизнь аграрной политики партии в короткий срок преобразовало материально-техническую базу сельского хозяйства. Село экономически окрепло, технически перевооружилось буквально на глазах. Так вот, именно прогресс в экономике вызвал острейшую необходимость переустройства села. И одновременно вызвал у самих селян потребность изменить уклад жизни.

Да, представления о жизни в деревне стремительно меняются. То, что было естественно — например, отсутствие водопровода, газа, комбинатов бытового обслуживания,— теперь воспринимается как недостатки быта. Новое поколение жителей села, труженики полей и ферм, специалисты сельского хозяйства хотят иметь все городские удобства. Таково веление времени. На недостатки в быту и обслуживании сельская молодежь отвечает миграцией. Сельское производство теряет людей, молодых, нужных, сильных. Они вернутся, но... только в новые благоустроенные дома, туда, где новый поселок будет связан с городом отличной дорогой, где на месте будут и парикмахерская, и прачечная, и ремонтные мастерские радиотелевизионной аппаратуры, где будут водопровод и канализация, а Дом культуры станет подлинным очагом отдохновения.

— Есть ли в сельских районах такие деревни и поселки?

— Да, есть. С каждым годом их все больше. Известно, что у нас проводится всесоюзный смотр-конкурс на лучшую застройку и благоустройство сельских населенных пунктов. Так вот, в минувшем году в нем приняли участие свыше тысячи сел из всех союзных республик и триста двадцать пять из них были представлены на рассмотрение жюри. Дипломами ВДНХ СССР награждены двести семьдесят семь хозяйств. Конкурс — мероприятие прекрасное, оно стимулирует всех: и жителей села, и хозяйственников, и строителей-подрядчиков. Но я хочу обратить внимание на то, что приведенные цифры не столь внушительны, как это может показаться. Тысяча участников... А сел, деревень и хуторов в стране около четырехсот тысяч. К сожалению, в основном это небольшие малонаселенные пункты. Сложившиеся демографические условия не способствуют интенсивному развитию сельской экономики, затрудняют специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства, мешают организовать медицинское, культурно-бытовое обслуживание населения.

Необходимо считаться и с тем, что сейчас заметно изменилось само население деревни, его социальная структура. Число механизаторов и других рабочих индустриального профиля достигло почти пяти миллионов человек, на селе живут и работают более миллиона двухсот тысяч специалистов. Это люди с высшим и средним, а также среднетехническим образованием. У них иные, чем у прежних колхозников, доходы, иные культурные запросы. Кстати, реальные доходы сельского населения по сравнению с 1965 годом возросли более чем в полтора раза. Но и отток населения из сельской местности — тоже реальность. Деревня стареет, а это мешает прогрессу в технологии производства зерна, мяса, молока, кормов для животных.

Вот почему так по-новому и остро на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС был поставлен вопрос о сельском строительстве, о необходимости более крутого поворота внимания партийных, советских, профсоюзных организаций и хозяйственных органов к переустройству сел, улучшению жилищных, культурно-бытовых условий сельских тружеников. Подчеркнуть хочу: речь идет о крутом повороте к строительству на селе!

— Почему так остро поставлен вопрос?

— Дело в том, что никого не могут удовлетворить ни прежние темпы строительства на селе, ни его качество. Медленно внедряются индустриальные методы строительного производства. Недостает проектов хороших домов. Да к тому же когда-то хорошие проекты, типы построек быстро устаревают.

Еще в феврале прошлого года было принято постановление коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР «О мерах по улучшению жилой застройки сельских поселков». В нем отмечена как позитивная сторона решения проблемы, так и все то негативное, что заставляет решительно устранить недостатки в сельском строительстве. Для ориентации читателя скажу, что за десять лет сель-

Очень часто в Лагосском морском порту развевается советский флаг над торговыми судами, доставляющими технику и различные материалы для строящихся предприятий молодой республики. ✲ Возвращение с охоты. ✲ Поселение на реке Осиомо. ✲ На рынке в штате Ойо. ✲ Красавица из племени йоруба. ✲ В заповеднике Янкари, штат Баучи.

Новая улица в поселке Чаадаевка, Городищенского района, Пензенской области.

Фото Ю. Набатова (ТАСС)

Дом быта в колхозе «Большевик», Владимирской области.

Фото Н. Акимова и И. Дынина (ТАСС)

ское население получило более трехсот восьмидесяти миллионов квадратных метров жилья. Средняя обеспеченность повысилась при этом до двенадцати с половиной квадратных метров жилья на человека. Строят новые дома государство, сами совхозы и колхозы, а также население. Кстати, сами колхозы, и особенно колхозники, построили жилья почти в пять раз больше, чем строительные организации. Новые типовые проекты предусматривают увеличение жилой площади квартир. Как строить, каким проектам отдавать предпочтение, об этом больше никто не спорит. Конец затянувшейся дискуссии положил Л. И. Брежнев на июльском Пленуме ЦК КПСС. Он сказал:

«Очевидно, сельское строительство следует ориентировать на обеспечение семей, как правило, отдельными благоустроенными домами с приусадебными участками и надворными постройками для домашнего скота, птицы и личных транспортных средств».

Между тем увлечение многоэтажками кое-где привело к явной диспропорции между так называемыми усадебными домами (типа коттеджей) и секционными, часто пятиэтажными. Многоэтажные дома, конечно же, быстрее ставить. Они дешевле. Они больше походят на городские. А есть любители жить «как в городе», в квартирах, похожих на городские. Но такие дома не для всех. Кто любит и землю, и зеленое растение, и труд в яблоневом саду, в цветнике — а таких большинство,— голосуют за дом с приусадебным участком. Многоэтажки, как показала жизнь, затрудняют быт сельского труженика, а не облегчают его. Ибо нет возле них ни огорода, ни кур, ни гаража для автомашины. А это снижает социально-экономический эффект жилищного строительства на селе, не говоря о том, что нередко искажает архитектурный облик села, нового поселка. И уж никак не связаны многоэтажки с окружающим ландшафтом.

— Есть ли еще проблемы в строительстве на селе?

— Слабы мощности строительных организаций, слаба промышленность деревянного домостроения. Мало выделяется для продажи населению строительных материалов. Не очень-то быстро развивается хороший опыт, например, Черкасской области, где на селе созданы коммунхозы, которые активно помогают колхозникам, берут на себя индивидуальное строительство. Недостаточно широко используется и опыт республик Советской Прибалтики по привлечению средств сельского населения к организации жилищно-строительных кооперативов.

Село ждет помощи в скорейшем обновлении, переустройстве. Пока всего пятая часть домов в совхозах имеет водопровод, в колхозах и того меньше. Лишь пятая часть жилых домов имеет центральное отопление. В колхозах этот показатель ниже. Только в трех селениях из ста снабжение водой централизовано. Но нельзя ограничиваться лишь проблемами жилья. Например, более семидесяти пяти процентов дорог местного (самого важного для жизни населения!) значения не имеют твердого покрытия.

— Что намечается в следующей пятилетке?

— Имеется в виду к 1985 году построить на селе больше, чем в этой пятилетке. К 1985 году водопроводом, газом должны быть обеспечены центральные усадьбы колхозов и совхозов. Новые дома будут с канализацией и теплосетью. Больше станет наконец-то и асфальтированных дорог. Будут построены ремонтные мастерские, прачечные, пункты химчистки (пока таких услуг на сельского жителя меньше, чем их приходится на горожанина).

Работы много. Селяне ждут действенной реальной помощи от строительных и проектных организаций, от всех, кто помогает селу перестроиться, обновиться. Прежде всего нужно значительно увеличить мощности строительных организаций на селе, изменить действующий ныне порядок экономического стимулирования, оценки работы строителей и проектантов. Сейчас он толкает их не на удешевление, а на удорожание объектов. Предстоит завершить разработку новых проектов районной планировки, административных центров и планировки колхозных сел. С учетом сегодняшних требований необходимо значительно обновить проекты жилых домов с приусадебными участками и надворными постройками. При разработке проектно-планировочной документации, конечно же, следует принимать во внимание особенности местного ландшафта. И в большей степени учитывать традиции народного зодчества. Глаз должен радоваться, когда открывается вид на новое село или поселок! Всячески следует помогать тем, кто строит село хозяйственным способом, своими силами, помогать проектами и главное — строительными материалами. Ведь хозяйственным способом у нас в стране строится почти половина жилья на селе! Это в среднем, а в некоторых республиках почти три четверти жилья. Главное же — надо ликвидировать задолженности строителей, срывающих планы подрядных работ на селе, планы ввода производственных мощностей. Не секрет, что в иных местах школы, торговые центры, дома культуры строятся годами. Так затягивать их сооружение нельзя, это и убыточно и неправильно. Конечно, одно Министерство сельского строительства и межколхозные строительные организации со всеми заботами деревни справиться не сумеют. Селу должен помогать город своей индустриальной мощью, особенно материалами, техникой и квалифицированными строителями.

Вот тогда-то у нас в каждой республике появится еще больше таких прекрасных поселков, как Юбилейный на Кубани, Детскосельский под Ленинградом, села Камянки Тернопольской области и Мышковичи в Белоруссии, которые также награждены в 1978 году Почетными дипломами ВДНХ СССР.

* * *

С чего начинается Родина? Это ведь как в песне поется! И еще — с родного дома в родном селе. Где могилы наших предков, где земля отцов дает хлеб, где живут наши матери. Родное село достойно лучшей жизни. А уж это зависит от всех нас.

Ю. ЛУШИН
Фото автора

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

На вершине Улу-Дага гуляли ветры. Они несли воспоминания о циклонах и антициклонах, снежных бурях и штормах, суховеях и жестоких морозах. Дьяков стоял, чуть склонив большую голову набок, и мне казалось, что он вслушивается в рассказы ветров, понимает их. Серебряные кудри выбились из-под берета и обрамляли полное его лицо. Одет он был несколько необычно: куртка — крик моды 50-х годов, короткие штаны, оканчивающиеся ниже колен застежками, чулки-гетры, грубые башмаки. Однако старомодный облик абсолютно не вязался со смелостью и дерзостью его научных изысканий, и я понял как-то сразу, что внешнее для него значит мало, для него важна суть. «Колдун», «бог погоды», «солнцепоклонник» — как только не называл его наш брат-журналист, любя, конечно. И, честно говоря, от соблазна удержаться трудно.

Как можно, сидя в Горной Шории, в поселочке, который не на всякую карту нанесен, предсказывать погоду за многие тысячи километров, например, в районе Средиземного моря или даже Ньюфаундленда? Метеорологи всех стран мира ломают голову над проблемой составления долгосрочных прогнозов, но проблема не решается. И вдруг находится человек, которому это удается.

Конечно, Дьяков понимал, какой вопрос занимал меня. К нему многие приезжали с этим вопросом: как же вам это удается? Он ждал, когда и я задам его, и, разумеется, дождался. Тогда рассмеялся, довольный, и громовым голосом воскликнул:

— Ле солей! Солнце, понимаете?! В нем все дело. Посмотрим, возможно, нам сегодня удастся увидеть солнечные пятна... А о теории потом, потом.

Он немедленно потащил меня в обсерваторию, но на полдороге забыл о своем «потом, потом» и тут же закатил мне темпераментную лекцию о метеорологии... Лекция эта продолжалась все семь дней, что я гостил у него, и кончилась лишь с третьим ударом станционного колокола, за минуту до отхода моего поезда.

Уже на второй день весь запас пленки в моем диктофоне кончился, и ночами, приходя от Дьякова, я переписывал его монологи в блокнот. Громовой голос взрывал тишину гостиничного номера, и передо мной снова вставало его лицо в ореоле седых кудрей. Он говорил о взаимосвязи солнечной активности и погоды. Он сыпал цитатами из Экклезиаста и немецкого метеоролога прошлого века Генриха Дове, своей соотечественницы Элеоноры Лир и француза Камилла Фламмариона, латинскими поговорками, выдержками из решений научных конференций, специальных журналов, статей академика Келдыша и вдруг вдохновенно начинал читать басни Крылова, стихи Толстого или целыми страницами — Ги де Мопассана. Я опасался заблудиться в дебрях его рассуждений, но вскоре с удивлением обнаружил, что их связывала железная логика, а путеводной звездой всегда служило ле солей — Солнце...

Метеорологи давно обратили внимание на связь погоды с солнечной активностью. Еще Галилей обнаружил на Солнце пятна, которые, как оказалось впоследствии, представляли собой мощнейшие вихреобразные воронки, окруженные очень сильными магнитными полями, часто противоположной полярности. Процессы сжатия полей вызывают резкое повышение температуры плазмы, яркие вспышки, из области которых исторгаются заряженные частицы — корпускулы (поток протонов и электронов, скорость которых часто превышает скорость отрыва от Солнца, и тогда поток этот устремляется в межпланетное пространство как бы фонтаном). Потоки корпускул по предложению американского астрофизика Эрнста Паркера получили название «солнечного ветра». И вот было замечено: как на Солнце аукнется — крепчает солнечный ветер,— то на Земле обязательно откликнется. Но эта связь очень непростая. Известный французский астроном Камилл Фламмарион писал, например: «Я заметил, что в наших климатах годы холодные, дождливые и с наводнениями соответственны тем, когда Солнце спокойно, без извержений и пятен, а сухие и жаркие годы появляются соответственно эпохам наибольшей активности Солнца». Зато совершенно обратную картину установил английский астроном Гершель: больше пятен на Солнце — больше дождей на Земле. Но, как это ни парадоксально, правы оказались оба, потому что в разных районах под действием энергии Солнца развиваются противоположные эффекты. К сожалению, эти наблюдения остались без должного внимания. Подавляющее большинство специалистов считало: если и допустить, что из области солнечных пятен исходят какие-то частицы, то они целиком поглощаются ионосферой и на формирование погоды никак влиять не могут. Главная роль отводилась полям давления. Считалось, что они, возникая из-за разницы температур над отдельными участками Земли, всецело определяют характер движения масс воздуха, динамику потоков.

— А я утверждаю: не всецело,— гремел Дьяков.— Мне говорят, что тепловая энергия Солнца не меняется на протяжении миллиардов лет, как же может она внезапно возбуждать атмосферу и вызывать ураганные ветры, наводнения, снегопады? Все это верно. Но, кроме тепловой, существует еще энергия корпускулярного потока, солнечного ветра, все время меняющего свою интенсивность. И главное, что сила его не в механическом воздействии, а в том, что его действие носит электрический характер. Когда пятна на Солнце возникают на его центральном меридиане, солнечный ветер достигает Земли уже через двадцать восемь часов. Земным магнитным полем заряженные потоки корпускул отклоняются к полюсам земного шара, вызывая полярные сияния, магнитные бури. Верхние слои атмосферы при этом сильно нагреваются и в конце концов влияют на более нижние слои, то есть на формирование погоды. В атмосфере Земли господствует неустойчивое равновесие, и чтобы нарушить его, нужен лишь первый толчок — триггер-эффект. Смотрите, что случилось в системе «дедка за репку»: в ней усилия маленькой мышки произвели крупный эффект, и репка оказалась в руках у деда... В горах даже эхо может вызвать мощную лавину. В атмосфере же подобный эффект вызывает солнечный ветер. И не случайно метеорологи чаще всего ошибаются именно тогда, когда Солнце меняет свою активность...

По крутой лестнице лезу вслед за Дьяковым под купол обсерватории — смотреть Солнце. И вот в центре узкой щели на голубом клочке неба появляется слепящий диск. Дьяков прилаживает к окуляру небольшой экран и уже на него проецирует диск Солнца. Диск получается совсем маленький, несерьезный какой-то.

— Сюда смотрите, сюда!— кричит он мне возбужденно, склоняясь над экраном и тут же забывая о моем существовании. Слышу только восторженное бормотание: — Отлично все видно, просто отлично.

Он взял лист бумаги, на котором циркулем был уже обозначен в определенном масштабе диск Солнца, и начал наносить на него карандашом пятна. На моих глазах рождался портрет Солнца. За сорок с лишним лет наблюдений он сделал более десяти тысяч таких портретов.

...В Кузбассе он появился в 1936 году, приехал на строительство Кузнецкого металлургического комбината. Его страстью была астрономия, которой он увлекся еще в детские годы. В пятнадцать лет он уже читал популярные лекции в заводских цехах Кировограда (в этом городе прошло его детство). «Сообщение: «Земля, как мировое тело» — сделает член РОЛМ (Российского общества любителей мироведения) Анатолий Дьяков». Выходил мальчишка с оцарапанными локтями (следами походов на крыши, куда лектор карабкался ночами со школьным телескопом) и, потея от волнения, складно говорил о тайнах Вселенной. Он вел наблюдения за метеорами, и журнал «Мироведение» опубликовал их итоги. Он уже знал работы Вахтерова, Воейкова, Игнатьева, Майера, Фламмариона и хотел узнать больше. В семнадцать лет, перерешав все задачи учебников по алгебре, физике, химии, он поехал в Одессу поступать на физико-математическое отделение университета, а потом перевелся в Московский университет, чтобы изучать астрофизику. К тому времени он был уже членом французского астрономического общества Камилла Фламмариона. Я смотрел номер «Астрономии», в котором сообщалось, что «общество заседало в среду, 2 марта 1932 года, в Сорбонне, в амфитеатре Декарта, и в присутствии генерального секретаря Габриэли Фламмарион мосье Анатоль Дьякофф, ассистент астрономической обсерватории в Одессе, СССР, принят действительным членом». Но на Кузнецкстрое ему было пока не до астрономии...

Однажды его вызвали к начальнику строительства. Разговор получился неожиданным.

— Мы открыли в Темиртау метеостанцию,— сказал начальник,— потому что погода здешних мест — сплошная загадка. За три года на станции сменилось уже шесть начальников, а дело ни с места. У меня к вам просьба — помогите.

— Но я астроном, а не метеоролог,— ответил Дьяков.

— Те шестеро вообще были без образования. Попробуйте...

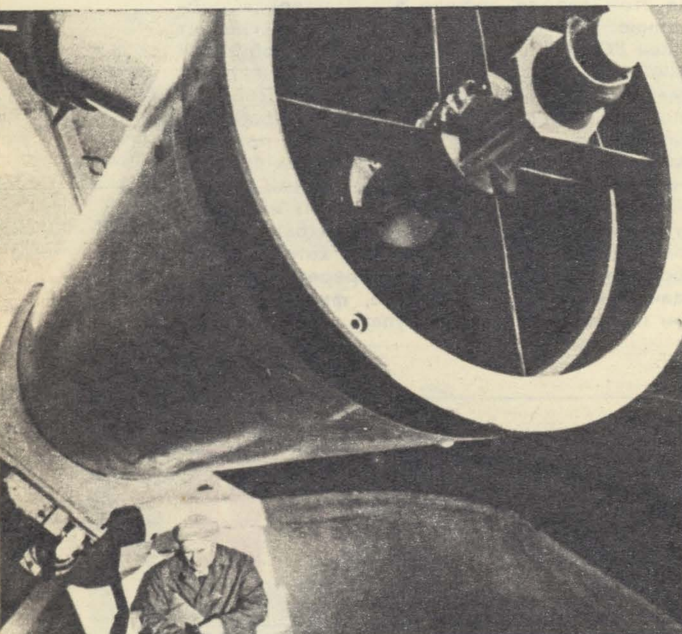
— Хорошо, попробую.

— Только обещайте, если получится, что не удерете, пока вам не скажут, что вы не нужны...

Он обещал, но обещания своего однажды не выполнил. В начале 50-х годов метеостанция в Темиртау перешла в подчинение Новосибирского управления гидрометслужбы, и от Дьякова потребовали, чтобы он прекратил свои «никому не нужные» наблюдения за Солнцем, а основывался на общепринятых методах прогнозирования. Дьяков отказался. Его уволили, но после вмешательства обкома партии на работе восстановили с понижением в должности — назначили техником. А потом и эту штатную единицу сократили... Он вдруг стал не нужен, но не мог уже бросить свое дело. Дьякова и его точные прогнозы уже знали не только в Кузбассе, но и далеко за его пределами. Телеграммы и письма с прось-

Бывают дни, когда до гелиометеостанции можно добраться только на лошадях.

Сейчас начнутся наблюдения...

Метеоролог Анатолий Витальевич Дьяков.

Вот такая она, единственная в стране гелиометеостанция.

бами о прогнозах продолжали идти к нему потоком. Он откликался на них, как будто ничего не случилось. Став на время школьным учителем, он не «удрал», он продолжал свои наблюдения за Солнцем и написал в те годы книгу о своем методе. Солнечный ветер приносил штормы и шквалы, но Дьяков упрямо не убирал паруса надежды и веры в истину. Через пять лет станция вновь перешла в ведение Кузнецкого комбината, и вновь он стал ее начальником. С того времени она носит официальное название гелиометеостанции Кузбасса...

Сколько раз он наблюдал, как огромные — в пятнадцать — двадцать земных диаметров — пятна перемещались по солнечному диску, выбрасывая длинные языки, и пересекали центральный меридиан! Он знал, что вскоре после этого вся Земля окажется в вихре солнечного ветра. Он ждал последствий. Он предугадывал их и посылал тревожные предупреждения о тайфунах у берегов Кубы и Японии, о заморозках во Франции и наводнении в Индии, о штормах и засухах...

— Говорят, что мне-де просто удивительно везет,— горячился Анатолий Витальевич.— Но предсказание погоды не игра в рулетку, не лотерея. Каждый метеоролог-практик отлично знает, что тут нельзя добиться успеха, не опираясь в своей работе на достоверно установленные природные закономерности, не опираясь на факты. Мне удалось обнаружить, что в эпохи высокой активности Солнца, при частых взрывах на его поверхности скорости потоков воздуха в атмосфере Земли возрастают в среднем на сорок процентов. В итоге развиваются очень мощные антициклоны. Сильное северо-восточное течение, возникающее в результате воздействия солнечного ветра, смещает их из полярных областей на Европейскую часть СССР, где могут возникнуть засухи. На территорию Западной Сибири и Северного Казахстана, напротив, устремляются потоки воздуха атлантического происхождения с юго-запада. Здесь господствуют циклоны, несущие с собой обильные осадки и холод. При слабой же активности Солнца, близкой к минимуму, картина взаимообратна... Очень опасна ситуация, когда периоды между вспышками примерно равны периодам собственных колебаний давления атмосферы — около двадцати суток. При этом воздействие солнечной активности на атмосферу может приобрести характер резонанса и вызвать катастрофические сдвиги в атмосфере...

Погода, погода... Мы заговариваем о ней, когда говорить больше не о чем. Дьяков может говорить о погоде часами, и других тем для него как будто не существует. И после бесед с ним невольно приходишь к выводу, что важнее погоды на свете ничего нет. В самом деле, что такое погода? Это модельер нашей одежды и архитектор-планировщик жилищ, регулятор нашего настроения и диспетчер на транспорте, главный агроном в сельском хозяйстве и причина многих недугов человека, это, наконец, виновница опустошительных разрушений...

— Очень хорошо помню свой первый прогноз, данный на сутки двенадцатого июля тридцать шестого года,— вспоминал Анатолий Витальевич.— Он начинался так: «Горная Шория оказалась в зоне антициклона, охватившего почти всю территорию Западной Сибири...» Далее следовал прогноз малооблачной погоды, благоприятной для строительных работ. Так продолжалось целый месяц, а потом случилось нечто невообразимое. Зарядили упорные, затяжные дожди. С печальным видом и тоской в душе я приносил на вечерние доклады неутешительный прогноз. На меня стали коситься и даже поругивать, как будто формирование погоды зависело от меня...

«Но от чего оно зависело?» — снова и снова задавал он себе вопрос. Он перечитывал труды основоположников метеорологии и новейшие научные статьи. То тут, то там он натыкался на идею связи земной погоды с активностью Солнца, но научного обоснования ей не находил. Это была смелая идея, и он тоже был смелым человеком. Он стал вести наблюдения за Солнцем, постепенно накапливая материал и обобщая известные ранее факты. Прочтя монографию сотрудницы Главной геофизической обсерватории Элеоноры Севериновны Лир «Типы сезонных циркуляций атмосферы над Евразией и Атлантикой» (1936), Дьяков окончательно убедился в правильности выбранного пути... Он доказал, что в атмосфере Земли господствует неустойчивое равновесие, действуют явления обратной связи, что главное — в энергии потока воздуха, что для зарождения циклонов, во многом определяющих погоду, необходим дополнительный приток энергии. Найти ее источник, вычислить его размеры — вот ключ к долгосрочному прогнозированию. Он предположил, что источник этот кроется в солнечном ветре, и доказал это своей практикой. Он вывел «формулу пятнообразования», по которой, в зависимости от величины солнечных пятен, можно предсказать (опираясь, естественно, на весь комплекс синоптических наблюдений) формирование погоды в том или ином районе земного шара. Он определил индекс возникновения неустойчивости, который давал представление о поведении в тропосфере потоков воздуха. Если индекс положителен, то жди сближения теплого и холодного воздуха, жди циклона. Если отрицателен, то атмосфера начинает терять энергию, рождая антициклон. Он составил таблицы засух и таблицы активности Солнца за столетие, чтобы сопоставить их. Факты неоспоримо свидетельствовали о взаимосвязи процессов на Солнце с развитием засух. И Дьяков тут же, у таблиц, предположил вероятность засухи в Европе — в недалеком будущем, в 80-е годы нашего века, ибо в эти годы ожидается период очередного максимума активности Солнца...

Не мое дело, конечно, оценивать эффективность метода Дьякова. Это—дело ученых, специалистов. Но я обязан привести хотя бы некоторые из сотен благодарных отзывов самых разных людей о его работе. Это тоже критерий, не правда ли? Ведь за неверные прогнозы не благодарят.

«Уважаемый Анатолий Витальевич! Что-то вы нас забыли и не высылаете нам своих прогнозов. А они нам очень нужны. Кто-кто, а мы в них очень верим, так как они совпадают в своем большинстве...

И. Я. Шумаков, председатель колхоза «Россия», Алтайского края, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда».

«Областное производственное управление сельского хозяйства Челябинской области приносит вам глубокую благодарность за ваши прогнозы. В 1976 году вы прогнозировали засуху в первой половине лета и дожди — во второй половине... Многие хозяйства области правильно сориентировались, посеяли зерновые в оптимальные сроки и получили много дополнительного зерна. Благодарим за помощь...

Начальник Челябинского производственного управления сельского хозяйства В. С. Зайцев».

«Много лет мы пользуемся вашими долгосрочными прогнозами погоды, которые ежегодно оправдываются, благодаря чему мы имеем возможность регулировать сроки сева яровых культур, подбирать сорта согласно погодным условиям, применять соответствующую агротехнику. По этой причине нам удалось за последние шесть лет поднять урожайность зерновых культур на 5 центнеров с га...

Казахская ССР, Кокчетавская область, Ленинский район. Главный агроном П. Л. Кудлатов».

«...Сезонными метеорологическими прогнозами, которые вы даете для юга Западной Сибири и Северного Казахстана, пользуются в своей практической работе вот уже в течение ряда лет и земледельцы Свердловской области. Просим вас сообщить, какими отличительными особенностями по периодам будет характеризоваться текущий год.

Зам. председателя Свердловского исполкома А. Н. Нестеров».

«...Мы хотели бы просить вас сообщить ваши предположения о характере погоды на территории Белорусской ССР на весну и лето 1977 г. Заранее благодарим.

Зам. начальника Управления гидрометслужбы Белорусской ССР Пичугин».

Напоследок приведу еще одну благодарность — от правительства. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1972 года: «За успехи, достигнутые в увеличении производства и продажи государству зерна и других продуктов земледелия и проявленную трудовую доблесть... наградить орденом Трудового Красного Знамени Анатолия Витальевича Дьякова». Больше всего он горд тем, что причастен к конкретной пользе — увеличению производства зерна, которому способствовали его научные изыскания.

Проходят годы, и все больше ученых склоняются к мысли, что солнечная активность существенно влияет на процессы в атмосфере, на формирование погоды. Многие и у нас в стране и за рубежом разделяют эту точку зрения. Многие с ней спорят. Ну, что же, в споре рождается истина...

ИСКУССТВО НЕМОДНОЕ, А ВЕЧНОЕ

письмо в редакцию

Вся моя жизнь была связана с театром: сорок лет я работала как актриса и педагог по мастерству актера. Любовь к театру не может никогда угаснуть в моем сердце...

Теперь, когда я стала больной, старой женщиной и не могу сама посещать театры, на помощь и на радость мне пришло телевидение. Я включаю телевизор и с жадностью смотрю идущие фильмы и спектакли — великое их множество пересмотрела за последние годы... Я не рецензент и не собираюсь рецензировать то, что видела, но некоторые спектакли всколыхнули во мне много самых разных мыслей об искусстве; пришли воспоминания о прошлом, ожили встречи, которых в моей жизни было очень много. И в первую очередь встал в памяти самый дорогой человек моей творческой жизни — Константин Сергеевич Станиславский. Его образ, встречи с ним навсегда останутся живыми, хотя это было, страшно сказать, полвека тому назад — во время поездки Художественного театра по Америке.

Константин Сергеевич очень хорошо относился ко мне, 16-летней девчонке, и по собственному решению чуть ли не ежедневно занимался со мной своей «системой» — этюдами. Система тогда еще не была им закончена, но я много важного узнала оттуда... Занимался со мною К. С.— как его все звали в театре — и ролью Ани из «Вишневого сада» Чехова... Эти занятия и беседы оставили неизгладимый след в моем сердце, любовь к театру, к актеру, верность реалистическим традициям и правде в искусстве заложены с юных лет...

Встает передо мной июльский день, палуба парохода «Лакония», на котором актеры театра ехали в Европу,— на отдых после тяжелой поездки по Америке. Отдохнув, театр снова поедет на гастроли; только моя мать — В. Н. Пашенная — и я возвращаемся в Москву: она (после годичного отпуска) в свой родной Малый театр, а я (тоже после отпуска) — в Училище Малого театра... На палубе в тени, откинувшись в кресле, сидит Константин Сергеевич, а перед ним, на самом кончике стула, робко приютилась я... Константин Сергеевич сам подозвал меня; ему жаль, что я уезжаю в Москву, на прощание он хочет поговорить со мной об искусстве. На меня смотрят его ласковые глаза, и я слышу его добрый голос... Константин Сергеевич советует, чтобы я не забывала того, о чем шла речь на занятиях, чтобы я всегда любила искусство... Правда есть одна, говорил К. С. Это большая правда. Если же актер старается **показать**, какой он простой и, значит, правдивый,— то это уже будет не правда, а **правденка**, особый скрытый вид наигрыша... В основе спектакля и роли должна лежать всегда большая, главная правда мысли и чувства.

Станиславский говорил, чтобы я никогда не изменяла реалистическому искусству, то есть именно правде. У меня хранятся его фотографии с чудесными автографами, и на всю жизнь запомнились слова Константина Сергеевича: «Со сцены до зрителя надо доносить Правду. Реализм — основа театра».

Всегда ли эту правду теперь видишь?.. Вот передо мною возникла на экране телевизора такая знакомая, казалось бы, «Двенадцатая ночь» Шекспира. Но, признаться, тут я стала свидетелем такого искажения классики, что была поражена!.. Рядом с прекрасным артистом Табаковым, который своим мастерством, умело играя на грани гротеска, старается оправдать режиссерские выдумки, вижу молодого артиста Райкина. Но ведь его исполнение — это чистейший, ничем не оправданный наигрыш. Более того, это форма, лишенная всякого содержания. Как же тяжело смотреть на все эти модные режиссерские вымыслы... Стала думать, что бы сказал Станиславский, увидев это представление... Мне кажется, я нашла в его книге высказывание как раз по такому поводу: «...Лжегротеск многими считается теперь одной из разновидностей актерской характерности, не только передаваемой роли, но и всего стиля спектакля».

И ведь там же сказано еще более резко: «Лжегротеск не характерность, а простое ломанье».

Хочется разобраться: кто же повинен в такой «работе», а если прямо сказать — неудаче актера?

Думается, повинны здесь и актер и режиссер. Повинны оба. Актер в том, что идет на поводу у режиссера. А режиссер повинен в измене реалистическому искусству.

В самом деле — для чего существует Театр? И что такое Искусство? Какие цели оно преследует? Ведь мы знаем — кстати, сейчас это знают все,— что задача искусства — вести людей за собой, быть пропагандистом больших идей, серьезных и глубоких мыслей, высоких чувств. Особенно относится это к классике... Сегодня у нас много прекрасных театров, причем каждый театр имеет свое лицо. Как никогда нынешний зритель — народ — любит Театр. Но если часть зрителей (думаю, бо́льшая) стремится увидеть в театре волнующую правду, пережить с героями те события, что происходят на сцене, все же есть среди зрителей еще и любители «зрелищ», любители каких-то особенно «острых» ощущений... Помню, раньше были «паноптикумы» как раз для такого рода зрителей; там показывали сцены зверских убийств, демонстрировали уродов, родившихся с двумя головами или без рук и ног... Страшное было зрелище. И слава богу, что его у нас нет; оно вовсе не нужно теперь зрителю, выросшему нравственно, людям с новым, более высоким интеллектом...

Но вот мой старый товарищ по работе в театре рассказал мне об увиденном на Таганке, в спектакле «Мастер и Маргарита», как актеры едят на сцене мышь. Он не мог выдержать подобного зрелища и, после ряда других, столь же «остроумных» режиссерских опусов, ушел, так и недосмотрев нашумевшую постановку.

Публика, видя подобное, часто недоумевает. Но ведь любители острых ощущений аплодируют, а не протестуют... И я снова беру Станиславского и читаю: «Его левизна (*режиссера*.— **И. П.**) совсем не от того, что он опередил нас в области подлинного искусства актера и сцены. Нет. Он отрекся от старых, вечных основ подлинного творчества, то есть от переживания от естественности, от правды только потому, что они ему не даются. Взамен он измышляет то, что ему по силам».

...Мне дорога память моей матери, актрисы Малого театра В. Н. Пашенной. Я всегда с особым интересом смотрю сегодня пьесы, в которых при жизни она играла. Работа Пашенной над Вассой Железновой проходила на моих глазах, в то время я была педагогом Училища Малого театра. Помню, как режиссер К. А. Зубов и актеры кропотливо добивались раскрытия основной горьковской мысли в пьесе, искали эту мысль в каждом образе, в работе всех исполнителей.

Помню, как Вера Николаевна создавала внутренний и внешний образ Вассы. Ведь она не смогла принять эскиз талантливого художника Кноблока, видевшего героиню красивой блондинкой, европеизированной, подтянутой женщиной. «Нет,— решительно возражала против этого Пашенная.— Тогда я перестану быть сама собой. Да и Васса, что ни говори, нижегородская купчиха Храпова».

Быть самим собой на сцене в предлагаемых обстоятельствах роли и пьесы — вот чему учил Константин Сергеевич. И для Пашенной, которая дружила со Станиславским, реалистическое искусство, его правда и идейность всегда были движущей силой, душой творчества.

Поэтому с особым волнением включила я телевизор, узнав, что будет показан спектакль Театра Советской Армии «Васса Железнова».

Я посмотрела эту постановку. Мне понравилась Нина Сазонова — Васса. Я не буду разбирать ее роль, скажу только, что она живая, простая и убедительная. На ее Вассу смотришь и ей веришь. Но вот что удивило: как же это Сазоновой удалось сохранить себя в таком спектакле и не стать столь же нелепой, безжизненной, условной маской, какими оказались все остальные: Прохор, Наталья, Людмила, Пятеркин...

Достойна удивления эта безудержная режиссерская «фантазия»! Как же можно так искалечить нашу гордость, нашу классику!.. Почему столь свободно, а точнее — неуважительно — обхо-

дится постановщик с Горьким? Ведь автор настолько тонко и точно рисует своих героев, что, думается, грешно, просто недопустимо «исправлять» его... Зачем было **придумывать** Прохора Железнова таким чудовищем, каким он дан в спектакле? Выдумка эта, на мой взгляд, неприемлема.

Помню, Константин Сергеевич говорил, что режиссер, будучи организатором спектакля, должен выявить сущность каждого актерского образа и всей пьесы, «заразить» актера ролью, но дать ему возможность творить свободно, пропуская образ через свое «я», делая роль своей. Творчество всегда должно быть свободно и радостно — только поэтому оно и рождает зрительский отклик.

Я уже сказала, что удивилась и обрадовалась актерской работе актрисы Н. Сазоновой, сумевшей сохранить Вассу Железнову убедительным человеком на фоне мертвых актерских масок. Жизненность героини — это ведь и есть толкование роли! И я вновь вспоминаю Константина Сергеевича, слышу его голос и слова о том, что на сцене не имеет права находиться актер, который пытается что-то «втолковать» якобы ничего не понимающему зрителю... Это тем более важно, что наш зритель вырос значительно.

Но при этом все равно очень важно выяснить: кто же такой режиссер?.. Друг актера и его помощник, наставник, или деспот — пусть занятно выдумавший ряд «штучек», заметных, броских, но искажающих мысль и идею автора?.. Деспот, требующий беспрекословного исполнения его фантазии?

Никто, разумеется, не отрицает главенства, первенства режиссера — его творческого первенства в работе над постановкой. Но он-то прежде всего должен опираться на реалистические традиции в решении своей задачи и давать свободу (в этом же направлении) творческой мысли, творческим поискам актера.

И, наконец, вроде бы само собой разумеющееся, но существенное: режиссер обязан уважать автора.

«Мода», которая изыскивает «новые» формы режиссуры, уже изжила себя. Наше поколение видело много всевозможных «новых» форм — и талантливых и глубоко порочных. «К счастью,— говорит Станиславский,— «новые веяния», до которых мы не доросли, так же скоро проходили, как и приходили. Это понятно. Они не являлись естественной эволюцией в актерском деле. Это лишь искусственно привитая мода. Она недолговечна».

Да, именно так. Давняя мода 20—30-х годов прошла. Но ведь новая волна недолговечных выдумок иногда поднимается и в наши дни. И снова входит в моду... В некоторых театрах вообще уже обычаем стала мода перекраивать классику на свой лад. Не хочется перечислять подобные дешевые «придумки» и всевозможные извращения, но разные дешевые штучки, вроде выстрела из ракетницы в классической пьесе, где нет и не может быть ничего похожего, еще встречаются.

«Любовь Яровая» К. А. Тренева тоже шла на телевидении. Пьеса эта по праву считается советской классикой. Я особенно хорошо помню спектакли Малого театра и МХАТа. Случилось так, что в 1926 году я играла в Малом театре малюсенькую роль Татьяны Хрущ и с первых репетиций была участницей постановки, а в 1937 году в труппе МХАТа ездила на всемирную выставку в Париже, где была занята в «Любови Яровой» в народной сцене. Оба театра трактовали пьесу по-своему, но в обоих случаях это был романтический спектакль, полный революционного подъема, радости борьбы и победы. И вдруг через много лет я не поверила своим глазам, когда смотрела пьесу, откуда была почему-то убрана начисто не только романтика, но устранено и все революционное настроение, горение души персонажей: все тихо, спокойно, скучно, вообще лишено стремительности и подъема... Очевидно, режиссер решил поразить зрителя особым поворотом: вот, мол, какая должна быть простота! Но возникла не простота, не правда, а «правденка». И стала она тоскливой, лишенной действия, ложно-многозначительной, но неинтересной... Опять пострадала классическая пьеса. И, конечно, пострадали актеры. Совершенно непонятной оказалась героиня актрисы Чуриковой, вызывающая у меня, например, чувство сострадания... Я думаю, что она необязательно должна быть похожа на Пашенную по темпераменту или красивой внешностью на Еланскую. Но режиссер, навязав свое «решение» пьесы, просто оставил спектакль, по-моему, без главного действующего лица...

Бережное отношение к классике — долг каждого режиссера. Но в последнее время видишь «модных» и крайне «смелых», но совершенно ложных новаторов. И думаешь: да ведь все это уже изжило себя, и давно. Рецидивы подобной «моды» чем-то напоминают мне вспыхивающую порой эпидемию гриппа... В свое время ведущие мастера, верные социалистическому реализму, исповедующие вечную правду подлинно высокого искусства, отстояли это искусство. И поэтому уверена, что «вспышки», которые появляются сейчас, так же неизбежно и бесславно канут в Лету... Ведь в нашей стране так много молодежи и так бурно, так прекрасно растет хорошая смена людям сегодняшним. Но при этом мы, сегодняшние, не можем полагаться на авось — мы обязаны знакомить молодежь с требованиями подлинной классики.

Для того, чтобы вести искусство нынешнее вперед, надо знать его прошлое. Недаром В. И. Ленин всегда советовал изучать, знать великое наследие прошлого. Без этого знания немыслимо движение вперед.

Искусство должно жить! Искусство не «ретро» и не «псевдо», а подлинное; не левое и не правое, а верное, идущее вперед без зигзагов; не модное, временное, а вечное передовое искусство, как говорил Станиславский.

Ирина **ПОЛОНСКАЯ**

Тракторы перетаскивают скирду к ферме.

ВЕС

Новую весну — какую по счету! — готовится встретить Дарья Матвеевна Гармаш, знаменитая в прошлом трактористка, ныне управляющая Рыбновским районным объединением «Сельхозтехники» на Рязанщине. Заботливая хозяйка, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, Дарья Матвеевна знает, что все сделанное на земле ранее, все посевные и все былые урожаи уже достояние славного прошлого. А новая весна сулит и новые заботы. Работники «Сельхозтехники» обеспечивают жизнеспособность могучего парка тракторов и комбайнов — без их помощи не обойтись хозяйствам, имеющим теперь многие сотни машин, и новую и повидавшую виды технику. Вот почему в канун весны возрастает темп ремонтных работ и на индустриальных базах «Сельхозтехники» и в колхозных мастерских.

Весна света заливает поля и березовые рощи Рязанщины радостью и предощущением великой перемены в природе. Еще не пробудились деревья и пусты скворечники, но открывшиеся дали веют весной. Перестук металла и голоса опробуемых двигателей на околицах говорят о нетерпении парней вывести в поле тракторы с боронами, культиваторами, а там и с сеялками. Сойдут снега — и отпразднуют приход весны, начало полевых работ, свое деревенское новогодие трудолюбивые селяне.

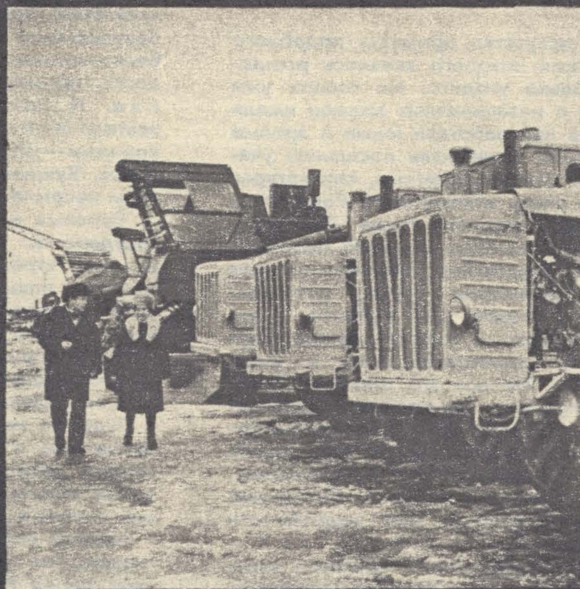
Н. ШАТОВ

Фото **М. САВИНА**

НА СВЕТА

У Веры Левкиной пять братьев, и все они механизаторы. Вера тоже учится на трактористку в Клепиковском СПТУ-12.

Герой Социалистического Труда Д. М. Гармаш и главный инженер С. И. Зоткин принимают новую технику.

У агрономов уже всходы!

КУКРЫНИКСЫ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Мы все с вами уже много лет являемся свидетелями необычайного явления в искусстве. Правда, мы привыкли к нему и считаем, что оно вошло в жизнь и стало как бы привычным, обыденным. Хотя подобного дива не было за всю историю земли. В самом деле, когда на нашей планете жил художник возрастом более двухсот лет, жил и творил шедевры, достиг величайшего мастерства в области рисунка, создал великолепные, необычайно острые по форме, композиции, колориту полотна, выполнил серии превосходных иллюстраций к жемчужинам мировой, русской и советской литературы и, наконец, достиг не превзойденных в нашем веке высот в области сатирического видения мира?.. У колыбели новорожденного художника стоял великий русский, советский прозаик. Живой классик. Молодому мастеру доверил сделать эскизы и костюмы к своей пьесе крупнейший поэт нашей эпохи, а спектакль по рисункам юноши поставил один из талантливых режиссеров советского театра. Его первую большую картину в эскизах благословил корифей русской живописи; кроме того, еще на заре становления таланта юного мастера окружали и пестовали лучшие из лучших представителей нашей художнической школы той поры, самые разные и тем не менее значительные. Молодой человек был дерзок с первых шагов, обладал большим запасом энергии, юмора и, главное, желания работать, несмотря на некоторые трудности, присущие тем временам — двадцатым годам нашего века. Словом, уже полвека, как мы не устаем удивляться таланту, а порою (я не боюсь этого слова) гению и непревзойденному трудолюбию этого нашего современника, который, впрочем, не раз был удостоен самых высоких оценок своего творчества. Беда одна: никто никогда не зрел в лицо этого замечательного живописца, графика, декоратора, скульптора, сатирика, хотя все знали отлично его имя. Никто (кроме него самого) никогда не видел, как он создает свои картины, хотя иногда попытки проникнуть в тайну его творчества предпринимались и досужие фоторепортеры пытались изобразить этот колдовской процесс. Но все это было далеко от той поистине волшебной реальности, которая сложилась путем соединения изумительных качеств, самых разных черт, поистине поражающих своей многогранностью.

Кто он, этот мастер?..

В стенах Академии художеств в Москве была открыта большая выставка художников — Михаила Куприянова, Порфирия Крылова, Николая Соколова,— посвященная полувековому творческому пути этого единственного в истории искусства союза трех мастеров, создавших четвертого художника — К у к р ы н и к с ы. Экспозиция пользовалась огромным успехом у зрителей, часто у входа стояла длинная очередь желающих попасть и увидеть замечательные работы этого уникального коллектива.

Как спаялось, как родилось это непревзойденное содружество?

Что это? Обычное соавторство?

Нет!

Соавторство... Есть ли в истории искусства примеры подобного рода сотворчества мастеров, результатами которого являлось рождение замечательных произведений? Сколько угодно... Не говоря уже о том, что многие большие художники с незапамятных времен имели мастерские, школы, растили учеников, в них работали юные и зрелые талантливые живописцы. Они, как правило, принимали посильное участие в исполнении больших заказов на фрески, картины, скульптуры, мозаики. Ни для кого не секрет, что в эпоху итальянского Ренессанса в недрах боттеги (мастерской) Верроккьо родился гений Леонардо, в той же школе работал Боттичелли и что однажды молодой Леонардо написал фигуру ангела в композиции Верроккьо, поразив учителя живостью исполнения. Классическим примером такого сотворчества была мастерская, если так можно назвать, цех Рубенса, в котором писали Ван Дейк, Йорданс, Снейдерс и многие другие первоклассные живописцы, после ставшие самостоятельными и внесшие свой вклад в историю искусства... Но все это тонкости, тайна и проблемы очень деликатные. Как правило, за редкими исключениями, такого рода содружество имело всегда одного, подписывающего весь комплекс творческих усилий,— одного лидера, одну светящуюся вершину пирамиды; камни, из которых она складывалась, оставались в тени. Так получалось. И только история, бессонный свидетель всего, что творится на земле, доносит нам подробности этих творческих биографий...

В чем же все-таки тайна рождения каждого нового крупного явления в искусстве? В каком кипении насыщенных до предела растворов, в каком столкновении атомов создаются те редкостные по структуре, красоте и величине кристаллы, в которых, как в магическом зеркале, отражается эпоха, окружающая их, претворяясь в невиданные доселе дивные формы? Представьте хоть на миг, что за волшебство: появление на фоне царской, освещенной резким светом гоголевского гения николаевской России тех пор, населенной чичиковыми, собакевичами, ноздревыми, маниловыми, звенящего, светлого образа Руси — несущейся тройки, в которой вся загадка, и весь размах, и масштабность свершений, творившихся в этой шестой части мира... Но какой поистине колдовской силы должны быть грани кристалла гоголевского дара, чтобы суметь собрать свет и тени своего времени и чтобы создать символ загадочной и до сих пор еще не всеми осознанной до конца мощи!

Художник... Никто не может предсказать, что скажет новый истинный талант, как он увидит свое время, на какую глубину он копнет. И в этом — первичность истинного дарования. Как далека она от иллюстративности, как далека от серого натурализма, изображающего чисто внешние приметы явлений.

«Это портрет не мой, а моей кожи!» — воскликнул как-то большой писатель о своем изображении.

Душа или кожа? Вот мера проникновения, вот определение зоркости прозрения.

...Сколько их, этих ловких, умелых, поражающих невзыскательный вкус художников, по-своему честных и трудолюбивых, но, к сожалению, неспособных проникнуть в глубь явлений, а изображающих лишь поверхность, внешние приметы времени. И как мало истинных творцов, способных постичь всю бездну свершений. Слышащих пульс своей эпохи, биение сердца своего народа, ощущающих со всей мощью творца свет и тени своего времени. Их не много, но след, оставляемый этими мастерами, огромен. Мир образов, созданный ими, неохватен и поражает наше воображение верностью и правдой видения жизни. Нет рецепта, и нет мудреца, который может в точности предсказать, что вот, мол, завтра или послезавтра родится новый Пушкин, Суриков или Глинка. Но такова истинная мощь гения нашего народа-творца, в том-то и счастье нашей страны, что она богата, очень богата большими поэтами, писателями, композиторами, художниками. Только надо видеть и гордиться ими. И еще маленькая деталь: помогать при появлении, росте.

При рождении и становлении таланта Кукрыниксов их поддерживали советами и дружеской помощью такие мастера, как Маяковский, Горький и Нестеров, им заказывал театральные эскизы Мейерхольд. И очень важно, что школу они проходили во ВХУТЕМАСе...

Вхутемасовцы... Их отличает особая, присущая им гордая радость причастности к этому дому — ВХУТЕМАСу — и той поре становления нашего искусства. Сколько я ни беседовал с мудрым и прямым Дейнекой или с обаятельным и тонким Пименовым, со своеобычным и острым Нисским, всегда меня поражали их немеркнущая любовь, восторг перед теми днями их молодости. И не только потому, что юность всегда кажется золотой сказкой. Нет. Это было суровое, порою голодное время... Но что влекло к нему будущих корифеев нашего искусства? Яркость. Свежесть. Смелость начинаний. Рисковое, порою безудержное желание творить... Отрицать и утверждать. А главное — бескомпромиссность и честность всех начинаний. Были ошибки, глупости, промахи. Но не это было главным. Главным было — д е р з а н и е. И поэтому вхутемасовцы получили заряд, которого каждому хватило почти на всю жизнь. Это были поистине новые люди нового времени — Дейнека, Пименов, Нисский, Ромадин, Чуйков, Вильямс, Гончаров, Кукрыниксы... И многие другие. Их вклад в дело нашей культуры несомненен и огромен.

Буревые зори двадцатых годов. Звонкие голоса юного Советского государства. Порыв народа первой Страны Советов в стремлении к миру, стройке. Неизбывное ощущение радости бытия дало силы, открыло новые имена в молодом искусстве той поры... Художники яростно спорили и неустанно искали пути для отражения наступившей нови. Немало смутного и наносного сопровождало эту зарю рождения н о в о й к р а с о т ы. Немало пустозвонов и смутьянов сокрушали «старое», опрокидывали «каноны», не предлагая, по существу, ничего взамен. Однако ни «пролеткульты», ни иные свергатели Рафаэля и Пушкина не одержали конечной победы... Весь грохот и шум, поднятые ими, в конце концов уступили дорогу истинно здоровым силам нашего искусства, и сегодня мы принимаем с восторгом свежее и яркое творчество художников, отразивших в своих полотнах становление первой в мире Страны Советов...

«Когда попадаешь на выставку Кукрыниксов, прежде всего хочется сказать, что это художники, свято выполняющие свой патриотический долг перед Родиной, творчеством своим представляющие передовую эстетику и этику наших дней». Эти слова, написанные богатырем советской графики Дмитрием Стахиевичем Моором почти полвека тому назад, живут и сегодня. Они, может быть, могут не всех устроить своей открытостью и определенностью, но, между прочим, надо сказать, что многие сегодняшние деятели культуры Запада начинают при-

Кукрыниксы. ТАНЯ. 1942—1947. Государственная Третьяковская галерея.

Кукрыниксы. БЕГСТВО ФАШИСТОВ ИЗ НОВГОРОДА. 1976.

Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник.

Кукрыниксы. КОНЕЦ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ГИТЛЕРОВСКОЙ СТАВКИ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ РЕЙХСКАНЦЕЛЯРИИ. 1947—1948. Государственная Третьяковская галерея.

ОБВИНЕНИЕ. 1967. Государственный Русский музей.

знавать, что люди уже начинают уставать от лицемерия и пустозвонства демагогических, напыщенных фраз, прикрывающих порою лишь хорошо налаженное лицедейство модернизма, поставленное правящей элитой — суть денежными тузами. Журналистика Запада, кичащаяся своей мнимой независимостью и превозносящая до небес «авангард» и абстракцию,— лишь бизнес. Не более.

Симона Уйэл пишет в американском буржуазном журнале «Харперс»: «Под блестящей поверхностью нашей цивилизации скрывается не что иное, как интеллектуальный упадок».

...Большие художники глубоко и своеобычно видят мир, окружающий их. И они с годами все острее, острее зрят свет и тени жизни. Чувствуют меру добра и зла.

Правда, не каждому дано быть бойцом. Иные воспевают красоту пейзажа и тем отрицают уродство. Иные воспевают прекрасного Человека, прелесть радуги бытия и тем утверждают победу света над мраком. Но есть в мировой литературе и искусстве мастера, активно вторгающиеся своим творчеством в окружающую их жизнь, отрицая, бичуя зло, обнажая язвы порока. Таковы Гойя, Домье, Хоггарт, Федотов, Перов... Они сумели находить грани бытия, в которых наиболее зримо предстает уродство зла... Но язык этих художников, форма их мастерства отличались тем удивительным чувством меры, которое давало им возможность, бичуя зло, утверждать добро.

Данте и Микеланджело, Сервантес и Гойя, Хоггарт и Свифт, Бальзак и Домье, Гоголь и Федотов, Некрасов и Репин, Маяковский и Кукрыниксы. Человечность их великого мастерства заставляет нас забыть порою о той святой деформации, о том акценте горькой правды, о некотором гротеске в лепке формы, которую допускали эти мастера литературы и искусства во имя великой цели — правды жизни, во имя победы света!

Есть рубеж, когда суровый реализм этих творцов переходит в открытую сатиру. Таковы Свифт и Хоггарт, Рабле и Домье, Салтыков-Щедрин и Кукрыниксы. Но это нисколько не снижает напряженности, силы и качества формы выражения их талантов. Как неподражаемы в мировой музыкальной культуре Мусоргский или Шостакович, композиторы, сумевшие создать поражающие по силе гротесковые образы!

Колдовская сила сатирической лиры была присуща многим великим поэтам. Мы не можем себе представить Данте или Пушкина, Некрасова или Уитмена без яростных строк, обличающих мучающую их неправду, и это нисколько не снижало меру их любви к жизни, красоту их творчества.

Масштабность видения... Вот что отличает Кукрыниксов. И этим объемным зрением, позволяющим им отражать поистине необъятные по контрасту явления, они обязаны во многом Горькому и Маяковскому, этим двум гигантам русской советской литературы. Чистота и ярость горьковского реализма, не знавшего компромиссов с совестью, всегда алчущего правды, звучность гулкой и звонкой лиры Маяковского, терзаемого болями и радостями нового века. Они, эти два великих творца, простерли свои могучие крылья над еле оперившимися молодыми художниками.

Поддержка... Как ее иногда не хватало многим, многим талантам. Твердая, добрая рука старшего друга, учителя — не барственная опека, а умное слово, совет и, главное, требовательная, но реальная помощь определившемуся дарованию...

Еще один немаловажный вопрос.

Живопись и графика — не противоречат ли они друг другу?

Не ошибка ли некоторых замечательных графиков, что они столько сил отдали живописи? Ведь известно, что, например, Доре извел уйму времени и энергии, создавая огромные живописные полотна, ныне вызывающие лишь чувство недоумения...

Нет! Тысячу раз нет...

Скорее всего Кукрыниксы последовали по пути Оноре Домье, которому с годами все больше недоставало языка лишь черного и белого цветов, и он все больше писал маслом. И сегодня трудно сказать, кто более велик — Оноре Домье-живописец или Домье-график. Скорее всего велик весь Домье. Художник-гражданин. Человек, отдавший всего себя людям, делу Свободы и Правды.

Не говоря уже об экспрессии и трагизме графики Гойи, когда великий живописец ставил перед современниками в своих офортах острейшие проблемы бытия... Да, не просто, очень не просто сочетать вершины графики и живописи. Для этого надо иметь огромный запас прочности в мастерстве, а главное — наполненность образного строя души.

Но вернемся к выставке произведений Кукрыниксов, сумевших разговаривать со зрителем языком живописи, иллюстрации, плаката, сатиры...

Нет возможности описать всю эту экспозицию, занявшую выставочные залы Академии художеств, тем более что карикатуры, плакаты, иллюстрации этих художников знакомы миллионам людей, как, впрочем, и репродукции с картин, но зайдем в центральный зал, где экспонировались четыре картины, помещенные на нашей цветной вкладке.

«Т а н я»...

Деревня Петрищево... Кто знал до января 1942 года эту точку на земном шаре?.. Но весть о подвиге юной москвички Зои Космодемьянской, о ее трагической гибели облетела весь мир... Кукрыниксы были потрясены... Всего несколько десятков километров отделяло место события от столицы.

Вот рассказ художников:

— Машина шла на запад. Под колесами была земля, побывавшая в плену. Равнина. Снега, снега... Ощеренные крыши изб. Пустые, зияющие глазницы окон... и кресты, березовые кресты. Около каждого — заметенная вьюгой каска... Петрищево... Мы постучали в одну из изб... Скрипнула дверь. На пороге стояла пожилая женщина. Лицо серое, изможденное... Она долго слушала наш рассказ о желании создать картину о гибели Зои и просьбу помочь увидеть людей, места, связанные с подвигом юной партизанки... Узкая тропинка привела нас в маленький дом. Кухонька. Русская печь... Здесь изверги измывались над Зоей. Вмиг перед глазами предстала глухая декабрьская ночь. Дрожащий свет фонарей. Скрип снега под босыми ногами Зои... Жутко, страшно было повторять этот путь. Нескончаемыми казались извилистые завьюженные тропы. Пустыри. Пожарища. Обугленные черные головешки... Площадь. Здесь свершилась казнь. Из сугроба торчал остаток виселицы. Отступая, фашисты спилили ее... Месяц, нескончаемый долгий месяц висел оледеневший труп героини.

Как из тумана, выплывали из мглы времени страшные часы мучений, пыток, издевательств над беззащитной девушкой-партизанкой.

...А когда утром, обессилевшую от пыток, босую, повели Зою на казнь, все увидели ее прямую, тонкую, как березка. Гордую. Непобежденную... Фашисты согнали на площадь народ. Окружили солдатами. Глумились. Но за всей этой жалкой и жуткой суетой, на голову выше всех, под виселицей все увидели сияющие, страшные своей опаляющей правдой глаза Зои... И в миг, когда наступила немая тишина, все, все услыхали голос девушки, полный веры в победу света над злом:

— Мне не страшно умирать. Я умираю за свой народ, и это счастье.

Когда железная метла войны вымела нацистов, за пустой разрушенной школой у тонкой русской березки похоронили Зою.

Потрясенные художники стояли у маленького холмика из еловых веток...

...Нестеров в 1942 году сказал живописцам: «Полюбите вашу Таню, и вы сделаете все...» Любовь и ненависть — вот ключ этой картины. Всмотритесь в холст. С каким эпическим спокойствием раскинулась русская земля под снежным покровом. Торжественно, печально лежит белый саван зимы, окутав поля Подмосковья. Низко повисло свинцово-серое небо. Застыли от стужи березы... Сумеречное утро... Враги согнали женщин, детей, стариков глядеть на казнь. Пусть вертятся у эшафота нацисты. Пусть клацают затворы фотокамер. Не ведают фашисты, что оставляют людям Земли неистребимый документ величия непокоренности духа юной героини... Лишь это запишет история на своих скрижалях.

Три шага... Три шага босых ног. Один по снегу. Второй на подставленный венский черный стул... Третий на скрипучий пустой ящик, неловко взгроможденный на другие два ящика из-под консервов... Три шага в бессмертие... На глазах палачей простая московская девушка как бы стала мраморной.

Еще миг... Скрипят под ногами пустые ящики. Звучат лающие чужие слова... Снега, снега, снега... Как кричит воронье. Мамочка, мама... Нет, так нельзя уходить. «Бейте фашистов, не бойтесь их!» — прорезает тишину голос Тани...

Вера... Сокровенное озарение духа, которое приходит к человеку как конечный итог убежденности устремлений, как свет, посещающий людей нашего сложного двадцатого века, проходящих нелегкий искус жизненных наблюдений, контрастных впечатлений, влияния среды и времени... И все-таки невзирая на все тяготы рождения нового в нашем столетии Советская Россия — Страна Советов дала исторически весомые образы массового героизма — этого чуда, как бы аккумулирующего громадные заряды в е р ы в правоту своего дела, в конечную победу света над мраком... Октябрь 1917 года, гражданская война, двадцатые годы, первые пятилетки, Великая Отечественная война и, наконец, наши дни являют пример духовной наполненности миллионов граждан нашей державы, их веры в победу правого дела... Великая тайна, зовущаяся на Западе «русской загадкой», которую не могли постичь видные политики Европы и Америки, есть не что иное, как святое умение советского народа любить и ненавидеть, верить в общее любимое дело.

«Б е г с т в о ф а ш и с т о в и з Н о в г о р о д а»...

Новгород... Гарь... Багровые сполохи. Горький дым пожарищ. Белогрудые истерзанные храмы. Руины. Рваное железо. Зияющие остовы куполов. На снегу — черные от копоти гиганты. Их бронзовые руки воздеты к небу. Они призывают к мщению за кровь людей, за поруганные святыни, за слезы матерей. Они повержены, эти великие образы истории Руси. Но не побеждены! Они живы. Страшны в гневе черты Петра Первого, Пушкина, Суворова. Изуверы опоганили Новгородский кремль. Разрушили древние стены башен. С педантизмом размонтировали памятник «Тысячелетие России». Пронумеровали аккуратно все фигуры монумента — хотели увезти в рейх, в логово нацизма... Все, все, казалось, сделали враги, чтобы сокрушить славу народа, которого не дано было им победить. Разбили фрески. Разорили собор. Спалили тысячи старинных бесценных книг. Хотели стереть с лица земли саму северную твердыню на Волхове, мечтали заставить забыть о самом существовании славян, когда-то побивших на льду Чудского озера тевтонских псов-рыцарей. Не вышло!

Гордо высятся стены Софии. Зияют проломы новгородских башен. На какой-то миг повергнуты кумиры истории Руси... Но из праха восстанет слава Града. И вновь закипит жизнь на выжженной земле.

Тишина... На затоптанном снегу обрывки страниц книг. Ледяной ветер шевелит листы газет, гудит в ущельях руин... Страшен, страшен образ Новгорода, опозоренного ворогами... Они измывались над святынями. Устраивали конюшни в церквах. Открыли кафе для господ офицеров у самого Софийского собора. Водрузили на березовый цоколь бронзового Льва Толстого и под звуки веселых вальсов стреляли в гения земли, которую им не дано было понять...

Жуткая картина разрушенного Новгорода поразила художников. Они стали писать этюды. И вот здесь, на пепелище, родилась мысль написать полотно. Запечатлеть трагедию войны...

Новгород. Первые дни 1944 года... Мечутся, мечутся, трусливо пригибаясь, фашистские тати по чужой земле. В руках бандитов — чадящие факелы. Ревет яростное пламя, пожирая древние стены. Низко, низко стелются зловещие клубы дыма. И посреди всего этого адова хаоса — София. Святыня Руси, собор, семь столетий тому назад осенивший

стяги Александра Невского на ратный подвиг и встретивший могучим звоном колоколов великую победу... Я слышу этот древний благовест, слышу клики народа, голос Невского... Пусть гудит пламя. Ему не сгубить славу России. И восстанет из праха и тлена Новгород... Воспрянет из пепла краса собора... Взывают к мщению простертые к небу могучие длани поверженных героев тысячелетней истории России... Воет, воет лютый пожар. Скрипит, стонет снег под коваными сапогами нелюдей, жутких и жалких перед величием вечной славы чужой для них страны. Суд истории близок. Они обречены. И никакие фразы, никакая ложь не оправдают чудовищных злодеяний фашизма.

Глядя на эту картину, на адский пламень, губящий Новгород, на голос хаоса и смерти, глушащий все живое, все же явственно слышу могучий голос полководца из фильма «Александр Невский»: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». Такова историческая правда, звучащая в этом полотне, так найдены масштабные соотношения, композиционный строй этого огромного холста, такова сила веры в правду истории, заложенная в это произведение нашего искусства.

«Надо было,— рассказывают художники,— самим увидеть среди пепелища одинокую печь с детским рисунком на ней, а рядом черные, железные ребра кровати, торчащей из-под снега. Надо было самим слышать на морозе звон топора и визг пилы около ослепительно золотистых бревен нового сруба, там, где отдаленно еще слышно уханье тяжелых снарядов... В таких поездках появились планы будущих композиций, картин... Этюдник, небольшой альбом и складной стул захватывал с собой каждый из нас. При малейшей возможности мы работали. Десятки вариантов, сделанных по памяти, не заменят одного, сделанного с натуры».

Художники в «Бегстве» на первый взгляд изобразили картину хаоса, кошмарного по чудовищности акта разрушения. Но, несмотря на всю мрачность происходящего злодеяния — ведь мы становимся свидетелями трагедии гибели святыни народа,— все же, несмотря на это, холст Кукрыниксов заставляет нас верить в конечную победу света над мраком.

«Вы стали всемирно известной силой в международной солидарности людей, в их общей ненависти к фашизму и борьбе за его разгром. Пусть одобрение мира дает вам еще больше уверенности и силы»,— писал художникам в год начала создания «Бегства фашистов из Новгорода» Рокуэлл Кент.

«Конец. Последние дни гитлеровской ставки в подземелье рейхсканцелярии».

Крах. Провал. Тупик... В зловещей мгле бункера, озаренной мертвенным светом, мечутся персонажи кровавой трагедии. Вознесенные к власти, они явили все сгустки пороков рода людского. Все сходило им под грохот маршей, под топот парадов. Все казалось покоряющее величественным в призрачном блеске успеха, достигнутого ценою позора целой нации...

Берлин. Май 1945 года. Мрачное подземелье рейхсканцелярии, выстроенной в дни, когда сапог фюрера подмял под себя Европу... Стратегия чингисханов, построенная на коварстве, вспоенная кровью миллионов, тактика ужаса и блефа рухнула, похоронив под своими обломками своих творцов.

Конец... Все перекосилось в этом крысином загоне. Грозный грохот советских армий достиг этой забетонированной дыры, ямы с убранством из роскошных картин, драпировок, мебели. Вот истинное лицо этого капкана, созданного руками «завоевателей мира»... В этом неумолимая диалектика истории, не прощающая никогда фальшь и ложь громоподобных, но временных побед злодеев и лжецов, в какие бы наряды они ни рядились...

Время, неумолимое время отсчитывало мгновения бытия. В картине «Конец» царит миг тишины... Может быть, только отдаленный рокот канонады создает тот немолчный гул рока, от которого не уйти. Но в этой тугой и душной атмосфере подполья, ямы, волчьего логова явственно слышу бой часов, отсчитывающих оставшиеся минуты жизни рейха...

Бьют неумолимые часы времени. Пора платить по счету, господа!

Душно Гитлеру, он хочет распахнуть китель, другая рука пытается остановить дрожь бетонной стены. В бессильной злобе скорчены пальцы генерала, вперившего безумный взор в мрак безысходности. Безвольно повисла рука спящего пьяного офицера. Отстукивают секунды нервные пальцы эсэсовского убийцы... Ходит ходуном, горит земля над головами злодеев... Тупик... Конец бесславный, позорный и жалкий. Еще посверкивают железные кресты, блестят погоны, кокарды с орлами, остатки пустого зловещего маскарада... Но... брошена телефонная трубка. Упал стул. Смята, сдернута скатерть... Безнадежность и страх животный, тупой объял этих недавних вершителей судеб... Расплата — вот что видит каждый из персонажей этого неподражаемого по жестокой правде полотна...

Вернемся к последней из четырех картин центрального зала выставки Академии художеств СССР.

«Обвинение»... Нюрнбергский процесс. Развязка. Позорный финал мирового фашизма. Огромный зал темен. Лишь бледное мерцание большого полотна — экрана озаряет сотни зрителей. Но не пришедших сюда живых людей, свидетелей зверств, участников победоносной войны показывают нам в своей картине художники — нет, их образный круг сужен до предела: жертвы и палачи — вот смысл композиции... В кровавом мраке шевелятся чудовищные лики вождей нацизма. Резкий свет ламп выхватывает из тьмы зловещие маски — и рядом в голубом мареве трупы невинно убитых, их тысячи... тысячи...

Сотни людей ежедневно проходили по залам выставки художников Кукрыниксов... Гигантский полувековой труд мастеров поражал воображение зрителей. Перед ними как бы разворачивалась история жизни нашей планеты, освещенная светлым умом и горящим сердцем художников... В их работах раскрыта пылкая любовь к Родине и вся непримиримая ненависть к ее врагам.

СОЛДАТЫ

Шестьдесят лет назад мир облетели слова, переданные телеграфистом Чепельской радиостанции: «Радио. Всем, всем, всем!» Это было сообщение об установлении в Венгрии диктатуры пролетариата. 21 марта 1919 года первым после победы революции в России венгерский рабочий класс провозгласил рождение новой республики Советов. Так отозвалось в междуречье Дуная и Тисы могучее эхо Великого Октября.

Всего 133 дня существовала Венгерская Советская республика, но они навсегда вписаны в историю венгерского и международного революционного движения. Те дни дали много ярких примеров пролетарского интернационализма. Мы знакомим сегодня читателей с малоизвестными страницами боевой летописи республики.

Е. НИКИФОРОВ,
старший научный сотрудник Главного архивного управления СССР

Зелень тронула газоны, ветви деревьев. Но обновление не только в природе. Революционная весна — в жизни всей страны и ее столицы. Груда приветственных писем и телеграмм. Их шлет пролетариат всего мира. «Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики и особенно товарищу Бела Куну»,— с Будапештом говорил Ленин! Всеобщий энтузиазм. Первые дни республики — пьянящие, полные светлых надежд. И предельного напряжения... Империалисты Антанты мобилизуют все силы для подавления Советской власти в Венгрии. Одно за другим проходят совещания в западноевропейских столицах. Прессу наводняют угрожающие призывы. Они раздаются с трибун парламентов, ими пестрит дипломатическая почта. «Если мы не задушим большевизм в Венгрии, — пишет Халстед, глава американской миссии в Вене,— то это будет способствовать его дальнейшему распространению».

И вторжение началось. Превосходящими силами интервенты ринулись на Красную Венгрию. Положение почти катастрофическое. Нет армии. Старая демобилизована прежним буржуазным правительством. Новая, революционная, еще не создана. Титаническая работа легла на плечи коммунистов. Она была выполнена в считанные дни. Только один Будапешт дал сорок четыре тысячи добровольцев.

Правительство Советской России обратилось ко всем русским военнопленным в Венгрии с призывом встать на защиту республики: «Удар, нанесенный Советской Венгрии, есть удар, нанесенный Советской России. Товарищи военнопленные в Венгрии! Защищайте вместе с венгерскими братьями общее дело революционных масс всех стран...»

Русские интернационалисты направились на фронт с первым же эшелоном и сразу же вступили в бой. Батальон упорно оборонялся, несколько раз попадал в окружения, прорывал их и сам предпринимал контратаки.

Начало мая. Обескровленный в изнурительных боях, но не сломленный русский батальон восстанавливает свои ряды за счет новых добровольцев. Их приток — результат неустанной работы Будапештской группы РКП(б), одним из основателей которой был Владимир Богданович Юстус.

Талант организатора, преданность революции выдвинули Юстуса на ответственный пост политического уполномоченного всех интернациональных частей венгерской Красной Армии.

На публикуемом снимке они не в единой форме, а она была, форма интернационалистов, — однобортные серо-зеленые кители без погон, такого же цвета брюки, а на голове — черная матросская бескозырка без ленточек, украшенная красным бантом.

ГОЛОС НАДЕЖДЫ И ВЕРЫ

...Обыкновенная, ничем не примечательная вокзальная скамья, из тех, на коих пассажиры обычно коротают время в ожидании поезда. Но именно вокруг нее разыгрываются драматичные страсти. И все потому, что на эту

Называй меня «миссис». Рассказы южноафриканских писателей. Составление и перевод с англ. В. Коткина. Издательство литературы и искусства. Ташкент, 1978, 288 стр.

ВЕНГЕРСКОЙ КОММУНЫ

Русские добровольцы венгерской Красной Армии. Апрель 1919 года.

...Кирилл Каблуков был штабс-капитаном. Попав тяжело раненым в плен, бывший полковой адъютант долгое время находился в лагере близ Залаэгерсека, где началось его знакомство с революционной пропагандой. Офицеру открылся истинный смысл всемирной бойни, в которой он участвовал. И Каблуков одним из первых откликнулся на призыв встать на защиту Венгерской Советской республики. Юстус своим безошибочным чутьем угадал в Каблукове воина, преданного новым, революционным идеям, и рекомендовал Будапештской группе РКП(б) утвердить его командиром русского батальона.

Боевая обстановка требует осмотрительности от командира, но порой и принятия решений быстрых, связанных с риском. Главная цель — выполнение поставленной задачи. И Каблуков, если нужно, рисковал, чтобы выполнить эту задачу. В районе Рарошпуста наступающий батальон попал под губительный огонь с укрепленных высот. Атака захлебнулась. Прижата к земле и вторая атака, за ней третья... Каблуков оголяет фланги, снимает бойцов из резерва и вместе с разведчиками создает специальную группу, которую посылает в тыл противника, чтобы начать штурм укреплений одновременно с обеих сторон. Маневр удался. Позиции интервентов были разгромлены.

«Довожу до сведения следующее о произведенном мною сегодня смотре в 1-м интернациональном русском батальоне. Подразделение характеризуется высокой дисциплинированностью и боеспособностью. Его командир, бывший штабс-капитан Каблуков— заботливый и предусмотрительный начальник. Русский батальон, учитывая его заслуги в боях, достоин похвалы». Это строки из донесения командира 3-й дивизии штабу венгерской Красной Армии. Они написаны 2 июня 1919 года.

...В партию Иван Макаревич вступил в батальоне. Он не был военнопленным. В составе экспедиционного корпуса его с начала войны направили во Францию. Грянул Великий Октябрь, Антанта перебросила корпус на Балканы; ему предназначалось участие в интервенции против Советской России. Макаревич перебрался в Венгрию и вступил в русский отряд. Он стал партийным вожаком одной из рот.

Из шестидесятилетнего отдаления фигура комиссара выступает символом революционной безупречности. В батальоне больше половины неграмотных и полуграмотных; классовое чутье сплотило их под знаменами революции, и они — за нее. Однако их преследуют вопросы, порой наивные, и они идут к комиссару.

«А в России, где землю тоже отобрали у помещиков, устраивают такие же кооперативы, как здесь?» Комиссар объясняет.

«А почему, когда мы были в увольнении в Цегледе, вы нам запретили заходить в рестораны?» Комиссар должен ответить и на это. Терпеливо, доходчиво, исчерпывающе. «Нельзя, товарищи. В Венгрии карточная система, а вас, солдат-интернационалистов, накормят без талонов. Значит, кто-то из местных жителей остался бы без обеда».

С первой же группой добровольцев переступил порог казармы, где формировался русский батальон, Петр Коблов. Трудно было прилепить к нему обидное «унтер», хоть он и носил в царской армии это звание. Общительный и деятельный, Коблов всегда в окружении бойцов. И не случайно на том собрании, где проходили выборы командиров взводов, имя бывшего артиллериста назвали первым. Через месяц он возглавил роту.

В роте Коблова — одни ветераны, те, кто с первых дней батальона в его рядах. Таким был и двадцатилетний Иосиф Крупин. Австрийские власти интернировали его три года назад, тогда еще семнадцатилетнего паренька из украинского села, и он пополнил ряды иностранных рабочих на Чепельском комбинате. Распространял листовки, был связным в стачечных комитетах, вместе с демонстрантами дрался с полицией. Пришла революция... Улыбающийся мастер сказал Крупину, что его зарплата увеличена на 25 процентов. И добавил: «Рабочий день — всего восемь часов...»

Вместе с венгерскими братьями по классу сражались за революцию москвичи Горохов и Морозов, одесситы братья Каминские, нижегородец Акимкин, белорус Якубовский, грузин Зефридзе — последний комиссар батальона.

Контрреволюция одержала верх. Интервентам были выданы планы военных операций, а снабженческие службы дезорганизовали доставку вооружения.

Свидетельство венгерского исследователя: «Русский батальон сражался до последнего патрона. Лишь на исходе боя подоспели долгожданные боеприпасы, но когда ящики дотащили до передовой и вскрыли — в них оказались... учебные гранаты и холостые патроны».

...Их было немного, вернувшихся в Будапешт, где уже торжествовала реакция, где афишные тумбы, заборы, внутренние стены кофеен были оклеены фотографиями разыскиваемых жандармами интернационалистов, где достаточно назвать себя русским, чтобы попасть в руки хортистов. Юстус с величайшим риском — за ним повсюду рыскали полицейские — связался с чепельскими рабочими, и бойцы батальона передали им оставшееся оружие, выполнив до конца свой интернациональный долг. Эти люди всеми помыслами, поступками доказали свою принадлежность к международному союзу трудящихся, который, по выражению Ленина, «нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения «государственного права», а в действительности... представляет из себя все».

скамью, «на которой четкими белыми буквами выведено: «Только для европейцев»,— посмел сесть черный, «черномазый»! Сел не по неведению, а, наоборот, сознательно, на глазах порядочной, то бишь белой, публики. Сел потому, что для него это было актом гражданского мужества. Ибо ничем не примечательная скамья стала «символом всех несчастий многострадального народа Южной Африки», в ней «сконцентрировалось все зло того порядка, которого он до сих пор не понимал. Скамья — это барьер между ним и остальным человечеством». Она же и психологический барьер, который не так-то просто преодолеть человеку, с рождения воспитанному в сознании собственной неполноценности, второсортности.

Такова суть небольшого рассказа Ричарда Рива «Скамейка», вошедшего в сборник южноафриканских писателей «Называй меня «миссис» (составитель и переводчик Валентин Коткин). Два десятка писателей, большинство из которых мало или вообще не известны у нас, тридцать два рассказа, каждый из которых мог бы стать обвинительным документом,— столь зримо живописуется ужасающее положение людей, чья «вина» заключается лишь в том, что у них темный цвет кожи... Атмосфера безграничного полицейского произвола, кровь, крики и стоны избиваемых... Невозможно читать равнодушно эту книгу. Но, странное дело, общий настрой ее отнюдь не пессимистичен. Сквозь вопли отчаяния и безысходности ясно слышится чистый голос надежды, веры в близкие перемены.

Слышит его белая леди из рассказа Питера Абрахамса «Бурский трек»: она «сидела, глядя прямо перед собой невидящими глазами, растерявшись от внезапности, с которой их жизнь, такая упорядоченная и мирная, вдруг кончилась». Вместе с ней переживают крах концепций «старого доброго времени» многие и многие персонажи этого сборника. Тут и некий деятель Стоффель, который, «не щадя себя, трудится, создавая стройную теорию в защиту издавна сложившихся взглядов, коренных принципов» и однажды обнаруживающий, что трудился-то он впустую (Эзекиел Мпахеле, «Живой и мертвый»). Ему еще трудно смириться и принять неизбежное. Зато другие из его среды уже начали приспосабливаться, даже поигрывать в либерализм, демократичность.

Однако есть и иная категория людей, таких, как Джойс (Надин Гордимер, «Запах смерти и цветов») и Деймон (Ричард Рив, «Облава»). Они и им подобные сознательно, по велению собственного сердца становятся на путь борьбы, в защиту угнетенных. Повышается и политическое сознание обездоленных масс. На смену стихийным протестам постепенно приходят организованность, дисциплина. Так, в рассказе Тома Хопкинсона «Кто виноват?» показана массовая забастовка. И хотя она подавляется полицией, уже в самой жестокости подавления чувствуется обреченность расистского режима, близость зари свободы над южной оконечностью Африки.

Иван ИСАЕВ

Джеймс ОЛДРИДЖ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА 12

Мы уехали из Парижа в Лондон вскоре после появления Пипа и не знали ничего о его повседневной жизни. Но полагаю, что последующие два года были для него просто временем, которое он хотел пережить. На несколько месяцев у него еще хватало денег, но вид на жительство он получил лишь после долгих и сложных препирательств с властями, длившихся шесть месяцев. Это значило, что он жил нелегально во Франции целых пять месяцев.

Никто из властей не стремился облегчить судьбу этих отверженных с другого берега Атлантики. И когда дела оборачивались для них плохо, Пип и другие эмигранты ничем не могли помочь себе, хотя у них и были верные друзья среди французов. Единственное, что им оставалось,— это выражать официальным французским представителям свои протесты. Но все равно во Франции им было лучше, чем в Англии, где к эмигрантам из Америки относились с несравненно меньшей доброжелательностью.

Все, что я помню о Пипе в течение тех двух, трех лет и даже немного позднее,— это краткие встречи, которые у нас были, когда мы проездом останавливались в Париже. Да еще однажды, когда мы жили в Аи, в Провансе, он провел неделю с нами, дрожа от холода в арендованной нами вилле и проклиная резкий и свежий северный ветер, который буквально срезал каштаны с веток своим леденящим морозным дыханием. Пип слишком исхудал, чтобы выдержать такую зиму в Провансе. Поэтому он бросил все и уехал обратно в Париж, в свою теплую сырую комнатку.

Сначала, казалось, он вообще не находил себе места. Он всех старался избегать, чтобы случайно не нарваться на какого-нибудь корреспондента, разнюхавшего, что Филипп Ловелл живет в Париже без паспорта, и не сделаться вновь предметом сенсации в Америке. Работы он найти не мог, и не в пример голливудским эмигрантам, которые тайком работали над второсортными европейскими и американскими фильмами, снимавшимися в Европе, дешевой журналистской работы для него не было.

Одно время он жил уроками английского языка, обучая двух мальчиков французского дипломата, которого он знал когда-то в Вашингтоне. Это была маленькая великодушная синекура, и она его угнетала и деморализовала.

Потом он работал в международном агентстве, где читал американские и английские газеты и составлял тематические вырезки, за которые получал плату. Он мне говорил, что с познавательной точки зрения эта работа дала ему больше, чем что-либо другое, так как один день он вырезал дипломатические новости, другой — скандальную хронику, а на следующий — тяжеловесные политические статьи. За этим последовала другая работа — писать под псевдонимом для голливудского журнала всякие истории о европейских кинозвездах. Это была его первая подпольная журналистская работа.

Но это продолжалось недолго. Голливудский журнал узнал, кто скрывается под именем Вильяма С. Смайли, и заместитель редактора написал ему соболезнующее письмо, сообщая, что дальше печатать его статьи они не могут. Если Луэлла Парсонс и ее друзья узнают, что журнал публикует сообщения Филиппа Ловелла под именем Вильяма С. Смайли, они прикроют журнал, потому что обладают достаточным для этого влиянием.

Первый год для Пипа был, вероятно, особенно трудным, его все время трясло, и он старился. Его врожденный аристократизм не мог примириться с бедностью и положением изгнанника. Пип смотрел на мир глазами человека, который не мог осознать, что с ним произошло. И приблизительно в это время, в конце первого года изгнания, он встретил французскую девушку Монику Дрейфус.

Моника была коренастой, энергичной, разумной, с решительным характером и с мягкими, кошачьими движениями. И она в любом случае была способна и на интеллектуальном уровне и на более примитивном дать отпор любому, кто попытался бы причинить Пипу зло. Эта Моника приводила Пипа в чувство, когда у него появлялось желание просто лечь и от всего отрешиться. Он иногда слишком много пил, но Моника заявила ему, что она не потерпит этой дурацкой американской привычки напиваться, когда находишься в подавленном состоянии.

— Ты же сам видишь в кинофильмах,— говорила она.— Это выглядит глупо, по-детски. Вы, американцы, считаете, что так и надо поступать.

А Пип говорил, что он будет защищать Америку, чего бы это ему ни стоило, и добавлял, что все бистро во Франции полны отчаявшимися французами, одуревшими от пьянства.

— Так что на нас не сваливай,— говорил он.

— Всё дело в том, как вы это делаете,— настаивала Моника.— Вы упиваетесь спиртным, как упиваются религией. Если хочешь жить со мной, то напивайся от радости, а не с горя. С горя не смей пить.

Моника была подобна назойливой наседке. Но ее сильный голос, очаровательный акцент и галльская логика утихомиривали податливого Пипа. Все же он продолжал пить больше, чем следовало, хотя я лично считаю, что это в какой-то мере и спасло его на втором году пребывания в Париже. Алкоголь помогал ему переносить все трудности создавшегося положения так же, как и Моника, которая выполняла роль его ангела-хранителя до тех пор, пока он сам о себе не смог позаботиться.

Пожалуй, основная сила ее влияния заключалась в том, что она питала отвращение ко всему, что творилось в Америке, а также в ее бурно проявлявшемся негодовании, когда Пип начинал лить слезы по поводу всего случившегося. «Ему следует радоваться,— говорила она,— потому что страдания, которые он перенес, лишь подчеркивают примитивность самих американцев». Но, защищая себя от ее нападок, он подчас должен был защищать и саму Америку, что тоже шло ему на пользу.

— Если ты приехал в Европу, чтобы здесь поселиться, то должен перестать думать о Джордже Вашингтоне и Аврааме Линкольне,— заявила она однажды, когда мы все сидели в маленькой квартирке, которую она снимала неподалеку от Марэ.

— Но я о них и не думаю,— протестовал Пип.

— В таком случае ты не должен расстраиваться из-за того, что с тобой произошло. Ты находишься по одну сторону, а эти мерзавцы в Вашингтоне по другую. Это политика. Но все вы, американцы, одинаковы: вы вечно думаете, что кто-то кого-то предает. А на деле все сводится к одному — все тот же Джордж Вашингтон и Авраам Линкольн. Это несерьезно.

— Моника, это наша история, другой у нас нет,— настаивал Пип.— И мы должны жить в мире условностей, предопределенных этой историей. В конце концов ведь каждый француз считает себя порождением революции.

Они продолжали спорить, а мы продолжали слушать, так как видели, что Пип начал наконец оживать. Мне кажется, Моника все это делала умышленно. Но в ее поведении сквозила разумная простота, и трудно было поверить, что жизнь Моники сложилась совсем не так уж легко. Нацисты схватили ее родителей во время оккупации. И они исчезли бесследно. Она же была воспитана во французской буржуазной семье, где ее обожали, хотя и не одобряли ее связь с Пипом. Приемные родители считали, что она растрачивает на него свой французский талант, французское будущее и французскую респектабельность. Но любившая их Моника со своим кошачьим характером и пружинистой фигурой хотела другого. Она хотела заняться чем-то серьезным и даже несколько рискованным. Пип сам по себе представлял достаточно серьезную проблему. Но она бы с удовольствием потягалась силами даже со всеми Соединенными Штатами, и Айлин сказала, что это результат того, что Моника, должно быть, сохранила память о своей собственной беспомощности, когда она явилась жертвой жестокой и неограниченной власти фашистов. Поэтому она и была так воинственна.

Во всех других отношениях это была девушка, разделявшая условности своего окружения. Она была квалифицированный фармацевт и работала в чистой, сверкающей стеклами аптеке, принадлежавшей ее приемному отцу. В своей аптеке Моника держалась по-деловому и сугубо официально, даже по отношению к Пипу, в чем я однажды убедился, когда мы приехали пригласить ее на обед. Меня бы не удивило, если бы она, сидя за стеклянной перегородкой, обратилась к Пипу: «Мсье, чем могу быть вам полезна?» Она не любила, когда мы наносили ей личные визиты во время работы, и всячески стремилась нас выпроводить.

Некоторое время я думал, что в Монике Пип опять нашел сильную доминирующую натуру, которая сделает с ним то же самое, что сделала Джуди,— превратит его в тряпку. Но как только они начинали спорить, впечатление это пропадало. А ругались они достаточно часто. И тогда я понял, что Пип нашел на этот раз такого противника, который заставит его проявить, когда понадобится, мужество.

Так что в течение первых двух лет он имел настоящую поддержку. Но только на третий или четвертый год он смог найти серьезную работу, хотя вынужден был по-прежнему скрываться и писать под псевдонимом. Я думаю, все началось с канадца по имени Хьюз. Он работал агентом в одной из американских информационных служб в Париже и был опытным журналистом. Он знал Пипа еще по Вашингтону и ценил его уникальные способности к анализу. В то время французы только что столкнулись с серьезным сопротивлением со стороны вьетнамцев, и Хьюз попросил Пипа написать статью о возможном развитии событий. Используя другой псевдоним — Жорж Гранвилль,— Пип предсказал серьезные неприятности для французов и даже возможную катастрофу, если партизанская война во Вьетнаме будет расширяться.

«Французы не могут победить,— писал Пип,— как, впрочем, никто не может серьезно рассчитывать на покорение вьетнамцев. На протяжении своей истории они разгромили или пережили по крайней мере восемь иностранных вторжений. Почти на протяжении пяти столетий они фактически находились в состоянии войны с иностранцами или другими поработителями. При наличии оружия, специфики их местности и стойкой народной воли для французов не представляется возможным разбить вьетнамских партизан, так как каждый раз, когда французы пытаются вступить в битву,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—11.

Прощай,

они просто растворяются среди этих лесов, полей и деревень».

По тем временам это было смелое предсказание, и французам оно не понравилось. Но Хьюз в обиду Пипа не давал и не называл его настоящего имени. И впоследствии Пипа просили проанализировать не только азиатские дела, но и положение во Франции, для чего он теперь также созрел. Любопытно, что Пип, будучи анонимным журналистом, стал писать гораздо лучше, чем раньше. Я обнаружил в его статьях остроту, чего ему всегда недоставало. Чувствовалась разница между прежним, довольно мягким и податливым Пипом и новым, прошедшим школу маккартизма, острым, как бритва.

Я не знаю, почему Пип и Моника не поженились, но, вероятно, сыграло роль то, что положение самого Пипа было неопределенно. Это их тревожило. Без паспорта он по французским законам был ничто, даже имея на руках вид на жительство. В те времена все американские эмигранты жили под угрозой, что длинная рука вашингтонской комиссии может дотянуться и силой вытащить их из временного убежища, чтобы передать под юрисдикцию Верховного суда. И я думаю, Моника не хотела остаться ни с чем. Она не собиралась становиться, пусть даже косвенно, жертвой этих американских подлецов.

Такого рода семейные отношения и установились между ними. Жили они большею частью на квартире у Моники и время от времени отдыхали в Дордони или Бретани и никогда на Лазурном берегу, где, как Моника считала, слишком много показного и чужого и где нет ничего исторически достопримечательного.

Она очень хорошо знала Бретань и рассказывала Пипу на месте об исторических событиях в Вандее и деятельности крестьянских повстанцев в 1793 году. У нее был маленький четырехцилиндровый «рено», и два или три раза я садился с ними в машину, после чего клялся никогда этого не делать. Они оба были очень плохими водителями и постоянно спорили об уличном движении, о том, какой избрать маршрут, кто и когда сделал неправильный поворот, или не туда свернул, или не там остановился. Пип под влиянием Моники все больше начинал походить на француза. Но я знал, что даже если положение дел в Америке изменится и Пипу каким-либо образом удастся достать паспорт и возвратиться в Америку, Моника с ним не поедет. Она никогда не покинет Францию надолго. Так что Пипу самому следовало ко всему приспосабливаться. И похоже было на то, что ему придется долго жить, находясь все время в тени, в условиях, когда нет возможности стать тем, кем был раньше.

Пип вел себя в гораздо большей степени как мужчина, чем когда бы то ни было. И я невольно склонялся к тому, что Моника права! Пусть он забудет о том, кем был раньше. Пусть забудет Америку, махнет рукой на все трудности, связанные с положением человека без родины, и даже не имеющего настоящей работы. Жить, все время думая о безвозвратно ушедшем прошлом — значило подтачивать самого себя, и хотя никаких особых надежд будущее ему не сулило, Пип каким-то образом не утратил ни цели жизни, ни способности действовать решительно. Моника позаботилась об этом.

Таким образом, они представляли собой устоявшуюся пару, когда мы уговорили их провести с нами один летний месяц на вилле, снятой на мысе Ферра. Это было большим достижением, и это был тот случай, который давал Пипу возможность утвердить себя: он был твердо настроен приехать, и ему предстояло преодолеть упорное отвращение Моники к Лазурному берегу, усадить ее в машину и доставить в наш маленький домик на той стороне мыса, где находилось местечко Сен-Жан. Я, возможно, изобразил отношения Пипа и Моники как сплошные столкновения и ссоры. На самом же деле эти отношения бывали и непринужденными и теплыми, и нам показалось, что они в прекрасном настроении, когда спустились завтракать в первый день. Стояла типичная средиземноморская погода. Был июнь, воздух будто застыл, солнце на лазурно-голубом небе грело, но не пекло; и мы чувствовали, как будто нам предоставлена отсрочка от дел на все это великолепное время. Никуда не надо было спешить, ни с кем не тягаться и не заботиться о том, что происходит в мире. Внизу, у подошвы горы, сияло море, и час, который мы, беседуя, провели в саду за столом, после завтрака, был не потерянным временем, а как бы припасенным на будущее. Это был рай земной.

— Чем ты занимаешься здесь целыми днями? — спросил меня Пип, откинувшись на стуле и подняв к утреннему солнцу лицо.

— Работаю,— сказал я.— Во всяком случае утром.

— Но где, как?

— Да где угодно,— отвечал я.— На пляже, в саду, где угодно, лишь бы солнце было.

— Тебе надо надеть шляпу, — сказала Моника Пипу, затеняя ему руками глаза.

— Я в жизни никогда шляп не носил.

— Ну, а сейчас тебе надо носить. Нехорошо, когда солнце припекает голову. Это вредно для здоровья.

— Купи себе белую панаму,— предложила Айлин.— Она тебе пойдет.

— Я буду похож на табачного аукционера,— сказал Пип.

— Нет, не на него,— отозвался я.— Ты будешь похож на представителя английского министерства колоний, который дает совет губернатору Сьерра-Леоне удерживать туземцев от появления на улицах города.

— Я больше не даю советы губернаторам, — сказал Пип. — Издателям тоже.

За два дня до этого мы прочитали в парижском издании «Нью-Йорк геральд трибюн», что человека, ответственного за издание книг Пипа, вызвали в сенатскую подкомиссию. И хотя там упоминалась целая дюжина других книг, на издателя была брошена тень в основном из-за книг Пипа и из-за самого Пипа, который якобы пытался влиять на деятельность издательства, находясь на должности «специального советника». Имя Пипа уже давно не фигурировало в разбирательствах комиссии, но даже теперь одного упоминания о нем было достаточно, чтобы осудить человека, который когда-то издавал его книги.

— Интересно, когда-нибудь все это кончится? — спросила Айлин, разомлевшая, как и мы, от жаркого солнца.

— Что кончится?

— Все это дело с маккартизмом.

— Только после того, как у нас будет еще одна война,— сказал Пип.

— Ты действительно думаешь, что у вас будет еще одна война?

— Рано или поздно мы затеем одну в Азии.

— Не понимаю, как после Кореи американцы могут вести еще одну войну,— сказал я.

— Это еще раз показывает, как мало ты знаешь Соединенные Штаты. Они не только затеют еще одну дьявольскую войну, но они будут воевать с дьявольским упорством и с дьявольской убежденностью. Больше того, они ничем не будут гнушаться, ничем.

— Я этому не верю,— сказал я.— Они никогда не воспользуются атомным оружием снова. Слишком много доводов не в их пользу.

— Если будет необходимость применить его, то они это сделают, — настаивал Пип.— У нас существует целое поколение патриотов, которых нужно избить до полусмерти, прежде чем они начнут соображать, на что они растрачивают свой патриотизм.

— Но кто же их изобьет?

— Я не знаю,— сказал Пип.— Но сделают это низкорослые люди с раскосыми глазами.

— С тобою трудно спорить, так как ты слишком часто бываешь прав. Но через сколько же лет все это произойдет?

— Откуда я знаю. Через десять, двадцать, даже тридцать лет. Чтобы развиваться, Америка нуждается в тумаках. Только в следующий раз, когда мы завязнем в Азии, это будет кошмаром, и вся нация окажется растерзанной на части. После такой войны у нас, может быть, появится поколение, не подверженное влиянию этих мифов и культов и способное забыть свои крестьянские предрассудки и предубеждения, поколение, которое переставит все акценты.

Я затаил дыхание. Я почувствовал, что к Пипу возвращается какая-то доля его прежней веры, хотя речь уже шла о том, что не голодающие миллионы будут играть роль в процессе перестановки акцентов, а поколение, свободное от влияния мифов и культов. Это был шаг в прежнем направлении.

— Я ничему не верю,— сказала Моника.— Что бы американцы ни делали, они вечно будут нянчиться с Вашингтоном и Линкольном.

— А тебе и не надо ничему верить,— сказал Пип.— Требуется только подождать — и ты сама увидишь.

— Это то, что ты сам делаешь? — спросил я его.

— Пожалуй, да,— ответил он. А Монике сказал, что пора отправляться, если она уже насладилась бездельем.

— А куда вы поедете?

— Не знаю. Дальше вдоль берега, может быть,в Ниццу. Моника ни разу не была там. Или Монако. Хотелось бы посмотреть там старый морской музей принца, который я видел еще мальчишкой. Вы о нас не беспокойтесь. Мы сами о себе позаботимся.

— Вы к обеду будете? — спросила Айлин.

— Нет, мы вернемся только вечером, к ужину. Так что забудьте на время о нас.

Они умчались в своем «рено», и до вечера мы их не видели. Так они уезжали несколько дней подряд. И в одно прекрасное утро, когда они отправились в Ниццу, к нашему дому подкатила Дора Делорме и сообщила, что Лестер Террада находится в пяти минутах езды от нас, на ее вилле, расположенной среди сосен на той стороне мыса, где находится Вилльфранш.

ГЛАВА 13

Когда Дора Делорме предложила организовать встречу Пипа с Террадой, у меня сразу появилось желание встать на защиту Пипа. Но когда она ушла, меня вновь охватило сомнение: что-то здесь не так.

— Пипу это ничего хорошего не принесет,— говорил я Айлин.— Лучше не обращать на них внимания.

— Но тебе не стоит вмешиваться. Дора права. Пип должен решать сам. Он ведь всегда может отказаться от встречи.

— К чему омрачать им отдых? Он и Моника явно поладили. Они прекрасно проводят время, забыв обо всем. Мне кажется, что за этим кроется что-то еще.

— Что, например?

— Откуда я знаю. Ясно, что Террада прибыл сюда за тридевять земель не для того, чтобы поздороваться с Пипом.

— Ну и что?

— Здесь дело в Джуди, мне кажется. Что она опять придумала?

— Ну уж ты-то ее знаешь лучше, чем я.

— А что толку?

Я все еще был в нерешительности, когда Пип и Моника возвратились из Ниццы. Они выглядели очень счастливыми. Купили себе дешевенькие бамбуковые удочки, готовые лески с поплавками и пакетики с морскими червяками, завернутыми в мокрую газетную бумагу. Оба дурачились и смеялись, предвкушая удовольствие не только от рыбалки на рейде Вилльфранша,но и от самого лова: Айлин смогла бы приготовить великолепный суп.

Мы весело поужинали, наши дети (их было уже двое) вели себя благопристойно. Было так хорошо, и мне совсем не хотелось все это испортить.

«Помолчи»,— уговаривал я себя, готовый встать на их защиту.

Но в то же время я понимал, что есть нечто более важное, чем удовольствие от рыбной ловли. Поэтому я отвел Монику в сторону и рассказал о том, что предлагала Дора Делорме. У нее сразу же испортилось радужное настроение. Сначала Моника молчала, потом ее как будто бы прорвало, и она свирепо произнесла:

— Почему ты спрашиваешь меня? Спроси его!

— Но ведь я и о тебе думал,— неуверенно ответил я.

— Обо мне никто не думает,— сказала Моника с чувством несвойственного ей самосочувствия. Она так много отдала Пипу, а получила лишь обломки человека, которым он когда-то был. До этого я не ощущал так остро сложившуюся ситуацию, но тут вдруг понял, что Пип еще не окончательно освободился от воспоминаний о своем неудачном браке.

— Ну, ладно,— сказала, мрачно поразмыслив, Моника.— Пусть пойдет, если хочет.

— Ты серьезно?

— Конечно, серьезно. Но сперва мы половим рыбу, а после этого скажи ему.

— Как ты думаешь, он согласится встретиться с Террадой?

Она пожала плечами, как типичная француженка.

— Не знаю! —сказала она с раздражением.— Откуда я знаю?!

Но она знала, и я был уверен, что даже одобряла это, потому что относилась к категории женщин, считавших необходимой встречу Пипа с Террадой и Джуди лицом к лицу, чтобы он мог со всем этим покончить, сосредоточиться на своих собственных делах и привести их в порядок.

— Ну, хорошо,— согласился я.— Ничего не скажу ему до вашего возвращения сегодня вечером с рыбалки.

Моника ушла в подавленном состоянии, а я проклинал Терраду. Не столько за то, что он сделал Пипу, сколько за то, что он мог еще сделать.

С рыбалки они возвратились к полуночи. Ведерко моего сына было полно рыбы. Когда все ушли спать, Пип и я сели на кухне с бутылкой черного пива, которую он привез из Парижа. Пип был все еще весел. Он сказал, что рыба в Средиземном море похожа на местных рыбаков:

— Сплошные недомерки, темные и пахнущие йодом. Ты когда-нибудь замечал,— продолжал он,— как природа сглаживает различие между животными и человеком в примитивном обществе?..

Я дал Пипу окончить мысль и после этого сказал о Терраде, Джуди и его почти уже тринадцатилетнем сыне, специально приехавших к Доре Делорме, чтобы повидаться с ним.

Пип внешне никак не прореагировал. У него не перехватило дыхание, ничего нельзя было заметить. Он просто долго и печально смотрел на пустую бутылку из-под пива и сказал спокойно:

— Я знал, что рано или поздно такой день настанет.

— Вовсе не обязательно, чтобы он настал,— сказал я.— Тебе можно и не встречаться с ними.

Будто не расслышав меня, он спросил:
— Как ты думаешь, зачем нужна ему эта встреча?
— А бог его знает,— ответил я.
— Может, он хочет отказаться от своих обвинений? И помочь мне занять достойное место в обществе? — с иронией предположил Пип.
Но где-то в глубине души он, я думаю, на это надеялся. Что касается Джуди — тоже вопрос. Неизвестно, какие эмоции, связанные с ней, рождало его воображение.
— Ладно, Кит,— сухо сказал он.— Эта встреча может быть интересной.
Он ушел наверх спать, но минут через пять, когда я запирал гараж, он вернулся и сказал:
— Но у меня одно условие.
Я понял, что он уже все рассказал Монике.
— Какое именно? — спросил я.
— Вы с Айлин должны присутствовать, и Моника тоже.
— А мы зачем?
Он пожал плечами.
— Просто потому, что мне так будет приятнее.
Я понял: Моника хотела, чтобы как можно больше людей знали обо всем, что произойдет во время этой встречи. Моника была готова драться, но она, как и я, нервничала и ко всему относилась с подозрением.
То же самое испытывала и Айлин, когда узнала от меня о разговоре.
— Если за всем этим скрывается очередная подлость, я Дору Делорме сживу со света. Я спровоцирую ее на что-либо такое, за что ее вышвырнут из Франции.
Вот такая сложилась обстановка. На следующий день я договорился по телефону с Дорой, что в пятницу мы все приедем к ней на ужин, подчеркнув, что любое заявление Террады должно быть сделано в нашем присутствии.
— Лестеру это не понравится, Кит,— сказала Дора.— Джуди тоже.
— Либо так, либо никак.
— О! Ну, ладно. Это будет в пятницу, так что я достану большого морского окуня и приготовлю один из моих знаменитых грибных соусов.
На этот раз я почувствовал себя лучше, потому что наша сторона контролировала положение. Но я не учитывал Джуди.
В пятницу утром мы все завтракали под нашим большим деревом, когда услышали, как автомобиль Доры затормозил на шоссе и умчался. Затем я увидел Джуди с сыном, державшим ее за руку. Моника никогда прежде не видела ее, но инстинктивно поняла, кто это, и мы, должно быть, представляли собой мрачную картину, когда следили за ее приближением.
Джуди тоже изменилась. Как и Пип, она словно бы съежилась и чем-то походила на мышь. Но было в ней что-то решительное, когда она шла по дорожке с опущенными глазами: она хотела чего-то и решила добиться. Для этого нужно было обладать храбростью, которая, я думаю, покинула ее в последний момент.
— Здравствуй, Кит,— сказала она нервно, будто именно я должен был принять на себя удар в этой обстановке.
— Здравствуй, Джуди,— ответил я и взглянул на Пипа, который явно растерялся.
— Здравствуй, Пип,— обратилась она к нему.
Наступил неловкий момент; оба не знали, как себя вести. Чмокнуть друг друга в щечку, пожать ли друг другу руки или вообще ничего не делать? Они решили ничего не делать.
— Поздоровайся с отцом,— сказала Джуди, пытаясь высвободить свою руку из цепкой руки сына.
Это прозвучало нелепо и жалко, тем более что мальчик никак не отреагировал на ее слова. Я попытался выйти из неловкого положения и представил Монику Дрейфус.
И тут все засуетились, не зная, куда посадить гостей, а Айлин предложила Джуди кофе.
— Я не люблю французский кофе, но немного выпью...
Почему она сюда приехала? Каждый из нас про себя задавал этот вопрос, и мне было жаль Пипа. Он вежливо спрашивал ее о жизни и здоровье, пытаясь преодолеть неловкость от присутствия сына. Мальчик просто вцепился в свою мать, так, что она сказала ему с раздражением:
— Да не цепляйся же ты за меня, Лестер, пойди сядь на стул.
Правда, потом она извинилась перед ним за это.
Я понял, что настало время оставить их одних. Айлин уже под каким-то предлогом убежала на кухню, но Моника упорно не трогалась с места. Я встал, но Пип чуть ли не в панике остановил меня:
— Не уходи, Кит.
— Я хотела поговорить с тобой наедине, Пип,— сказала Джуди.
— Ну, нет,— промолвил Пип нервозно.— Все это как-то неловко.
— Но...
Моника не могла больше выдержать. Она вскочила и убежала в дом. Я тоже встал с намерением последовать за ней, но Пип сказал:
— Если ты, Кит, уйдешь, я уйду за тобой.
— Ну, хорошо, хорошо,— проговорила Джуди расстроенным голосом.— Здесь нет ничего особенного. Просто мне надо сказать, Пип, что Лес хочет поговорить с тобой о чем-то важном, и я прошу тебя: будь к нему великодушен.
— Великодушен? — (Мне показалось, что в Пипе все вздрогнуло.)— Великодушен? О чем ты говоришь?
— Попытайся его понять,— сказала Джуди.— Вот все, о чем я прошу.
Пип рассмеялся с горечью, а потом спокойно ответил:
— Поди-ка ты к черту!
Джуди сжала губы.
— Но по крайней мере поговори с ним наедине,— умоляла она.— Без всех посторонних.
Но Пип отрицательно покачал головой.
— Я не хочу рисковать,— сказал он.
— Но почему? Хуже тебе от этого не будет.
— Откуда я знаю?
— Я даю тебе слово.
Пип съежился еще больше:
— И что, я должен считать твое слово гарантией?
Джуди на мгновение прижала к себе сына.
— Поверь,— сказала она,— Лестер не собирается причинять тебе каких-либо неприятностей.
— В таком случае ему незачем встречаться со мной наедине,— ответил Пип.
— Но, знаешь...
— Я встречусь с вами только в присутствии моих друзей, и не иначе, Джуди. Это все, что я тебе могу обещать, и нечего устраивать кутерьму. Я и так поступаю достаточно великодушно.
— Ты ведешь себя неразумно,— резко сказала она, не в состоянии скрыть неудовольствия и все еще веря в силу своего бывшего авторитета.— Ведь тебе ничего не стоит. Хотя бы это ты можешь сделать?
— Ты не говори мне, что я могу,— сказал Пип.— Я бы с радостью отказался от этой встречи. Так что, Джуди, попридержи язык.
Джуди вынула из сумочки платок и вытерла уголки губ. Она взяла себя в руки и сказала:
— Извини, Пип. Я не хотела указывать, что тебе делать. Я просто пытаюсь сделать так, как лучше вам обоим.
— Ты беспокойся о Лестере, а о себе я побеспокоюсь сам,— сказал Пип.
— Хорошо, хорошо, я не настаиваю. Ты хочешь поговорить с маленьким Лестером?
— И о чем же мне с ним говорить? — почти рявкнул он. Но я заметил в его глазах выражение тоски. Пип все еще был уязвим, и особенно в том, что касалось сына.
Мальчик с опущенной головой прижимался к матери, и, казалось, ему было противно происходящее. Он не смотрел на отца и не принимал во всем этом никакого участия.
Джуди обиженно пожала плечами. Тут вернулась Моника, и Джуди поняла, что пора прощаться.
— Ты можешь меня отвезти? — спросила она Пипа.
— Нет, он не может,— вступила в разговор Моника.
— Ну, пожалуйста...
— У него нет французских прав, и его вид на жительство уже почти не действителен, потому что у него просрочен паспорт,— язвительно сказала Моника.— Как вы думаете, что будет, если его остановит полиция?
Джуди прикусила нижнюю губу. Но тут я сам предложил ее отвезти. Когда мы ехали в моем «рено», Джуди начала меня расспрашивать о Монике.
— Кто она?
— Это француженка, которую зовут Моника,— сказал я.
— Не иронизируй, Кит. Я задала совершенно нормальный вопрос.
— Извини, но я прекрасно знаю, что Дора Делорме все о ней тебе рассказала.
— Но Дора не так уж много знает. Они женаты или собираются?
— Ты их самих спроси об этом,— ответил я.
— Давно они вместе? Это же можно сказать.
— Насколько мне известно, они знают друг друга два или три года. Это все, что я знаю.
— Она, кажется, боевая?
— Даже очень,— подтвердил я.— За Пипа она стоит горой.
— Это видно,— сказала Джуди.
Она была очень сдержанна, говорила спокойно, будто хотела привлечь меня на свою сторону. Но я был настроен против нее почти так же, как и Пип, если не считать чувства жалости, которое у меня появилось к мальчику, сидевшему на заднем сиденье и внимательно прислушивавшемуся к каждому слову. Это меня сковывало. Я не хотел его обижать, но Джуди следовало поставить на место.
— Чего ты, собственно, добиваешься? — спросил я ее после того, как мы перевалили через горку и оказались на дороге к Вилльфраншу.
— Ничего я не добиваюсь, и не груби,— сказала она.
— Что-то за всем этим кроется, Джуди. И я хочу быть уверенным, что встреча Пипу не навредит.
— Ты не имеешь права так говорить,— рассердилась она.
— Не пойму, зачем сводить Пипа и Лестера?
— Это касается меня, Пипа и Лестера. Но не тебя. И не вмешивайся.
— Я буду вмешиваться столько, сколько сочту нужным,— уже разозлившись, ответил я.
Она опять прикусила губу, чтобы в гневе не наговорить мне неприятностей. Переборов себя, она сказала:
— Кит, я прошу тебя, воздержись. Мне самой все это не по душе. Но я должна. Умоляю тебя, не вмешивайся.
— Там будет видно. Но Пипа в обиду я не дам.
Мы подъехали к главным воротам Дориной усадьбы. Я не хотел ехать к самому дому, чтобы не встречаться с Террадой. Я не знал, как с ним здороваться и здороваться ли вообще.
Джуди сидела в машине не двигаясь. А я ждал, что она наконец скажет.
— Пип очень изменился, правда? — спросила она с сожалением, будто Пип не оправдал самых светлых ее надежд.— Как жалко.
Я не выдержал, засмеялся и открыл заднюю дверь для мальчика. Они остались у ворот Дориной виллы, а я уехал домой, не проронив больше ни слова.

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

Окончание следует.

ГЛИНЯНЫЙ КУБОК

Онегин ГАДЖИКАСИМОВ

СОЛНЦЕ ЗИМОЙ

На крышах глиняных домов,
Где летом ярый зной,
Немало сушится плодов,
Дарованных землей.

Здесь млеет сочный чернослив
В лиловой кожуре,
И персик нежен и красив,
Как солнце на заре!

Янтарным сделался урюк,
Зарделась алыча...
А воробьи сидят вокруг,
Толкаясь и ворча.

И весь в царапинах малыш,
Подкравшись к ним тайком,
Кричит: «Сейчас задам вам, кыш!» —
И машет кулаком.

Зимой, когда, свиреп и зол,
Мороз войдет в сады,
Хозяйки выложат на стол
Сушеные плоды.

И словно солнечный денек
Войдет незримо в дом,
Где дышит каждый уголок
Уютом и теплом!

ГОНЧАР

Твое ремесло, а точнее — искусство,
Полно волшебства и таинственных чар.
О, сколько мечты и огромного чувства
В твореньях твоих, седовласый гончар!

Под гибкими пальцами серая глина
Стократно меняет и форму и цвет,
Но вот на покатые бедра кувшина
Струится торжественный солнечный свет!

И снова вращается круг. И покуда
Вечерняя зорька не глянет в окно,
Рождаются чаши, рождаются блюда,
Которым украсить наш быт суждено.

...Стоит на столе моем глиняный кубок.
Вода почему-то в нем чуть холодней!
На вид неказист, разрисованный скупо,
Он дорог мне скромностью гордой своей.

Его подарил мне гончар хорезмийский.
И, глядя на этот бесхитростный дар,
Опять вспоминаю я
Дворик твой чистый
И руки твои, седовласый гончар!

В простой тюбетейке и в легком халате
Ты много рассказывал мне, не спеша —
О том, что у глины есть тоже характер,
Повадки свои, настроенье, душа...

И я твои мысли высокие понял.
Как мудро журчала в арыке вода...
Быть может,
Меня ты ни разу не вспомнил,
А я о тебе вспоминаю всегда!

ЖЕЛЕЗНОЕ ДЕРЕВО

Не разрубить его — хоть плачь!
На то оно дамир агач![1]
И острозубая пила
Бессильна перед ним была.
Напрасны все мои труды:
Лежит агач куском руды.
Ведя с ним бесполезный спор,
Успел я затупить топор.

Смеется дед: «Ты слабый, джан,
Как тыщи ваших горожан.
Вы мастера поесть, попить,
Но только не дрова рубить!»
Дед на ладони поплевал,
Стальной колун поцеловал
И сколько было старых сил —
Собрал и все в агач вонзил!

Рубил он словно без труда
И только крякал иногда.
Когда он кончил наконец,
Ему сказал я: «Молодец!»
А он с усмешкою в ответ:
«Вот что скажу тебе, поэт,
Ты научился бы сперва
Рубить как следует дрова!»

ПАСТУХ

В горах, уснувших ночью темной,
Костер устало догорал.
Пастух, накрывшись буркой теплой,
В тиши на дудочке играл.
Казалось, месяц в небе замер,
И звезды стали чуть светлей...
Пастух с закрытыми глазами
Играл на дудочке своей.

Играл пастух и видел смутно
Свой дом, где ждет его жена,
Висячий мост над речкой бурной,
Платан, растущий у окна.
И стариков, ведущих чинно
Неторопливый разговор
О том, наверно, что мужчина
Не должен жить вдали от гор.

Лилась мелодия пастушья,
И задушевна и нежна!
Кому-нибудь в селе уснувшем
В полночный час была слышна.
И даже детям в колыбелях
Той ночью снился до утра
Пастух с волшебною свирелью
У догоравшего костра...

АШУГ

Слепой ашуг настроил саз
И так сказал: «Спою для вас!»...

В долинах маки пламенели,
Плескалось солнце в синеве,
И доброглазые газели
Ступали мягко по траве.
И длиннокосые невесты
Не шли, а плыли к роднику,
А вслед им парни пели песни
И вслед бросали по цветку.
И целый мир вокруг был чуден,
И опьяняла всех весна.
Казалось, что не только люди,
А вся природа влюблена...

Умолк ашуг. Ему хвала!
...А за окном была зима.

АИСТ

Ах, белокрылый, грустный аист,
Куда летишь?! Оставь хоть адрес!
Пусть не взлечу я за тобой,
И все же мне бы знать хотелось,
Как в холода тебе летелось
И где приют обрел ты свой?

Я буду ждать. Снега растают.
И возвратятся птичьи стаи.
И станет розовым рассвет.
Однажды утром ты вернешься
И мне по-птичьи улыбнешься:
Мол, вот и я! Привет, сосед!

Все это будет. Я уверен.
Я буду дружбе нашей верен
И буду ждать — ты так и знай!
Ты будешь сниться мне ночами.
А в трудный час своей печали
Меня, как друга, вспоминай!

НОВОСЕЛЬЕ

Сколько света и веселья
В звонком слове «новоселье»!

...Мы досрочно сдали дом.
Чудо — каждая квартира.
Отчего же бригадира
Вызывают в исполком?
Строим разные догадки:
— Может, крыша протекла?
— Или с краном неполадки?
— Или в раме нет стекла?..

Бригадир ушел угрюмый.
Возвратился через час:
— Ну-ка, лучшие костюмы
Надевай, рабочий класс!
Всей комиссией работу
Нашу приняли «на пять».
И жильцы зовут в субботу
Новоселье отмечать.
Значит, строили умело!

...Вот какое вышло дело.

ГОСТЬ

Гость пришел — его встречай!
Завари покрепче чай.
Разговоры подождут,
Пиалу скорей подай!

Гость пришел — дела бросай!
Раньше плова — только чай!
О здоровье расспроси
И здоровья пожелай!

Гость пришел — не уставай!
Прочь усталость гонит чай.
Гостю ты сперва налей
И себя не забывай.

Гость пришел — и в доме май!
Как хорош зеленый чай!
Гость явился не один,
Значит, всех ты привечай!

Гость пришел — ты не зевай!
Стол щедрее накрывай.
Плова нет — давай шурпу
И опять зеленый чай!

Гость ушел — ты не скучай!
Завари хороший чай,
Новый гость уже в дороге,
Двери дома открывай!

---

[1] Дамир агач — железное дерево (азерб.).

Молодые мастерицы Наташа Незнакина, Надежда Пескичева (1-й ряд); Стелла Батунова, Рая Колганова и Софья Бушуева (2-й ряд). ✲ Чаепитие. Автор В. Племянникова. ✲ Кавалер и барышни. Автор А. Попыванова. ✲ Сказка о рыбаке и рыбке. Автор Н. Трухина. ✲ Русские богатыри. Последняя краюшка хлеба. Автор Л. Фалалеева.

Сергей МАРКОВ
Фото М. САВИНА

ДЫМКА

Нет, совсем не то, когда нарядная дымковская игрушка стоит у вас на пианино или подоконнике, книжной полке или телевизоре. «Надо, чтобы их было много. Они лучше, когда их много»,— говорила милая старушка Анна Афанасьевна Мезрина, мастерица, которая и принесла «дымку» в век двадцатый. Она лепила, обжигала, раскрашивала игрушки просто так, для себя и продолжала дело свое, когда кое-кто из нынешних решил, что этот промысел хоть и имел место в жизни, но утратил смысл в наше время стремительных перемен и новых запросов.

Чтобы понять «дымку», походите возле нее, подумайте и «послушайте» ее. Только не разглядывайте игрушки пристально, не обсуждайте их достоинства и, ради бога, не прицениваайтесь. Просто походите, помолчите, и вы обязательно увидите, даже, может быть, вспомните...

...Как забрались в истоки Камы, в леса дремучие ушкуйники лихие из Новагорода Великого. Волоком перетащили свои ушкуи в соседнюю речушку, тоже дикую и неизвестную. Поплыли вниз и на высокой горе увидали жилища, а перед ними на видных местах болванов — идолов из глины. Назвали городок по-своему, «Болвановском», взяли его сразу и сшибли языческих идолов и обосновались здесь.

Прошло время, и переименовали Болвановск в Хлынов, а река с годами получила название — Вятка.

...Особенно жгуч мороз здесь перед закатом. Розовый воздух застывает. Длинные тени сугробов, будто лиловые языки, жесткие, колючие, лижут мертвенно-желтый снег. И слышен звон стужи. Если подняться в такое время на один из вятских крутогоров и посмотреть за реку — от крыш слободы, что в низине на той стороне, вертикально в оранжевое небо упираются тугие дымы печей. В старое время дымов поднималось — не счесть. Потому и нарекли слободу Дымковской.

Почти в каждой избе так было: бурлят тяжелые чугуны с душистой кашей, а приоткроешь массивную заслонку, заглянешь в печь — в гудящем пламени сухих поленьев будто плавают глиняные игрушки. Бабы с коромыслами, чудо-кони, румяные молодцы, жар-птицы... Словно хрустальные в огне, прозрачные от каления. Постепенно прогорают дрова, оседают, рассыпаются на уголья. Игрушки падают в золу. Но они уже не ломаются, не трескаются— обожжены крепко-накрепко. Хозяйки-мастерицы вынимают их из печи, студят, белят толченым мелом, разбавленным молоком, и ставят сушить. А в это время готовят краски, малиновую, синюю, золотую, зеленую...

...Бывало, собирались субботние базары. Торговали сластями, игрушками. Продавались и расписные глиняные шары. Богатые покупали их ведрами и пускали под гору. А беднота, будучи не только лыком шита, ловила и метала шары наверх! Поздним вечером расходились с базара, в руках несли глиняных козликов, петухов, лосей, которые продавались на базазе по алтыну, и бродили веселые хлыновцы по городу, и все — от мала до седого — свистали в хвост игрушкам. Так и назывался тот праздник «свистопляской» или «свистуньей». Сохранился он и по сей день. Продают в бывшей Вятке, ныне Кирове, и сласти и дымковские игрушки. И не только на «свистунью» продают, и не только в Вятке...

Теперь дымковские мастерицы работают не в избах — в многоэтажной мастерской. Она в центре города. Обжигают игрушки не в русских печах, а в электрических. Палитра красок богаче, и готовят их не из сажи да лука, а по-научному... Появились и современные персонажи: буденновцы, космонавты, спортсмены.

Дымковские игрушки, как камешки, выточенные морем, как народная песня — время рождения да и автора мало кто помнит. А поют! И нередко поют по-своему. Но изменять народную песню можно до какого-то предела. Бывает, еще слово, еще нота — и исчезла песня. Так и «дымка».

В Стокгольме, Париже, Нью-Йорке побывала дымковская игрушка. В Международной Академии керамики в Женеве видное место заняли маленькие глиняные куколки, обожженные в вятских печах.

...Глаза Зои Васильевны Пенкиной глубокие, печальные, но и лучисто-радостные, как у ребенка, долго виделись мне в густой черноте за окном поезда. Во власти впечатления от рассказов этой восьмидесятидвухлетней мастерицы я уезжал из Кирова. В городе говорят, что все сорок девять мастериц, которые работают сейчас на «Дымке», учились у нее. А сама она переняла древнее искусство у Анны Мезриной еще в тридцатые годы. У Пенкиной ученицей была известная мастерица член Союза художников СССР, участница многих советских и зарубежных выставок Лидия Фалалеева, которая совсем недавно отметила двадцатилетие работы на «Дымке». Училась у Пенкиной и дочь ее — мастерица Вера и внучка Римма. Внучка с шести лет лепила вслед за бабушкой богатырей да индюков...

Сказка, которую давным-давно начали сказывать хлыновцы, продолжается. Только женщины могут лепить «дымку». За всю историю лишь однажды мужчина попробовал мять глину — вылепил нескольких монахов да еще коечто. Здорово вылепил, ловко. Но чужими были те игрушки. И сразу все это поняли. Видно, навсегда дымка — утеха женской души.

Под перестук колес думалось мне: конечно же, никакая эта «дымка» не игрушка. Как с ней играть, когда она такая хрупкая? И не промысел это — за много веков не слепили и двух одинаковых фигурок, и нынче художественный совет требует от каждой из молодых мастериц собственного почерка. У каждой мастерицы свои секреты, свои краски. Художник Алексей Иванович Деньшин, которому очень многим обязана «дымка», писал в двадцатые годы с горечью и болью: «...так умерла, ушла из жизни одна из очаровательнейших и удивительнейших сказок народного искусства». Нет, не умерла и никуда не ушла! Выжила. В ней сказка, быль, скульптура, живопись, промысел, музыка народная, обычаи. И, главное, душа русская.

Тяжелая выпала доля Зое Васильевне Пенкиной, многое пришлось снести, выдюжить. И холод, и голод, и одну войну, и другую. Похоронила дочку, сына. Мужа. Сейчас, в поезде, я вижу, как сидит она, маленькая, сухонькая старушка, на краю стула и по привычке лепит пальцами — то дужки очков, то карандаш, то много лет назад вылепленного Илью Муромца. Наверное, и во сне она вот так же сучит пальцами липкую глину. Трогательную бумагу я видел у Зои Васильевны на столе. В одиннадцати пунктах, крупным почерком перечисляла обычные анкетные данные, а в двенадцатом написала: «Очень люблю свою работу, жить без нее не буду».

— Кажется, в последнем моем классе приходской школы,— рассказывала мастерица,— прочитал учитель сказку о царе Салтане Пушкина. Потом я уехала в Вятку, работала, меня сосватали в Дымковскую слободу, золовка научила игрушку лепить. А Салтана я только через полвека слепила, хотя и думала о нем все время...

Через долгую жизнь пронесла она своего Пушкина. И как помнила, так и вылепила — девяносто пять фигурок! И Салтана, и юного Гвидона, и «поверх текучих вод лебедь белая плывет», и «в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря, все красавцы удалые, великаны молодые...», «с ними дядька Черномор». Искренне восхищались этой сказкой Зои Васильевны и в Монреале и в Осаке...

— Сейчас охота мне Стеньку Разина слепить в челне с молодцами. Тоже с детства его люблю, мечтаю о нем. Папа еще мне рассказывал...

Новая мечта, новая глина, новая будет «дымка». В январскую стынь, глубокой ночью, когда и дымов от Дымкова не видно, с вятского крутогора кажется, будто не звезды на черном небе, а те же игрушки... Гусары, индюки, няньки с детишками... И будто летят они, не видно откуда и куда,— летят яркие, счастливые, выше высокого морозного неба.

Старейшая мастерица лауреат премии имени Репина Зоя Васильевна Пенкина с правнуком Димой. * На завалинках. Автор Л. Фалалеева. * Натюрморт. * Медведи. Автор Л. Фалалеева. * Красная конница и Нарядные барыни. Автор Н. Трухина.

АМЕРИКА И ЛИТЕРАТУРА

Обращаясь к роману известного в нашей стране американского писателя Курта Воннегута «Завтрак для чемпионов», М. О. Мендельсон в своей книге «Роман США сегодня» вспоминает, как школьные учителя в Соединенных Штатах внушают детям, что Америка была открыта в 1492 году. На самом же деле, пишет сатирик-фантаст Курт Воннегут, «в этом самом 1492 году миллионы людей уже жили там полноценной, творческой жизнью. Просто в этом году морские разбойники стали убивать, грабить и обманывать этих жителей». Апологетическая, конформистская литература США пытается создать глянцевый образ привлекательной Америки, «открытой в 1492 году». Реалистическая литература обращается к лику подлинной Америки, стране острейших социальных конфликтов и противоречий.

Советский читатель хорошо знает американскую литературу. Давно известны и работы одного из крупнейших советских исследователей литературы США, профессора Мендельсона, автора монографий о Марке Твене и Уитмене, книг «Современный американский роман», «Американская сатирическая проза XX века» и других. В центре широкой панорамы литературной Америки, представленной в его новой книге,— рассказ о гуманистической, демократической и социальной направленности американских романов последнего времени.

Однако в книге М. Мендельсона уделено внимание не только «большой» литературе, которую для исследователя воплощают такие писатели, как Драйзер, Андерсон, Хемингуэй, Фолкнер, Фицджеральд, Вулф, но и так называемой «массовой» литературной продукции, «ловким произведениям конформистского чтива» Германа Вука, Жаклин Сьюзен, Э. Л. Доктороу — авторам бестселлеров, расходящихся в миллионах экземпляров.

В американской литературе немало произведений, запечатлевших беспросветную судьбу индейцев, «чикано» (американцев мексиканского происхождения) и их обездоленных собратьев негров, или «черных», как они в последние годы предпочитают называть себя. Размышляя о противоречивом характере негритянской литературы США, критик приходит к выводу, что самых больших творческих достижений следует ожидать от той части литераторов, которые стали понимать, что разрешение негритянской проблемы в США возможно лишь на пути, которым шли такие славные сыны американского народа, как Поль Робсон или Генри Уинстон.

В форме увлекательной и непринужденной беседы с читателем М. Мендельсон рассказал о многих интересных явлениях американского романа последнего времени, как известного советскому читателю, так еще и не переведенного. Книга чрезвычайно богата животрепещущим, актуальным материалом современной литературной действительности.

А. НИКОЛЮКИН,
доктор филологических наук

М. Мендельсон. Роман США сегодня. М., «Советский писатель», 400 стр.

ЖГУЧАЯ ПРАВДА

Цезарь СОЛОДАРЬ

Немало довелось мне за рубежом беседовать с бывшими гражданами социалистических стран, испытавшими на себе гнет бесправия в Израиле, США, странах Западной Европы. Слышал я много горестных рассказов обманутых буржуазной пропагандой людей, покинувших Родину по фальшивым вызовам несуществующих родственников ради стран «равных возможностей».

И все же меня, читателя, достаточно подготовленного личными впечатлениями, с новой силой глубоко потрясли собранные под одну обложку документальные свидетельства об угнетении бывших наших соотечественников в мире бесправия. В сочетании с фактами подрывной антисоветской деятельности спецслужб империализма трагические судьбы обреченных на бесперспективное прозябание людей особенно впечатляюще обнажают всю гнусность шпионажа и диверсий, творимых под лицемерным лозунгом «защиты прав человека».

Как силен и доказателен язык неопровержимых фактов! Каждое письмо, каждый фотоснимок, каждое запротоколированное показание свидетельствуют об очередной диверсии сионистов и антисоветчиков прочих мастей. Оборотная сторона любой такой диверсии — трагедия уловленных в провокационные тенета людей и целых семей. Все это не только по-настоящему волнует читателей подготовленной Ассоциацией советских юристов «Белой книги», но и дает нам разящее оружие для борьбы с бардами и эмиссарами антикоммунизма.

Факты, факты, факты.

Вот фотокопия подлинного письма исстрадавшихся в США врачей-иммигрантов «защитнику прав человека», пресловутому сенатору Джексону. Вот фотография сионистского эмиссара из Англии Мартина-Харриса, пойманного в нашей стране, как говорится, с поличным во время туристической поездки, которую он использовал для сбора клеветнической информации по заданию сионистских центров. Вот целая серия писем и заявлений нашим властям от граждан, нежданно-негаданно получивших «нотариально заверенные» вызовы в Израиль для воссоединения с мифическими семьями.

Бывшая советская гражданка С. Абрамова тотчас же по приезде из «страны обетованной» в Вену свидетельствует, что 19 октября 1977 года ее шестнадцатилетний сын Олег Абрамов убит сионистами за попытку бежать из Израиля. «Меня и мою дочь также хотели убить,— читаем мы.— За день перед выездом нас избили, мою девочку и меня били ногами».

Считаю своим долгом вкратце дополнить страшное сообщение бывшей жительницы Махачкалы С. Абрамовой. В тель-авивской газете «Наша страна» за 28 декабря 1978 года я прочитал патетический резонанс, обрушенный И. Рафесом на «неблагодарную» Абрамову. Не отрицая факта гибели Олега под колесами автомобиля, водителю которого каким-то непонятным образом удалось задавить подростка «во время групповой прогулки школьников», сионистский журналист торжественно напоминает несчастной матери, какое денежное вспомоществование получила она за месяцы пребывания в Израиле. Подсчитано все до одной лиры! Подтекст кощунственного бухгалтерского подсчета таков: мы, мол, с лихвой оплатили матери гибель сына.

«Сионисты убили моего тестя Самуила Билсона потому, что он отказался сотрудничать с ними во враждебной СССР деятельности»,— пишет в своем официальном заявлении проживающий ныне в Канаде Илья Трест. Семья Треста выехала из Советской страны при содействии пресловутой организации «Бнай-Брит». И незадолго до гибели Билсона один из главарей канадского сионизма, Сидней Майслин, многозначительно предупредил его и Треста: «В Бнай-Брит» есть и убийцы, которые вас уберут, если вы попытаетесь возвратиться». Предупреждение оказалось пророческим. К кому только не обращался Илья Трест! Но все его обращения, в том числе к президенту США Картеру и председателю комиссии США по хельсинкским соглашениям, не дали ни малейшего результата.

Дезориентируя и обманывая молодежь, сионистская пропаганда утверждает, что иммигранты не подлежат призыву в израильскую армию. Ложь!

Молодых иммигрантов сионизм пытается превратить в садистов, убивающих беззащитное арабское население. Яков Нульман пишет своему другу из израильского города Беер-Шевы: «6 октября началась война, а в ночь на 7 октября меня забрали в армию на Голаны. Капиталистам нужны убийцы. Они думают, что я буду стрелять в арабов и стану негодяем. На шестой день мне вручили бельгийский автомат... 21 ноября ребята нашего взвода взяли в плен двух подростков 16—17 лет, одного они зверски замучили, а второго поручили мне «пустить в расход»... Его зовут Ахмед Гали, учился в Москве и немного говорил по-русски... Я отвел его метров на 200 от нашей палатки за склады и сказал: «Иди домой». За мной следили и предали военно-полевому суду. Два месяца меня мучили «братья по крови», потом отправили на Сирийский фронт, где в первый же день мне выстрелили в спину свои же, но я выжил.

В данное время я безработный и нищий...»

Израильские офицеры из старожилов-ватиков и привилегированных «коренных» израильтян-сабров всячески издеваются над солдатами из недавних иммигрантов. Под заголовком «Почему солдаты кончают жизнь самоубийством» израильская газета «Зо гадэрех» вынуждена признать: «Грубости и издевательства командиров тяжело влияют на солдат и толкают их на такой шаг, как самоубийство».

Советские граждане еврейской национальности искренне возмущены провокационным вмешательством в их жизнь сионистских эмиссаров, проникающих в нашу страну под личиной туристов из США, Канады, Англии. Из указанных стран многим советским гражданам присылают сионистскую литературу и соболезнующие письма с клятвенными обещаниями непрошеной «помощи». Делают это не только отдельные зарубежные сионисты, но и общественно-политические организации, в частности американские.

И не случайно житель Иркутска Соломон Апарцин вынужден был обратиться к послу США в Советском Союзе с обоснованным резким протестом против вмешательства подобных организаций в его жизнь: «Я, сын неграмотного жестянщика, мой брат Абрам и сестра Рахиль за годы Советской власти получили высшее образование, а Абрам защитил диссертацию и стал кандидатом наук. Высшее образование получили все наши дети. Более радостной, свободной, обеспеченной и равноправной жизни не надо желать.— И Апарцин задает послу недвусмысленный вопрос: — Кто же смеет от моего имени шуметь о какой-то защите прав евреев в Советском Союзе?!»

В Лондоне у здания нашего посольства я видел кучки профессиональных «демонстрантов». Нанятые всякого рода сионистскими комитетами «защиты» и «помощи», они, отрабатывая положенную плату, размахивали плакатами с антисоветскими надписями. Среди имен «идейных борцов за права», против угнетения которых протестовали эти кучки сионистских наемников, мне запомнились Амнер Завуров и Борис Цитленок. Эти имена встретились мне в «Белой книге». Оказывается, Завуров — уголовник, осужденный за дебоширство в пьяном виде и нанесение ни в чем не повинным людям тяжелых побоев. Что же касается Цитленка, то он выслан с места жительства за хулиганство.

Многие документы подтверждают, что такого же рода «борцов за права» рьяно защищают и в Америке.

В содержательном предисловии к «Белой книге» председатель Ассоциации советских юристов Л. Смирнов в доступной массовому читателю форме дает исчерпывающий юридический анализ включенных в книгу документов об уголовниках, именуемых на Западе «мучениками за убеждения». Приведя соответствующие статьи Свода законов США, Уголовного кодекса ФРГ, раздела «Преступления против государства» Уголовного кодекса Италии, ратифицированной восемнадцатью западными государствами Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Международный пакт ООН о гражданских правах, Л. Смирнов затем с полным основанием утверждает: «Подрывная антисоветская деятельность, клеветнические кампании и шпионаж против СССР, прикрываемые лозунгом защиты «прав человека», направлены против хельсинкских соглашений, извращают смысл этих договоренностей. Под прикрытием разговоров о культурном обмене в Советский Союз засылаются эмиссары с подрывными заданиями. Говорят о сотрудничестве, а подстрекают живущих в одном государстве действовать в пользу другого государства».

Насколько зловеще это вражеское подстрекательство, убедительно показывают письма тех, кто нашел в себе силы вовремя остановиться, одуматься и не переступить позорной грани на тернистом пути к совершению преступления против Советской Родины.

Именно так поступил кандидат медицинских наук С. Л. Липавский, рассказавший в открытом письме Президиуму Верховного Совета СССР, как его вербовало ЦРУ. Копии своего письма Липавский направил Конгрессу США и Организации Объединенных Наций. Со страниц «Белой книги» на нас воровато глядят глаза некоторых американских корреспондентов, совмещавших в Москве журналистику с агентурной работой для ЦРУ. Их коллеги пытались превратить Липавского в шпиона, инструктировали его и снабжали шпионской аппаратурой. Читатель видит фотоснимок закамуфлированного под кусок кабеля контейнера, заложенного сотрудником американской разведки для Липавского,— через этот тайник передавались микропленки, инструкции, деньги.

Сконфуженные заокеанские антисоветчики дошли до того, что поставили под сомнение факт существования самого... Липавского. И вот мы видим снимок, запечатлевший встречу Липавского с советскими и иностранными журналистами. Он подробно отвечает на вопросы, заданные ему корреспондентами из США, ФРГ, Италии. Заключают эту историю, еще и еще раз разоблачившую преступных пособников антисоветизма под терновым венцом радетелей «за права человека», фотоматериалы на пятнадцати страницах: шпионские инструкции и схемы мест закладки тайников и постановки сигналов для связи с американской разведкой. Оборотная сторона беззаконного извращения хельсинкских договоренностей — это укрывательство на Западе матерых уголовников, совершивших тяжкие преступления против советского народа. Таковы процветающие в США гитлеровские наймиты Константин Варварив и Елена Козар, чьи руки обагрены кровью сотен загубленных немецко-фашистскими оккупантами советских людей.

Таковы воздушные пираты и убийцы бортпроводницы Надежды Курченко — рецидивист-уголовник Пранас Бразинскас и его пособник Альгирдас Бразинскас. Раненный этими бандитами на борту захваченного советского самолета бортмеханик Оганес Бабаян и пилот Сулико Шавидзе обратились к президенту США Картеру с обоснованной, продиктованной международным законодательством просьбой содействовать возвращению в СССР преступников, которые должны нести по советским законам ответственность за совершенное ими кровавое преступление. И хотя укрывательство воздушных пиратов и убийц вопиюще противоречит резолюции XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1976 года «О мерах по предотвращению международного терроризма, который угрожает или влечет за собой лишение жизни невинных жертв», хотя практика американской администрации грубо нарушает Гаагскую и Монреальскую конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, убийцы благополучно проживают в США.

Любая страница «Белой книги» настолько впечатляюща и емка, настолько насыщена метко бьющими в цель фактами, документами, свидетельствами, фотографиями, письмами, что каждый ее раздел, каждая глава, каждая страница приводят читателя к одинаковым выводам. Да, каждая страница и вся книга в целом.

Эти выводы предельно кратко и выразительно сформулировал мой друг — молодой москвич. Увидев у меня «Белую книгу», он тут же раскрыл ее и залпом прочитал от первой до последней строчки. Узнав, что я собираюсь писать о ней, юноша сказал:

— Знаете, что я сразу же вспомнил? Последние слова Юлиуса Фучика людям, которых он так любил: «Будьте бдительны!»

Этими словами действительно следует закончить заметки о книге жгучей правды. Правды, которую должны знать все.

Белая книга. Свидетельства, факты, документы. Москва, изд-во «Юридическая литература», 1979, 280 стр.

Георгий ГУЛИА

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ

Он приехал на станцию ранним утром — с первым колокольчиком. Соскочил с телеги, взбежал на крыльцо смотрительского дома.

— Любезный,— обратился проезжий к станционному смотрителю, человеку уже не первой молодости, что-то старательно записывающему в шнуровую книгу.

Смотритель не торопился подымать лысоватую голову, его взгляд прочно был прикован к строке, которую выводило его перо. Приезжий, видимо, привык к подобному поведению смотрителей и терпеливо ждал, когда коллежский регистратор в зеленом потертом сюртуке допишет свое.

В углу довольно просторной комнаты пристроилась неопределенного возраста особа с целым выводком детей. Они пили чай, тесным кругом окружив пыхтевший самовар. На деревянной скамье дремал чиновник, по-видимому, как и смотритель, четырнадцатого класса. Да еще какой-то господин сидел спиною на прочном стуле, свесив голову на грудь. Он тоже дремал.

Эта безрадостная картина, представшая перед приезжим, как видно, смутила его. Можно было догадаться, что с лошадьми дело худо, а иначе с чего бы собралось это общество, которого и на двух повозках не развезти.

Наконец смотритель поднял глаза: в них была усталость, почти полное безразличие к окружающему. Его нос картошкой и лоб, собранный в частые складки, вдруг напомнили Сократа, того самого, эллинского философа. И проезжий весело подумал о том, какая же сила забросила этого Сократа на ординарную, хотя и бойкую станцию...

— Слушаюс-с,— проговорил Сократ на чистейшем русском языке. И живые искорки блеснули в его серых глазах, искорки, свидетельствовавшие о том, что господин, стоявший перед ним, произвел на него некое впечатление.

Дело в том, что ранний гость — невысокий худощавый мужчина — снял шляпу, и смотрителя удивили его волосы. Их дикой курчавости больше соответствовал бы черный, подобно ваксе, цвет. На эту мысль наводил и слегка приплюснутый длинноватый нос, и губы, природная припухлость которых невольно бросалась в глаза, и подбородок, выдвинутый вперед. Цвет волос же больше смахивал на светло-медный, и это делало внешность господина далеко не обычной...

— Любезный,— сказал проезжий, бросая на стол свою подорожную,— мне бы тройку, да поживее.

Смотритель улыбнулся. «Откуда сей удивительный тип?» — сказал он про себя и снова взглянул на гостя. Тот дробно постукивал о пол увесистой палкой. Смотритель, привыкший к посвисту нагаек путешествующих гусар, не придал особого значения постукиванию палкой, которое скорее выдавало нетерпение господина, нежели его угрозу. Видавший свет смотритель тотчас смекнул, что перед ним птица не ахти какого высокого полета. А посему, внимательно изучив подорожную, полностью и надлежащим образом оплаченную, до поры отложил в сторону.

— Лошади все в разгоне, нету свеженьких,— сказал он, снова упершись взглядом в свою шнуровую книгу.— Надобно подождать. Вот тут их сколько.— И смотритель кивнул куда-то в сторону и вверх, давая понять, что ранний гость не единственно ранний. Есть и такие, которые давно ждут лошадей.

— Мне по казенной надобности,— с ударением на слове «казенной» произнес странный проезжий.

— А эти? — Смотритель указал глазами на тех двух господ, которые дремали.

— Почитайте повнимательнее подорожную,— сказал проезжий.

— Ну-с, читаю... прочитал,— проговорил смотритель.— Пушкин... Так-с, Александр... Так-с... Сергеев сын... Так-с...

Было что-то обидное в его чтении, хотя сами по себе слова эти точно соответствовали тексту. Но тон? Но эти паузы? И эти руки, небрежно откинувшие в сторону подорожную?.. И это совершенное спокойствие, с которым произносились слова, и вообще весь разговор, который свидетельствовал о полном безразличии смотрителя, вероятно, уже пуганого и перепуганного многократно. Это чувствовалось с первого взгляда, сквозило чуть ли не в каждой его фразе.

Любопытно, так же вел бы себя этот всемогущий регистратор, если бы вдруг перед ним вырос генерал или сам почтмейстер?

Едва успела эта мысль возникнуть в курчавой голове, как дверь шумно распахнулась и перед тусклым взором смотрителя возник генерал — самолично, с грозным взглядом и величавой осанкой.

— Смотритель! — крикнул генерал высоким голосом.— Тройку! Живо! Да стакан пуншу!

Как изменился смотритель! Неведомая сила подхватила его с места. Он выскочил из-за своего стола и согнулся в низком поклоне.

— Ваше высокопревосходительство,— сказал преображенный смотритель.— Сию минуту-с!— И, оборотившись к дощатой перегородке, крикнул: — Авдотья! Пуншу его высокопревосходительству!

Генерал поискал глазами, где бы лучше ему пристроиться. И тут обнаружился высокий круглый столик, доселе не замеченный курчавоголовым проезжим. И стул для генерала нашелся в тот же час.

Высокая, кривая женщина вышла из-за перегородки со стаканом пунша на блюдце.

— Господин смотритель...—проговорил курчавоголовый.

— Занят-с, занят-с,— ответил смотритель, принимая из рук генерала подорожную, точно особую драгоценность.

Пушкину ничего не оставалось, как отойти в сторону и наблюдать за царственной повадкой генерала и пресмыкающегося перед ним смотрителя, у которого нашелся не только пунш, но и тройка нашлась со свежими лошадьми и соответственный, по словам смотрителя, расторопный ямщик.

— И мне пуншу,— громко сказал Пушкин, чтобы услышала его за перегородкой кривая Авдотья.

Генерал скосил на него глаза. Явное недоумение читалось в них. «И мне?!» — сказал про себя генерал, очень недовольный тем, что курчавоголовый незнакомец тем самым как бы равнял себя с самим генералом. «Ну и... личина,— продолжал размышлять генерал.— Не так-то просто вообразить себе подобный анфас и профиль... Впрочем, кого только не повстречаешь на святой Руси...»

Утешившись тем, что хотя бы про себя унизил курчавоголового, генерал принялся за свой пунш.

Авдотья, изрядно повозившись за перегородкой, принесла пуншу и господину Пушкину, который, демонстративно повернувшись спиной к генералу, стал глядеть в окно и попивать пунш, небрежно облокотясь о палку-палицу.

Между тем в комнате снова появился смотритель и начал впопыхах докладывать генералу, что, дескать, карета подана, что кони, дескать, от нетерпения ржут и землю бьют копытами.

Генерал никак не реагировал на это сообщение, занятый стаканом пунша. Зато возвысила голос барыня, поившая чаем детей.

— Господин смотритель,— крикнула она из своего угла,— а ведь лошади у вас нашлись-таки! Это как же понимать? Извольте объяснить эту свою бестактность! Я сижу с самых петухов с детьми, дожидаюсь лошадей и верю вашим словам, а вы, оказывается...

— Сударыня, сударыня,— перебивает ее вспотевший смотритель.— Это последняя карета для самоважнейшего случая, имеющего, так сказать...

— Смотритель! — окликнул грозно генерал.— Где подорожная? Где тройка?

Генерал, казалось, вот-вот изрыгнет молнию и загрохочет громом, подобно Зевсу: устрашающе сдвинулись его брови и подскочили вверх пикообразные усы.

Смотритель со всех ног кинулся к столу, схватил подорожную и попятился к выходу. Генерал кинул серебро на блюдце и сдвинулся с места. Он не удостоил взгляда ни ту, которая сидела в углу вместе со своими детьми, ни странного курчавоголового господина, ни тем более тех, кто дремал в полной безнадежности получить лошадей в ближайшие несколько часов.

Пушкин не повернул головы, чтобы посмотреть на генерала и проводить его вежливым взглядом, как это сделал бы любой добропорядочный чиновник. А с женщины, занятой чаепитием, что взять? И с этих полусонных господ тоже?

Снаружи раздался звон колокольчиков и свист ямщицкого кнута. И вскоре после этого снова появился смотритель — гроза, слава богу, миновала!

— Однако же,— вернулась к своему разговору барыня,— я такого не ожидала от вас. Я не настолько глупа, чтобы вписывать в вашу книгу свою жалобу, которая никого не заинтересует, но при первой же встрече коечто скажу Василию Петровичу...

Смотритель достал рыжий полотняный платок и вытер им лоб. Отдышавшись, он сказал:

— Сударыня, я — человек пуганый.

— Оно и видно.

— Нет, сударыня, этого еще не видно. Вам это пока кажется только. Неужели вы полагаете, что Василь Петрович не поймет меня и непременно поймет вас? В эдаком разе я могу лишь руками развести. Он прекрасно осведомлен о моем служебном рвении. Напрасно представляете вы меня эдаким крокодилищем, эдаким вурдалаком. Нет-с, сударыня, я ничьей кровушки не жажду, и на это никто права мне не дал. Да это и не в моем характере.

Дети, шумно хлебавшие чай, поворотили от любопытства головы в сторону смотрителя.

— Нет вам оправдания, господин смотритель! Вы сами видите мое бедственное положение: у меня на руках дети, меня ждет муж. Я об этом говорила вам. А вы? Вы же, господин смотритель, обманули меня, сказав, что нету у вас ни лошадей, ни ямщика. А ведь нашлись же!

Она выговаривала очень строго, а смотритель покорно сносил ее выговор. Как и подобает чиновнику его ранга при исполнении служебных обязанностей...

— Сударыня! — Смотритель молитвенно скрестил руки и закатил глаза.— Видит бог, я говорил сущую правду. Тройка — про запас, на случай важнейшего государственного дела.

— Дела? — усмехнулась женщина.— Дела? Вы полагаете, господин смотритель, что я не знаю этого генерала? Он едет по своим частным делам. Вы думаете, что я слепа и не различаю подорожных?

Смотритель почему-то поворотился к Пушкину, словно ища у него поддержки:

— Сударыня, ведь подорожная подорожной рознь. И вы не могли видеть, что написано в генеральской подорожной. Не могли за неимением подзорной трубы.

— Может, началась война с Турцией? Или еще с кем-нибудь из татар? Куда же торопится генерал?

— Не нашего ума дело-с,— заключил смотритель и пошел к себе, за конторку.

Пушкин поставил на круглый столик свой стакан и, не говоря ни слова, медленно направился к выходу, на свежий воздух.

Весна вступила в свои полные права. Птицы пели высоко в голубом небе. Грязь покрывала толстым слоем дорогу и пристанционную площадку. Солнце пригревало, и было от этого здесь, под небом, весьма и весьма уютно. Вот если бы еще и лошадей да карету бы...

— Ох-хо-хо,— услышал Пушкин за спиною смотрительский вздох.— Кабы имелись лошади, да разве нужны они мне? Что я их стал бы держать попусту в конюшне? Эта городничиха,— пояснил он,— по своему женскому разумению вроде бы права.

— Нет, она права во всех отношениях,— не согласился Пушкин, любуясь небом и солнцем, с каждым мгновением входящим в силу.

— Может быть. Однако же сам генерал! Прикажете отказать ему? Чтобы испытать силу его кулаков, а то, чего доброго, и нагайки?

Пушкин молчал.

— Скажем, вы,— оправдывался смотритель.— Едете вы по казенной надобности. Те господа, которые дремлют себе, подождут. Не важные птицы! А городничиха, верно, посвоему права.— Он внимательно приглядελся к собеседнику, пытаясь определить, какого же класса сей чиновник и как лучше вести себя с ним. Сказать по правде, смотритель — человек затурканный, хорошо сознающий свое место на шестке государственной власти,— как видно, был общительным, и никакой дерзости не ощущалось в его действиях. И ежели что и вырывалось у него неожиданное, то это совершенно невольно. От затурканности полнейшей. Он понимал, притом хорошо, что угодливый смотритель особо почитаем проезжими господами, особенно сановитыми. Весьма к тому же любопытному от природы, ему очень хотелось знать, кто же сей курчавоголовый господин с лицом иноплеменным. И он осторожно повторил:

— Вот вы тоже изволите по казенной надобности.— Подождал немного, спросил: — Не так ли, милостивый государь?

— Да,— сказал Пушкин,— именно по казенной. Однако же, любезный, скажите, не таясь: есть еще у вас лошади?

— У меня? Лошади? — изумился смотритель.— Могу свидетельствовать клятвенно...

— Не надобно,— перебил Пушкин.

Ему было жаль этого пожилого человека, принужденного силою обстоятельств и служебного положения терпеть различные притеснения от проезжих высокородных и худородных господ.

— Да были б они у меня, я бы давно отправил в путь-дорогу уважаемую городничиху, которая наверняка обратится с жалобой к почтмейстеру. Это уж точно. Да ведь и вы могли бы позволить себе эдакое.

— Я?—спросил Пушкин.—Вы так полагаете?

Смотритель таинственно хихикнул:

— А вот и полагаю. Значит, полагаю.

«Видно, узнал меня,— подумал Пушкин.— И немудрено. Не раз приходилось бывать на этой станции, хотя сам смотритель почему-то не удержался в моей памяти».

— Пушкин...— произнес смотритель.— Забавная фамилия.

Пушкин поворотился к нему.

— Приходилось вам слышать прежде? — спросил он, улыбаясь и оттого еще более становясь похожим на иноплеменника.

— Нет, милостивый государь,— признался смотритель.

— Может, читали что-нибудь эдакое в газетах наших или журналах.

Смотритель замахал руками.

— В газетах? — воскликнул он.

— Да.

— В журналах?

— Отчего бы и нет? Разве не доводится их читать?

Смотритель приложил платок к губам.

— Почему же, иной раз попадают в руки,— сказал он.— Но что же из этого должно воспоследовать?

Пушкин повеселел:

— Может, стишки кой-какие читали?

— Ой, нет! Стишков не люблю! Это — дело барышень. А я, милостивый государь, делом занят-с. Круглые сутки! Да, делом-с!

— Ну что же,— сказал Пушкин,— раз стишков не читаете, так не выпить ли нам с вами пуншу? За знакомство!

— С превеликим удовольствием. А насчет лошадей не извольте беспокоиться. Они могут прискакать в любое время. Может, скачут уже. И вы уедете. После городничихи...— Смотритель махнул рукой.— А ну ее!

За пуншем время потекло быстрее. Курчавоголовый, попивая из стакана, подробно расспрашивал о смотрительском житье-бытье.

После того, как довелось ему еще несколько раз столкнуться с подобными смотрителями на других станциях, Пушкин писал своей жене из Нижнего Новгорода в Петербург:

«...поехал я к Булгакову извиняться и благодарить, а между тем и выпросить лист для смотрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки».

...БЕЗ КРАСОТЫ ■

Статья «Мода и красота» вызвала отклики читателей, которые добавляют новые штрихи к поднятой проблеме.

«...Мода давно уже уродует красоту человеческую, буквально оскорбляет эстетические чувства,— пишет тов. Тимофеев из Ленинграда.— Она не облагораживает образ человеческий, а нещадно уродует лучшее, что дано природой, выработано временем и хорошей традицией». Мода — не безобидна» (рабочий-фрезеровщик Ордынский, г. Москва). «Кто и когда «пристегнул» слово «культура» к моде? Какое отношение имеет мода к культуре вообще?» — идет еще дальше В. П. Данилин из Днепродзержинска. Именно «мода» повинна в том, как полагает М. С. Иванникова из г. Фрунзе, что «понятия о красоте сейчас извращены и противоречат сами себе...» «Мода,— пишет Ф. С. Скурский из Купянска,— приносит больше вреда, чем пользы...» Поддерживает основную мысль статьи И. Г. Даниленко из Сумской области, выражая надежду, что она будет оказывать помощь работникам идеологического фронта в борьбе против извращений в моде и «холуйского» подражательства, в борьбе за высокую культуру советского человека.

В дополнение к мыслям и фактам, приведенным в статье, читатели описывают и другие казусы моды. Вот сценка, нарисованная участницей Великой Отечественной войны А. Х. Ткаченко (г. Омск): «Идут по улице девицы, парни с распущенными волосами, рубахи и кофты расстегнуты, связаны на животе узлом, на шее болтаются крестики, ко всему этому папиросы в зубах...» «Недоумение вызывают,— пишет И. В. Андреева из Москвы,— курящие девушки, теряющие свою женственность, и юноши, «сильный пол», который носит кружевные блузы с жабо; все это смешно и грустно».

Интересное письмо прислал в редакцию М. А. Левин. Он описывает, как в их доме молодой супруг — «и один, и со своей женой, и с приятелями, и в будни, и в выходные дни, и в праздники — проходил в одном и том же вылинявшем, затрапезном, грязно-голубом джинсовом костюме. К тому же он до невозможности зарос волосами — огромная шевелюра до плеч, вкупе с усами и бородой...». Зачем ему такая «волосяная фантасмагория?» — спрашивает М. А. Левин. И отвечает: «Модно»...

Совершенно прав М. А. Левин, когда пишет, что «вопрос о моде далеко не безобидный». «Разве советский образ жизни не включает в себя соответствующий — **советский** — внешний облик наших людей?.. С каких пор чистота, опрятность, даже элегантность костюма — и вообще всего облика — стали отрицательными качествами?..»

Здесь следует, конечно, подчеркнуть, что все эти «космы», обтрепанные свитера, брюки с декоративными или настоящими заплатами и т. д. не имеют ничего общего с подлинной простотой и демократизмом. Напротив, они уживаются как раз с пренебрежением к окружающим людям. Точно так же вся эта бутафория, как правило, не имеет ничего общего и с процессом творчества, на который склонны намекать своими одеяниями отдельные лица.

Когда-то Диоген пришел в своем обычном рубище в дом Платона и начал топтать его ковры, приговаривая: «Так я попираю гордыню Платона!» «Да, но другой гор-

дыней»,— ответил Платон... Таким образом, уже древним грекам были хорошо известны нравственные оттенки напускной бедности, хотя, конечно, и на другом уровне, на другом, так сказать, жизненном материале.

В то же время несправедливо считать, что длинные пряди волос и джинсы изобретены для ленивых и неопрятных — вовсе нет! Они совсем не исключают возможности соблюдения личной гигиены. Причем весьма последовательного. Как-то в метро я увидел молодую пару, модно одетую, с достаточным количеством наклеек, этикеток, вшивок и вышивок на соответствующих частях тела. Молодые люди мерно, синхронно и даже торжественно что-то жевали. Сначала я подумал, что бедняги не успели поесть и перехватили

по пирожку в киоске у станции «Университет», потом понял, что они жевали ЖВАЧКУ. Весь путь жевали — до центра. Как же они старались! А потом мне объяснили знающие люди, что, оказывается, жвачка — это и есть престиж, под видом триумфа гигиены. Будто бы жевать резинку — это значит шлифовать эмаль, укреплять десны, способствовать перевариванию пищи и т. д.!.. Трудно, конечно, возразить что-либо против борьбы человека за свое здоровье, но зубные щетки, мочалки, гантели, наверное, ничем не хуже публичного «жевания».

Кстати, читатели затронули эту серьезную тему: «Мода и гигиена». Инженер Н. Ф. Силаев из Владивостока приводит в своем письме три рисунка: нормальная ступня, подошва обуви, продающейся в магазинах, и, наконец, обувь, соответствующая санитарным требованиям. Сопоставление их показывает, что наиболее модная обувь («клин» — как ее называет автор письма) не учитывает вовсе медицинских соображений!.. Читатели пишут также и о том, что в моду снова входят как раз наиболее уродующие стопу и походку формы обуви: высокие каблуки, каблуки-шпильки, негнущиеся платформы, каблуки-копыта и т. д. Самое же печальное, пишут читатели, что если даже вещь не нравится, «если она вызывает чувство законного отвращения и возмущения», то в продаже вдруг появляются только «модные вещи» (часто уже вышедшие из моды), и люди вынуждены ими пользоваться.

Эта ситуация порождает ряд иных — этических и даже юридических ситуаций. «Кто виноват?» — спрашивает ученик 9-го класса Али Гусиханов из Чечено-Ингушетии.— Те, кто носит, или те, кто выпускает?.. Если б не выпускали, то не носили бы». Конечно, дорогой Али, конечно, не носили бы! Но послушаем, что пишет в редакцию Людмила Синева в письме, полном грустного юмора. «Я живу в Саратове,— сообщает Людмила.— Так что буду говорить о том, как здесь при помощи моды можно скрыть недостатки или подчеркнуть индивидуальные особенности. Представьте себе, что это довольно-таки просто. Берешь 200 руб. и покупаешь джинсы».

Джинсовая «фирменная» униформа выручает, как видим, там, где швейники и текстильщики почивают на лаврах.

«А одеться хочется модно,— продолжает откровенно размышлять Людмила,— и в то же время одеться со вкусом — подчеркнуть свои индивидуальные особенности и, разумеется, скрыть недостатки. Ах, как хочется выполнить все это! Не хочется бездумно следовать моде, но вот думаешь, ищешь. И так жалко времени, потраченного на это!..»

Но Саратов не исключение. Вот и далеко от Саратова, в Приморье, встречаются люди с такими же проблемами. Об этом пишет Силаев: «Ведь смотреть больно, как портят отличный материал! Какой-то заграничный делец сделает из дерьма вещь — так ее приятнее в руки взять... обидно!»

Увы, все правда... Только надо сразу оговориться, что когда со страниц журналов и газет раздаются голоса об уродствах моды, то, конечно, не для того, чтобы уговорить носить тусклые, бесформенные одежды или кутаться в мешковину,— вовсе нет! Эти упреки адресуются ведь и тем, кто **производит** вещи: нашим швейникам, модельерам и многим другим. В этой критике определенно есть надежда способствовать как раз выпуску подлинно красивых, элегантных, хороших вещей, а не для того, чтобы лишний раз уколоть тех, кто вынужден носить то, что им не нравится,— лошадиные копыта и платформы, юбки с угрожающими разрезами и портьерными кистями на поясах, синими, трупного цвета, веками и фиолетовыми париками, и всяким прочим реквизитом стиля «модерн».

Но, может быть, мы преувеличиваем? Пожалуй, нет... Вот что пишет М. Т. Пилипенко из Севастополя по поводу надписи «мисс любовь» на футболке девушки. «Могу сообщить автору, что видел и более возмутительные надписи».

Кстати, надписи «на языках» тоже замечены читателями. «Я очень люблю свою Родину и весь наш народ,— пишет А. Х. Ткаченко.— Около четырех лет провела на фронтах Отечественной войны. Считаю, что неправильно носят рубахи с нерусскими словами. У нас много есть русских красивых слов. Можно обойтись и без иностранных».

Инженер И. Андреев (Москва) предлагает на лучших советских товарах, со знаком качества, оставлять только надписи на языках народов СССР. И с ним нельзя не согласиться. Неловко читать, как слова «Сделано в СССР» заменяются иногда на: «Мэйд ин...» и подобные. Ведь вещи тоже агитируют за наш, советский образ жизни. И если уж они идут за рубеж, нам нечего стыдиться ни своих языков, ни исконных слов, ни национальных традиций. Ибо дело доходит до курьеза: ведь даже на водочную этикетку заползла угодливая надпись, превратив русскую водку в «рашн водка» или «русиш водка», хотя во всех словарях мира этот продукт передается в русской транскрипции и в переводе не нуждается. Если это рассчитано на иностранцев, то не имеет смысла, даже с точки зрения интересов торговли, ибо практика мирового туризма показывает: приезжий всегда предпочтет товар с его исконным наименованием.

...«Ну что этому автору надо? Имеешь свои взгляды, так не старайся навязывать их другим... А тут еще автор политическую платформу подводит.— Вот эти слова взяты из письма тов. Березина (Краснодар).— Хочется—носи, носи все, что хочешь! Узкие брюки, широкие... Человек ценен не своим «барахлом», а своим духовным миром».

Полностью надо согласиться с тов. Березиным в том, что человек ценен своим духовным миром! Но как же связать с каким бы то ни было духовным миром рабскую зависимость от нелепых нарядов, от вульгарной, глупой фантазии их неведомых сочинителей. Ведь эти наряды, как справедливо пишет в письме тов. Скурский, «насилуют волю человека». Как совместить с «духовным миром» ношение неверующими крестиков, а верующими различных атеистических надписей на майках?.. Но вот что касается: «Хочешь — носи, не хочешь,— не носи»,— об этом стоит сказать особо.

Конечно, подлинный эстетический вкус может быть воспитан только в условиях свободы выбора взглядов на вещи, то есть **вкуса**. Там, где форма одежды, ее расцветка и т. д. заранее «предписаны», вкус просто не возникает! Его порождает, так сказать, соревнование в престижности. Но ведь если у человека нет каких-то прочных, проверенных временем эстетических норм, то исчезает и критерий красивого и некрасивого. Если взять лучшие национальные традиции в одежде народов СССР, например, Средней Азии, то мы увидим, что при всем разнообразии расцветок, фасонов, узоров они исходят из ряда принципов, переходящих из века в век. И не будь этого, как знать, не утратили ли бы мы всего богатства и великолепия цвета, рисунка, сочетания красок!.. Как, кстати, кое-что утратили из русских национальных традиций... Так что практичности и красоте наших тулупов, зипунов, сапог и самоваров мы уже вновь «учились», и не в своих родных деревнях, а на картинках зарубежных журналов мод. Не обидно ли?..

Кроме того, в принципе «Носи, что хочешь» есть еще одна сторона. Если бы речь шла, скажем, только о стареющих холостяках или молодящихся модницах, или о «стилягах» с их претензией «нанести пощечину общественному вкусу», то, пожалуй, достаточно было бы веселого смеха окружающих. Но когда речь идет о молодежи, которая, между прочим, не всегда имеет возможность следовать моде на собственные средства, то тут часто не до смеха! «Мы знаем,— пишет в своем глубоком, по-граждански тревожном письме тов. Скурский,— сколько приносят горя родителям их дети, которые требуют, чтобы они обеспечивали их модной одеждой. На этой почве стремления модно одеваться совершаются даже преступления...»

Печально, но случается и такое... Кстати, одним из главных принципов западной моды является прямо-таки ее репрессивный характер: со старой модой всячески борются, и высмеивают, и вытесняют, ибо задача-то — не удобство и красота человека, а прибыль, выгода фирмы! Вот почему изгоняются более-менее постоянные национальные одежды, обычаи и традиции. Мода стремится их размыть, растворить. Или же при неудаче обокрасть. Ибо спекулятивная мода в прямом смысле слова питается объедками национальных культур, обедняя их, конечно, и искажая.

Так что за вкус тоже надо бороться! Хотя, конечно, не силой, как Петр I, а словом, примером и, главное,— красивыми вещами. Никто ведь не выступает против моды как таковой, а только против моды спекулятивной, торгашеской, хищнической, которой наплевать на человека, лишь бы очистить его карман.

Ну, а какой же должна быть мода?.. Процитируем слова М. А. Левина, который приводит в своем письме слова Толстого о Нехлюдове: «Все вещи, которые он употреблял,— принадлежности туалета: белье, одежда, обувь, галстуки, булавки, запонки,— были самого первого, дорогого сорта, незаметные, простые, прочные...» Вот, значит, продолжает читатель, как уже в то время определялась хорошая, первосортная вещь. Но это были вещи дорогие. В наше время хорошие вещи должны быть доступны всем!

Как видим, из этой умной программы наши швейники пока освоили только один вид: а именно — «незаметный». Все остальное ждет своего воплощения. Если же без шуток, то мода, которая бы достойно представила наш советский образ жизни, еще впереди.

И, наконец, еще об одном немаловажном аспекте. Некоторые читатели полагают, что в ряде извращений моды отчасти повинны средства массовой информации: кино, телевидение, пресса. Так, А. Подкорытов (Тюменская область) считает, что последнее время мы часто видим как раз в кино те самые факты, которые и вызывают беспокойство (курящие девушки и женщины; развязное обращение к родителям типа «предки», порою вовсе не верная моральная позиция авторов фильма). В письме из Винницкой области тов. И. С. Сирот приводит пример, когда из второго издания «Тысячи крылатых выражений украинского литературного языка» выброшено высказывание М. Рыльского о том, что мода «антилогична».

«Наверное, хотели услужить модникам и модницам»,— справедливо предполагает читатель. Нельзя не поддержать предложения М. С. Иванниковой о необходимости введения уроков эстетического воспитания в школах. Кое-что, конечно, делается уже сейчас. В московской школе № 710 такие уроки ведутся, но эта школа экспериментальная, работающая по режиму продленного полного дня.

И все-таки это начало.

Короче говоря, читатели проявили живую заинтересованность в вопросах моды. Они хотели бы увидеть на страницах журнала статьи об истории костюма (Н. Г. Пугачева из г. Гурьева); о моде в искусстве, и в частности даже в музыке (И. Даниленко). И много разных других пожеланий. Надо думать, не замедлят откликнуться и те, кто ближе всех стоит к институтам моды: модельеры, художники, дизайнеры, производственники... Будем надеяться, что общие усилия всех, кто искренне заинтересован в союзе моды и красоты, принесут свои плоды.

Б. ЛУКЬЯНОВ,
кандидат философских наук.

ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН...

ПИСЬМО ПОЗВАЛО В ДОРОГУ

Б. ПРОТОПОПОВ

...-А вы не расстроите больную? Надеюсь, ничего плохого не привезли?— сказала лечащий врач и обратилась к дежурной сестре: — Позовите Платонову!

Тамара Ивановна вышла из палаты, зябко кутаясь в больничный халат, и вопросительно посмотрела глубоко запавшими глазами.

— Что же, только из-за меня приехали или еще дела здесь есть?— спросила она.

— Только из-за вас,— ответил я.— Как здоровье ваше? Мне сказали — сильное нервное расстройство?

— Да, было... Электросном лечили. Сейчас отошло... Вот так-то, товарищ корреспондент!.. Порой на досуге начинаю думать, что это только кажется мне, будто история моя необыкновенная. Другим и слушать-то ее скучно. Подумаешь — муж-пьяница, эка невидаль! Или разводись, или терпи. А я воевать начала. И довоевалась: он живет и здравствует, квартиру ему предоставили, а я на улице с детьми!..

Губы Платоновой ожесточенно сомкнулись. Она замолчала, закрыв лицо руками.

— Да и то,— продолжала она после долгой паузы.— Чего меня жалеть... По соседям от мужа не пряталась, синяков от него не носила. Трус он и знал, что этого не спущу. Людям до поры тоже не жаловалась. Думала, сама справлюсь. Не дам детей осиротить! Да, видно, переоценила свои силы... Конечно, если бы помогли мне...

...Пить Михаил Платонов начал в родном селе. Он кузнец, мастер на все руки — замок починить, кастрюлю запаять, тяпку поправить — все к нему. Деньги за такую мелочь предлагать вроде неудобно, да и не возьмет их Михаил, а вот стаканчик-другой вина — «От всей души, дескать, обидишь, Миша, коли не выпьешь!» — это можно.

Так усилиями кое-кого из односельчан скромный, работящий человек стал пьяницей. Тамара сразу почуяла опасность. Но на все ее доводы следовало: «Ну, как откажешь людям — обидятся ведь».

Забыв о гордости, пошла Тамара по дворам. Просила: «Не спаивайте Михаила, слабый он... У нас ведь двое детей, мал мала меньше!» На селе удивлялись: чего это она? По канавам Платонов не валяется, стекла дома вроде бы не бьет. А выпивать, кто ж у нас не выпивает? Вино свое, не купленное!

Просила Тамара мужа: «Уедем отсюда!» Но вмешалась его мать, Василиса Савельевна: «Куда он из родного дома пойдет, или плохо вам здесь живется?!» Тогда, захватив детей, Тамара ушла сама.

Она еще любила Михаила и надеялась, что он придет к ней. Так и вышло. В совхозе, где устроилась Платонова, кузнецы тоже были нужны. Дали им отдельный домик, детей устроили в детский сад. Нашла по себе работу и Тамара Ивановна. Вспомнив комсомольскую юность, наладила в местном клубе самодеятельность, избрали ее в местный комитет профсоюза. Появилась третья дочь — Лариса. И зацвела наконец весной посаженная Тамарой Ивановной махровая сирень.

— Ишь ты, прямо в окно смотрит,— сказал как-то Михаил.

— Так и задумано, Миша,— улыбнулась ему жена.— Видишь, как все хорошо у нас стало!

Но недолго длилось это счастье. Местные пьянчуги не обошли Михаила своим вниманием. Как же — деньги у него водятся, а человек, видать, добрый, безотказный...

Есть, говорят, такие рыбы — прилипалы. Мелочь, смотреть не на что, а присосутся и не отлипнут, пока от жертвы не останется одна шкура. Все чаще стал Платонов приходить домой навеселе. И снова Тамара Ивановна вышла на бой. Сначала в одиночку.

— Маруся, не давай Платонову вино в долг,— просила продавщицу магазина.— Долг ведь отдавать надо, а теперь в доме часто и рубля не бывает!

— Не могу, Тамарочка,— хихикает та в ответ,— у меня сердце бабье, мягкое. Как в выпивке откажешь, если такой интересный мужчина просит?!

Однажды, когда Михаил устроил угощение для приятелей у магазина, Тамара в сердцах побила стоявшие тут бутылки с вином. Конечно, ничего она этим не добилась. А комендант совхоза, сам пьяница, пригрозил, что привлечет к ответственности за злостное хулиганство. Но Платонова не сдавалась.

Как-то раз Михаил пришел особенно мрачным. Молча сбросил со стола приготовленный ему ужин.

— У клуба стенгазета висит с карикатурами, твоя работа?— спросил, прищурив глаза.

— Моя,— сказала Тамара Ивановна.— За дружков обиделся? Скажи спасибо, что тебя пожалела. В следующий раз спуску не будет!

— Ну, смотри! — пригрозил Михаил.

Сатирический листок кто-то ночью сорвал, а когда на другой день Платонова возвращалась с работы, вслед ей понеслась площадная брань. Обернулась — несколько мужчин смотрят злющими глазами. Другая ушла бы от греха, а она подошла к ним вплотную и сказала в глаза: «Не грозите, не боюсь вас. Сегодня ваши жены спасибо мне сказали, слышите? Не оставлю вас в покое, пока не образумитесь».

Домой пришла с гордо поднятой головой, а там в грязной одежде и сапогах храпел на чистой постели пьяный Михаил. Дети, забившись в угол, смотрели на него испуганными глазами...

Утром, решив, что придется все же вынести сор из избы, Тамара Ивановна пошла к директору совхоза.

— А-а, художник! Зачем явилась?

— Помощи просить хочу,— ответила Платонова.— До каких же пор вы пьянчугам мирволить будете? Дома пьют, на работе пьют. С моего начните, пропадает ведь мужик...

— О других не твоя забота,— прервал ее директор. —А насчет своего сама думай. Работает он хорошо, а как дома себя ведет — не наше дело! Впрочем, вызвать придется.

Действительно, вызвал и поговорил по душам: «Что же ты, Михаил, позволяешь своей жене на тебя жаловаться, какой же ты мужик!» Легко представить, как окрылило Платонова это «отеческое» внушение!

Но не сдалась Тамара Ивановна и тогда. Только, почувствовав недоброжелательное отношение к себе, сменила место работы — пошла приемосдатчиком на железнодорожную станцию Кишинев.

Еще одна надежда оставалась у нее: «Если не бросишь пить, сына у тебя не будет»,— заявила она мужу. И тут что-то человеческое ожило в Михаиле. Со слезами умолял сохранить будущего ребенка, клялся, что все осознал. Собралась многочисленная родня, убеждала, будто Михаил и пьет-то только потому, что нет в доме наследника.

Но вот родился сын. Торжественно нарекли его в честь деда Семеном. И вновь оттаяло сердце Тамары. Ведь так легко поверить в то, чего страстно желаешь! Но, увы, клятва пьяницы немногого стоит.

Когда у Тамары Ивановны уже опускались руки, из больницы, куда случайно попал Михаил, ей сообщили: «Муж ваш алкоголик, но добровольно лечиться не желает. Необходимо отправить его в лечебно-трудовой профилакторий!..» Это было как луч света в беспросветной тьме. Оказывается, не все еще потеряно!

И вдруг совсем неожиданное заявление милиции: «Сочувствуем вам, но принудительно отправить не можем... Да, справка из больницы есть. Но вот характеристика Платонова с места работы такая, что в пору портрет его на доску почета вешать. Соседи? Соседи говорят: «Не наше дело». Докажите, что он дома скандалит, или пусть сам согласие даст, тогда отправим!» А Михаил только ухмылялся: «Хотела в тюрьму засадить,— не выйдет!»

Выручила старшая дочь, Марина,— принесла из клуба магнитофон. Даже видавшие виды работники милиции смущенно потупились, когда прослушали пленку с записью очередного «выступления» пьяницы. На другой же день Михаила увезли, и семья за многие годы вздохнула с облегчением.

И снова удар. Подлый! Из конторы совхоза «Жемчуг», где в последнее время работал Платонов, пришла бумажка с просьбой «освободить ведомственную квартиру».

— Ничего не могу сделать,— вежливо объяснял встревоженной женщине директор совхоза Винтилов,— вы у нас не работаете, а муж, так сказать, в заключении. Понимаю, понимаю, что не тюрьма, но только после позора, какой вы ему устроили, он и сам не захочет к нам вернуться! Так что освобождайте квартиру.

Только при помощи местных организаций удалось втолковать ретивому администратору, что он совершает беззаконие! Но все это — и угроза остаться с детьми на улице, и шипение за спиной — «Мужа в тюрьму посадила!»,— и оскорбления совхозных пьянчуг — все, все это показалось чепухой, не стоящей внимания, когда под новый, 1977 год пришло письмо от Михаила. Ей лично. До этого он писал дочерям, что никогда не простит их матери «такого бесчестия». А тут сам просит о свидании!

— Я ехала с тревогой,— рассказывает Тамара Ивановна,—думала, придется оправдываться. А он так хорошо заговорил со мной! Впрочем, я даже не слышала, о чем именно. Я на лицо его смотрела. Чистое, молодое... Ни одутловатости, ни мешков под глазами. В глаза смотрела... Господи! Я и забыла, что у моего мужа такие красивые глаза!.. Он расспрашивал, я отвечала, говорила, что дома все хорошо, дети его ждут. Спросила, приедет ли на свадьбу дочери. Сказал: «Нет, сейчас не хочу». И это было понятно мне. Что-то еще рассказывал, не помню. Глядела в его чистые глаза и чувствовала, как тает, отступает холод, который, думала, уже навсегда залег у сердца. Жили мы с ним два дня в гостинице. Договорились, что в сентябре приеду и вместе поедем домой...

В назначенный день Тамара Ивановна летела к мужу как на крыльях.

— Нет его,— сказал вахтер, заглянув в списки.—,Два часа как уехал.

— Куда уехал? Этого не может быть!!!

— Сказал — домой!

К вечеру она добралась в село Токмазею. Да, Михаил был здесь. Сидел с матерью за столом, на котором красовался уже наполовину опорожненный графин с вином.

— А, приехала!—сказал он, повернув к ней багровое лицо.

— Садись с нами!— пригласила свекровь, разливая вино по стаканам.

— Что же вы делаете, Василиса Савельевна! Вы же смерть ему наливаете... Посмотрите на него! Ведь он же лекарство принимал!— только и могла промолвить Тамара Ивановна.

— Ничего, понемногу, говорят, можно! — добродушно ответила свекровь.

После этого Платонову уложили в неврологическое отделение.

В мае 1977 года по просьбе Тамары Ивановны их развели, а через три месяца пришло решение районного суда о выселении ее с детьми из ведомственной квартиры.

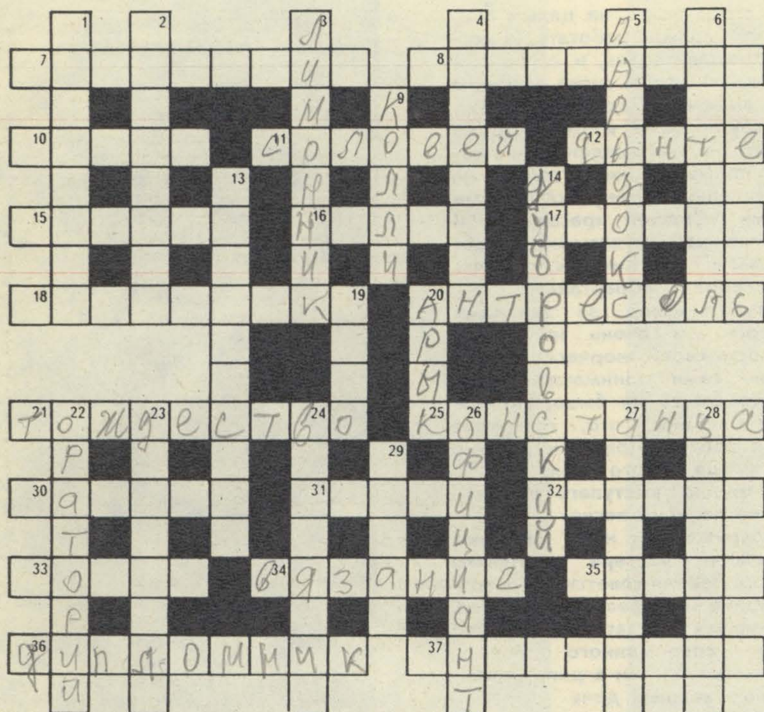
...Трудно в наше время найти человека, который не осуждал бы пьянства. Все согласны, что это — страшное зло. Но как часто, едва от слов нужно перейти к делу, ревнители трезвости предпочитают быть в сторонке или, еще того хуже, вступаются за «мужскую честь» пьяницы, как это сделал руководитель совхоза, который «стыдил» Михаила. (Директор давно уже на пенсии, и Платонова не захотела назвать его фамилии.) Хорош и Винтилов, не постеснявшийся возбудить дело о выселении «строптивой» жены. Не нашел я сочувствия к судьбе Платоновой и у руководителей станции Кишинев, где работают и она и старшая дочь.

— Надоела она мне,— откровенно заявил секретарь партийной организации, начальник отдела кадров Н. Повержук.— Мы и специалистов не можем полностью квартирами обеспечить, а она всего-навсего приемосдатчик!

Примерно то же ответили мне в местном комитете и в райпрофсоже. Идти к начальнику молдавского отделения Одесско-Кишиневской железной дороги тов. Титову также не имело смысла. Вот бумажка с его подписью: «Выделить квартиру тов. Платоновой не имеем возможности...»

Так что хождение Платоновой по мукам продолжается.

Нет, не только она потерпела поражение. Моральный урон понесли и те, кто не захотел прийти к ней на помощь, кто бросил ее одну в неравной битве, где один в поле не воин.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Рассказ М. Горького. 8. Талант, способность. 10. Шелковая ткань. 11. Певчая птица. 12. Итальянский поэт XIII—XIV веков. 15. Картина А. А. Пластова. 16. Кондитерское изделие. 17. Приток Припяти. 18. Старинный испанский танец. 20. Настил под потолком для хранения вещей. 21. Равенство двух отношений в математике. 25. Порт в Румынии. 30. Раздел физики. 31. Композитор, автор оперы «Трубадур». 32. Водоскат на реке Вуокса в Финляндии. 33. Город в Португалии. 34. Способ изготовления трикотажных изделий. 35. Художник-передвижник. 36. Студент-выпускник. 37. Учреждение, осуществляющее надзор за правилами торговли, санитарным состоянием.

По вертикали: 1. Употребление слова, выражения в переносном смысле. 2. Рыба, обитающая в прибрежных водах океанов. 3. Вьющаяся ягодная лоза. 4. Автономная советская республика. 5. Неожиданное, необычное явление, суждение. 6. Лекарственное растение семейства маковых. 9. Шотландская овчарка. 13. Телескоп. 14. Опера Э. Ф. Направника. 19. Часть света. 20. Оросительный канал в Средней Азии. 22. Инструментальное произведение на народные мелодии. 23. Стихотворение А. С. Пушкина. 24. Скульптурное изображение, статуя. 26. Работник в системе общественного питания. 27. Сложный орнамент из геометрических фигур, стилизованных цветов и листьев. 28. Металл. 29. Духовой клавишный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 7. Мозаика. 8. Арлекин. 9. Шадр. 10. Бант. 12. Поле. 13. Румб. 14. Одесса. 16. Тартюф. 17. Нектар. 18. Мериме. 21. Аккорд. 24. Радиус. 27. Руда. 28. Луза. 29. Роща. 31. Тюль. 33. «Тачанка». 34. «Русалка».

По вертикали: 1. «Контора». 2. Рица. 3. Мадрид. 4. Карбас. 5. Клен. 6. Дилемма. 9. Шест. 11. Трек. 14. Офицер. 15. Ананас. 19. Еруслан. 20. Икар. 22. Киль. 23. Розетка. 25. Анабас. 26. Устюрт. 30. Окно. 32. Лось.

На первой странице обложки: Солисты Большого театра СССР Надежда Павлова и Вячеслав Гордеев. (См. в номере материал «Стать лучше самого себя»).

Фото А. Макарова

На последней странице обложки: Этот состав торопится по Малому БАМу в Нерюнгри, угольную станцию Южной Якутии.

Фото А. Гостева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

**Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 23.02.79. А 00635. Подписано к печати 13.03.79. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 543. Заказ № 269.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СТАТЬ ЛУЧШЕ САМОГО СЕБЯ

Е. САДОВНИКОВА
Фото А. МАКАРОВА

Полудетское лицо, пристальный взгляд выразительных глаз, брови «домиком», гладко зачесанные темные волосы и редкая обаятельная улыбка знакомы, наверное, всем, даже людям, подчас весьма далеким от классического балета... Слава пришла к балерине раньше, чем совершеннолетие, и ее полюбили не актрисой, а девочкой: необыкновенной, умеющей радостно упиваться танцем и дарить эту радость людям, — но все же девочкой... Не Надеждой, а ласково и уменьшительно — Надей.

Через полтора года после всесоюзного конкурса, принесшего ей в 1972 году золотую медаль и мгновенную славу, вспоминали о ее выступлении словно о каком-то чуде, как о порыве, увлекшем одинаково и жюри и зрителей. Никому не пришло бы в голову подсчитывать количество «скрученных» ею поворотов-фуэте. Да она — в ту пору еще ученица шестого класса Пермского хореографического училища — далеко не все умела; слава пришла к ней раньше, чем совершеннолетие, и раньше, чем мастерство... И, однако, ее способность Танцевать, способность с большой буквы, ее стремление жить танцем, а не только выполнять необходимые па, в первых же конкурсных ее выступлениях подметил крупнейший балетный актер нашего времени Владимир Васильев... Уже тогда, на закрытии всесоюзного конкурса, со сцены Зала имени Чайковского впервые прозвучали имена: «Надежда Павлова — золотая медаль», «Вячеслав Гордеев — серебряная медаль»... Тогда они выступали еще не вместе,— и у каждого был свой партнер, да и жили они в разных городах и были едва знакомы, но судьба будто уже примеряла, как зазвучат их имена рядом: Надежда и Слава...

Надя впервые вышла на сцену еще в младших классах хореографического училища: Амур в «Дон Кихоте», участница па-де-труа в «Щелкунчике». Но в 1970 году, когда Пермский театр приехал на очередные гастроли в Москву, у Нади Павловой, только что закончившей четвертый класс училища, был в гастрольной афише свой — самостоятельный — номер. Ее героиня — маленькая девочка в белой рубашонке, видимо, второпях выскочившая из постели, отчаянно умоляла отца взять ее в театр и для пущей убедительности показывала ему упоенно, словно захлебываясь, свои «балеринские» достижения: прыжки, пируэты, позы... В этой короткой живой сценке столько было искренности и увлечения, трогательного детского лукавства, что она казалась подсмотренной в самой жизни...

А в это время Слава — Вячеслав Гордеев, зачисленный после окончания Московского хореографического училища в труппу Большого театра, с не меньшим пылом демонстрировал способности классического танцовщика в виртуозных па-де-де из «Жизели» и «Пламени Парижа».

...После международного конкурса в Москве, когда Надежде достался Гран при, а Вячеславу — золотая медаль, они вместе уехали в США, на свои первые гастроли, которые организовал знаменитый, ныне покойный, импресарио Сол Юрок, много сделавший для пропаганды русского балета и по праву гордившийся тем, что познакомил американскую публику с великими русскими балеринами — от Анны Павловой до Галины Улановой... Молодые артисты имели такой успех, что пресса называла их «сенсацией гастролей»...

Надя в Перми заканчивает училище и поступает в труппу Пермского театра, где готовит первые свои премьеры в балетах «Жизель», «Ромео и Джульетта», «Чудесный мандарин»... Вячеслав в Москве работает в «Щелкунчике» и «Спящей красавице», «Спартаке» и «Жизели». И вот тут, наконец, «круг замыкается».

Шестого ноября 1975 года на сцене Большого театра идет их первая совместная «Жизель», и в этот же день их свадьба...

Сегодня они оба — молодые солисты балета Большого театра, заслуженные артисты республики, лауреаты премии Ленинского комсомола,— стали неразлучными. Постоянные, из спектакля в спектакль партнеры, они словно нашли себя еще раз в своем поразительно артистичном творческом единении... Теперь они всегда вместе, «на радость и на горе», как говорили в старину. А ведь даже испытания не редкость и в их такой на вид безоблачной судьбе... Болезнь, тяжелая профессиональная травма, ставящая под угрозу будущее, вывела Сла-

В библиотеке.

Редкие минуты отдыха.

ву из строя почти на целый год, но он продолжал работать (и когда разрешали врачи, и когда они запрещали), чтобы снова выйти на сцену вместе с Надеждой.

Их трудолюбие и целеустремленность вознаграждены множеством премьер: они выходили на прославленную сцену сказочными героями «Спящей красавицы» и «Щелкунчика», лукавыми влюбленными в «Дон Кихоте», трагическими героями «Спартака»...

Выступать вслед за звездами Большого им очень нелегко, и сложность своей творческой задачи они сами понимают лучше, чем кто бы то ни было. Но оба равно уверены, что, понуждая себя к работе, можно и должно стать лучше самого себя!

Им трудно выступать в Большом театре. И им легко.

Их окружают, с ними работают крупнейшие мастера советского балета... Первая советская балерина Марина Тимофеевна Семенова, положившая блистательное начало успеху современного балета, встречается с ними в репетиционном зале каждый день.

— Наши репетиции доставляют мне большую радость,— это слова Марины Тимофеевны.

В конце прошлого сезона Слава и Надя встретились с постановщиком Владимиром Васильевым; совместная работа принесла не только радость и удовлетворение, но и победу. Павлова и Гордеев, выступая в ролях мечтателя Икара и его верной подруги, нашли в танце что-то свое, а в себе — что-то новое.

И еще одна премьера.

Павлова и Гордеев выступили в постановке Владимира Васильева — балете «Эти чарующие звуки...», блестяще выполнив сложную задачу, поставленную балетмейстером: воспеть особую красоту чисто классического танца...

Репетиции, спектакли, гастроли... Надя и Слава побывали во многих городах нашей страны и во многих странах мира. И всюду им сопутствует успех, их приветствует пресса и благодарят зрители... Искусство молодых артистов заставляет не только восхищаться танцем, но и задевает какие-то особые, добрые струны в душе человеческой... Серьезные, сосредоточенные лица этой пары привлекают внимание не только в классе, где они, кажется, добросовестнее всех выполняют комбинацию за комбинацией, но и на спектаклях в зрительном зале театра, куда они приходят на урок Мастерства... Спектакли с участием знаменитых мастеров Большого — ведь это и есть продолжающаяся учеба, вечное познание красоты...

И когда одну из замечательных советских балерин спросили, с кем бы она сравнила Надежду Павлову, та ответила: «Ни с кем. Она сама по себе». ...Впрочем, у Надежды Павловой все же есть одна серьезная соперница: та самая девочка Надя Павлова, которая начала свою жизнь на сцене таким звучным крещендо. Победить эту девочку, пожалуй, труднее, чем научиться преодолевать сложнейшие технические трудности. Труднее даже, чем научиться подчинять танцевальную технику духовному миру роли. Но все равно победить обязательно надо. Потому что остановка в поиске немыслима, подобна гибели. Потому что в победе — залог будущего.

В. Гордеев — Спартак.

Н. Павлова — Фригия.

Каждое утро начинается так...

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663